

Проблемы когнитивной лингвистики

Университет им. Константина Философа в Нитре
Философский факультет

Н. Ф. Алефиренко
Н. Б. Корина

ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Научная монография

Нитра 2011

Recenzovali:
prof. Elena Ogneva, DrSc.
doc. Ludmila Stěpanova, CSc.

Problémy kognitívnej lingvistiky

Autori: prof. Nikolaj Alefirenko, DrSc.
doc. PhDr. Natália Korina, CSc.

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta

Jazyková redakcia: Mgr. Oľga Brandys, CSc.

Obálka: PhDr. Ľuboslav Horvát

Sadzba: PhDr. Ľuboslav Horvát

© Н.Ф. Алефиренко, Н.Б. Корина 2011
ISBN 978-80-8094-987-7

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава 1. Когнитивная лингвистика как научная дисциплина	13
1.1. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории ..	13
1.2. Методологические поиски продолжаются	18
Глава 2. Теоретические аспекты когнитивной лингвистики	22
2.1. На пути к когнитивной модели языка	22
2.2. Когнитивная лингвистика, её сущность	23
2.3. Концепт как ключевое понятие когнитивной лингвистики	26
2.4. Типология концептов как ментальных образований	28
2.5. Концепты и язык	30
2.6. Проблема национальной специфики концептов	32
2.7. Метафора и концепт	33
Глава 3. Когнитивно-дискурсивная парадигма языкового знака	38
Глава 4. Когнитивные основания лингвосемиозиса	47
4.1. Информация – знание – значение	48
4.2. Знаки речи и дискурсивные значения	50
4.3. Познание и знакообразование	51
4.4. Когнитивные механизмы знакообразования	54
4.5. Знаки языка и знаки речи	58
4.6. Внутренняя форма и значение словесного знака	60
4.7. О природе и сущности концепта	64
4.8. Значение и концепт	79
Глава 5. Концепт – понятие – категория в свете современной лингвокогнитивистики	81
5.1. Концепт и понятие	81
5.2. Концепт и категория	84
5.3. Концепт и смысл	85
Глава 6. Дискурсивно-когнитивные аспекты языковой номинации	91
Глава 7. Когнитивно-синергетическое направление в современном лингвистическом постмодернизме	99
7.1. «Лингвистический постмодернизм» как понятие	99
7.2. Лингвосинергетика	103
7.3. Семиология	106

Глава 8. Когнитивные особенности языковой картины мира (русско-словацкий аспект)	110
8.1. Языковая категоризация действительности и понятие языковой картины мира	110
8.2. Когнитивные доминанты национальной ментальности и их отражение в языке	114
8.2.1. Географическая детерминированность национально-специфичных когнитивных доминант языковой картины мира	117
8.2.2. Национально-специфичные когнитивные доминанты словацкого и русского языков	122
Глава 9. Национально-специфичные когнитивные доминанты во фразеологии русского и словацкого языков	125
9.1. Концептуальная оппозиция <i>широта – высота</i>	128
9.2. Оппозиция категорий абстрактного и конкретного, или между Западом и Востоком	147
9.3. Оппозиция категорий открытости и закрытости	164
9.4. Оппозиция категорий пространственной детерминированности и пространственной индетерминированности	167
Глава 10. Отражение национально-специфичных когнитивных доминант в способах номинации русского и словацкого языков	171
Заключение	185
Литература	193
Сокращения в названиях словарей и источников	209
Resumé	211

ВВЕДЕНИЕ

Взаимоотношение языка, мышления и сознания – проблема, существующая столько же, сколько пылливый ум человека пытается понять особенность человеческого существа. Определяется же она двумя присущими только человеку феноменами: наличием у него языка и сознания. Однако когнитивную науку считают детищем нашего времени. Нет ли здесь явных или скрытых противоречий?

Противоречия можно усматривать только в случае, если предмет когнитивной науки сводить исключительно к проблеме взаимоотношения языка и мышления, причём в том её виде, в каком она ставилась классиками мировой науки – психологии и лингвистики. Действительно, кто же из серьёзных учёных не занимался столь привлекательной темой?! Прежде всего, нужно вспомнить Г. Штейнтала, В. фон Гумбольдта, А.А. Потенбу и др. Они, кстати, сделали многое для того, чтобы она активизировалась в конце XX века с новой силой. Почему именно в конце XX века? – Можно при желании найти различные ответы на этот вопрос, но, если быть лаконичным, то потому, что в это время полномасштабно заявила о себе информатика!

Появление любой новой науки связано с попыткой человечества устранить из какой-либо области знаний неопределённость, мешающую человеку целенаправленно добиваться своего. География появилась для того, чтобы устранить неопределённость пространственного окружения. Медицина – загадочность функционирования и лечения организма. Психология – внешнюю непоследовательность и неустойчивость нашей духовной деятельности. А вот когнитивная наука – попытка упорядочить мыслительные процессы, устранить их запутанность, перегруженность, виртуальность и нелогичность. Решить подобного рода проблемы – задача нескольких смежных наук. Так наряду с классическими науками появились когнитивная психология, кибернетика, информатика, синергетика... сформировались новые подходы и направления в лингвистике, логике, в культуре научного мышления вообще.

Одним из таких направлений в науке о языке стала когнитивная лингвистика, которая стремится с позиций современной науки осмыслить и сам язык, и мыслительную деятельность человека, на него опирающуюся. В предлагаемой вашему вниманию монографии излагаются теоретико-методологические основы современной когнитивной лингвистики и рассматриваются некоторые её прикладные аспекты, исследование которых осуществлялось в рамках научного проекта VEGA č. 1/0293/09 Kognitívny rozmer filologických vied v 21. storočí на базе Философского факультета Университета им. Константина Философа в Нитре (Словакия).

Что нового даёт когнитивная лингвистика для понимания природы и сущности языка?

1. Языковую деятельность стали понимать как онтологически единый объект, объединяющий систему языка, существующую в человеческом сознании, и речь – сам процесс функционирования языка не только как средства общения людей, но и как средства формирования и выражения их мыслей и чувств. Тем самым расширяется объект языкознания, «исчезает опасность отсечения “неудобных” фактов и примеров, становится неуместным “жёсткое” деление на категории, получает право на жизнь такое явление, как диффузность, взаимопроникновение, взаимопересечение различных языковых минисистем, переходные случаи становятся объектом исследования, обогащая и объективируя получаемую лингвистическую картину» [Лебедева 2009: 37].

2. Утверждается приоритет речи перед языком, обращается внимание на механизмы функциональной реализации системы языка и на её креативные (творческие) возможности в сфере «оязыковления» знаний.

3. Выдвигается требование к исследованию отдельных элементов системы языка: осуществляться оно должно только в целостном континууме осмысления значимости, содержания, смысла этого фрагмента путём выявления закономерных связей части и целого.

4. Язык рассматривается как средство репрезентации синергетического единства мыслительных структур и эмоционального состояния человека.

5. Поворот к проблемам речевой репрезентации когнитивных структур обусловил возникновение такой лингвокогнитивного феномена, как дискурс, позволившего обогатить теорию текста, а также концепцию взаимоотношения значения и смысла языковых единиц.

Не менее значимым является влияние когнитивной лингвистики и на развитие науки о мышлении и сознании.

Когнитивная лингвистика ознаменовала собой новый виток в изучении сложных и, как правило, скрытых взаимоотношений языка, мышления и сознания. Её предтечей считается нейрофизиология (П. Брока, К. Вернике, И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов и др.), которая послужила базой для формирования российской нейролингвистики (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия). Было доказано, что языковая деятельность непосредственно связана с сознанием человека, что разные виды языковой деятельности (освоение языка, слушание, говорение, чтение, письмо и др.) связаны с разными зонами коры головного мозга.

Важным этапом в развитии учения о взаимоотношении языка и мышления стала психолингвистика. Однако она, в отличие от когнитивной лингвистики, занимается главным образом процессами порождения и восприятия речи; процессами изучения языка как системы знаков, хранящейся в мозгу человека; проблемами соотношения системы языка и её функционирования в речи. В американской психолингвистике этими

вопросами занимаются Ч. Осгуд, Т. Себеок, Дж. Гринберг, Дж. Кэррол и др., а в российской – А.А. Леонтьев, И.Н. Горелов, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов и др.

В целом когнитивная лингвистика складывается в последние два десятилетия XX века, хотя её предмет – особенности усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков – был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке. Основополагающими для становления когнитивной лингвистики являются труды В. фон Гумбольдта о народном духе. Оригинально развивая его концепцию, А.А. Потебня связывает вопрос о происхождении языка с явлениями душевной жизни, предшествующей языку, рассматривает законы образования и развития языка, его влияние на последующую душевную деятельность [Потебня 1999: 38]. А.А. Потебня выдвигает идею о доминирующих в душевной деятельности факторах и факторах, сопутствующих ей [Потебня 1999: 83]. Именно доминирующие факторы душевной деятельности человека и стимулируют образование новых мыслей (закон апперцепции Гербарта) и их вербализацию. А.А. Потебня убедительно показывает роль ассоциации в этих процессах. Разнородные представления, воспринятые одновременно, не теряя своей цельности, могут слиться в одно целое. При слиянии двух различных впечатлений новое представление воспринимаются как единое целое [Потебня 1999: 91]. Тем самым А.А. Потебня акцентировал внимание на активной роли языка в процессах познания нового, в процессах становления и развития человеческих знаний о мире на основе психических процессов апперцепции и ассоциации, на основе разных по силе представлений человека о явлениях, получивших своё именование в языке.

Предмет когнитивной лингвистики ещё более явно очерчивается выдающим польским и российским учёным И.А. Бодуэном де Куртенэ. Изучение языкового мышления, полагал исследователь, открывает путь к познанию так называемого языкового знания о внешнем и внутреннем мире человека, к осмыслению всех проявлений действительности – и материальной, и индивидуально-психологической, и социальной (общественной) [Бодуэн де Куртенэ 1963: 312]. В мировой науке размышления о роли языка в познании пронизывают концепции выдающихся мыслителей разных времён и народов от античности до наших дней.

Американская лингвистика от решения этих вопросов, по известным причинам, самоустранялась, отдавая приоритеты структурному подходу к языку. Однако в последней трети XX века американская лингвистика в лице Джорджа Лакоффа, Рональда Лангакера, Рэя Джакендоффа и ряда других пытается не только устранить появившуюся лакуну, но и вырваться вперёд. Подробнейшим образом труды этих учёных и развитие американской когнитивной лингвистики охарактеризованы в работах Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004]. Её труды легли в основу российской когнитивной лингвистики XX – XXI вв., которая приобретает целостное

методологическое единство. Дело в том, что до начала 1990-х годов когнитивная лингвистика представляла собой совокупность индивидуальных исследовательских программ, слабо связанных между собой. Это авторские программы лингвокогнитивных исследований Дж. Лакоффа, Р. Лэнакера (Лангакера), Л. Талми, У. Чейфа, Р. Джэкендоффа, Ч. Филлмора. С ними сближаются концепции, авторы которых в той или иной степени разделяют установки когнитивной лингвистики: Т. ван Дейк (Нидерланды), Дж. Хэйман (Канада), Т. Гивон (США).

В то же время в 1990-е годы в европейской лингвистике постепенно очерчивается круг тех языковых явлений, которые кладутся в основу новой исследовательской парадигмы. Когнитивная лингвистика постепенно обретает свой предмет, свою внутреннюю структуру и свой категориальный аппарат.

Когнитивная лингвистика имеет несколько источников.

1. Лингвистический психологизм XIX века: А.А. Потебня, Г. Штейнталь, В. Вундт. Их воззрения содержат историю непростых взаимоотношений науки о языке с наукой о человеческой психике. В том, что функционирование языка опирается на определённые механизмы человеческой психики, никто никогда не сомневался. И всё же трудно найти две гуманитарных науки, различающиеся по своей методологии столь же сильно, как лингвистика, входящая в своего рода «семиотический цикл» дисциплин (к которому, кстати, принадлежит и математика), и тяготеющая к «физическому» циклу наук психология. Психолингвистика, будучи теорией речевой деятельности, изучает закономерности порождения и восприятия речевых высказываний. Когнитивная лингвистика устроена скорее противоположным образом: это выяснение лингвистической реальности психологических гипотез, их лингвистическое обоснование. Поэтому попытки представить психолингвистику как разновидность лингвокогнитивистики не выдерживают критики.

2. Вторым источником когнитивной лингвистики является лингвистическая семантика. Когнитивную лингвистику даже пытаются представить как «сверхглубинную семантику». В таком случае когнитивную лингвистику рассматривают как совершенно естественное развитие семантических идей: попытку увидеть за категориями языковой семантики (прежде всего грамматической) некоторые более общие понятийные категории, которые естественно рассматривать как результат освоения мира человеческим познанием. В наиболее явном виде путь от лингвистической семантики к когнитивной грамматике представлен работами американских лингвистов Л. Талми и Р. Лангакера (Лэнекера).

Сосредоточенность когнитивной лингвистики на семантической проблематике и методологическая близость её к лингвистической семантике позволили российским учёным говорить именно о когнитивной семантике, а не о когнитивной лингвистике или грамматике. Кстати, из семантики пришли в когнитивную лингвистику наиболее яркие её

представители (З.Д. Попова, В.З. Демьянков, Е.В. Рахилина и др.). Однако свести когнитивную лингвистику только к когнитивной семантике – значит ограничить её объект. Идеи когнитивной лингвистики применимы не только к семантике языка (его плану содержания), но и к плану выражения. Свои первые шаги делает когнитивная фонология, когнитивная морфология, когнитивная диалектология, когнитивная поэтика и т. д.

Процесс становления когнитивной лингвистики связан прежде всего с поиском методов исследования. Особенно подробно и развёрнуто представлен научный аппарат американской когнитивной лингвистики в *Кратком словаре когнитивных терминов* под ред. Е.С. Кубряковой (М., 1996). Особенностью российской когнитивной лингвистики является её органическая связь с семантическими исследованиями, теорией значения слова на основе компонентного анализа (Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук, А.К. Жолковский).

Кроме того, представители когнитивной лингвистики используют методику лингвистического эксперимента Л.В. Щербы, т. е. опираются на интроспекцию и суждения информанта, обычно самого исследователя, относительно приемлемости/неприемлемости тех или иных языковых форм.

В последнее время ведётся поиск методов лингвокогнитивного исследования разных языковых и речевых сфер. Большое значение для развития когнитивно-семантической субпарадигмы имеет разработанная Ю.Н. Карауловым структура ассоциативно-вербальной сети как способ представления языковых и неязыковых знаний. Учёным были описаны особенности экспериментально полученной ассоциативно-вербальной сети как материального аналога языковой способности (Ю.Н. Караулов). В последнее время весьма продуктивным является обращение к картине мира как способу структурирования знаний о действительности и инструменту её познания (В.И. Постовалова, Е.С. Кубрякова, Б.А. Серебрянников и др.).

Тамбовскими исследователями под редакцией Н.Н. Болдырева издан сборник научных трудов, специально посвящённый этой проблеме – *Принципы и методы когнитивных исследований языка* (Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008). В частности, Е.Г. Беляевская сопоставляет традиционный и когнитивный подходы к лексической семантике; на материале синтаксиса эта же проблема рассматривается в трудах Л.А. Фурс; на материале текста – В.А. Пищальниковой, Е.И. Давыдовой предлагается когнитивное моделирование; В.Г. Куликов показывает возможность когнитивно-матричного анализа. Белгородскими авторами разрабатываются методики когнитивно-прагматического и когнитивно-герменевтического анализа знаков косвенно-производной номинации и текста (Н.Ф. Алефиренко, М.А. Голованева, Е.Г. Озерова, И.И. Чумак-Жунь и др.).

Предпринимаются попытки рассмотреть механизмы вербализации знаний с самых разных позиций: когнитивистики, психологии, логики,

теории познания, семиотики и семантики. Каждый из перечисленных подходов выстраивает свои приоритеты. Однако независимо от них ясно, что человеческому разуму структуры внутренней репрезентации мира доступны только через язык, являющийся основным репрезентатором когнитивных структур. Когнитивная лингвистика рассматривает языковую деятельность как одну из разновидностей человеческого познания. В её объективе: проблема вербализации знаний, механизмы речевого поведения человека, мотивированность когнитивной деятельности человека вообще.

В предлагаемой вашему вниманию монографии освещены как основные теоретические и методологические разработки в области современной лингвокогнитивистики (Н.Ф. Алефиренко – Введение, Глава 1 часть 1.1, главы 2 – 6, Заключение часть 2), так и её некоторые прикладные аспекты, в частности, проблема установления когнитивной специфики языковой картины мира в компаративном плане на примере материала родственных языков (Н.Б. Корина – Глава 1 часть 1.2, главы 8 – 10, Заключение часть 1).

Глава 1

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

1.1. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории

Когнитивная лингвистика, разумеется, возникла не «с чистого листа». Она, как, впрочем, и все другие научные направления, имеет достаточно глубокие корни и содержательные предпосылки, созданные мэтрами мирового языкознания (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г. Гийом и др.). При этом нельзя не упомянуть интерпретацию семиологического пространства языка, содержащуюся в работах Н.В. Крушевского, и учение о понятийных категориях И.И. Мещанинова. К предпосылкам когнитивного подхода в отечественном языкознании следует отнести ономаσιологическую теорию Е.С. Кубряковой, семасиологическую концепцию Ю.Д. Апресяна, логико-лингвистическое направление Н.Д. Арутюновой, семиологическую доктрину языка Ю.С. Степанова, положения о речемыслительной деятельности С.Д. Кацнельсона. Конструктивную роль сыграли структурно-типологические построения В.С. Виноградова, психолингвистические исследования А.Р. Лурия, А.А. Залевской и др. В России, таким образом, лингвокогнитивистика – закономерный результат эволюции лингвистических учений.

В западноевропейской же науке о языке после длительного господства структуральной доктрины, сознательно исключавшей из своего поля зрения «среду бытования» языка, в том числе и его речемыслительного пространства, обращение к когнитивистике и впрямь стало поворотным этапом, позволяющим сбалансировать исследовательские интересы к формальному и содержательному планам языка. В конкретных исследованиях американских и европейских лингвистов становятся зримыми положения, обоснованные ранее в трудах В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни о том, что форма в языке содержательна, а содержание языковых сущностей всегда ограничено в соответствующую форму. Приходится лишь сожалеть, что в евро-американской лингвистике практически не обращаются к неиссякаемому источнику осмысления взаимоотношения языка и познания, разумеется, уже на новом витке исследования «вечной» проблемы. Его точкой отсчёта можно считать 1989 год, когда исследователи лингвокогнитивных явлений учредили Международную ассоциацию когнитивной лингвистики (International Cognitive Linguistics Association – ICLA) и журнал *Cognitive Linguistics* (Когнитивная лингвистика), первый номер которого вышел в 1990 году. В 2003 году были созданы Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (РАЛК) и журнал «Вопросы когнитивной лингвистики».

Когнитивная лингвистика стала самостоятельным научным направлением, которое, с одной стороны, должно учитывать накопленный опыт изучения проблемы взаимоотношения языка и мышления, в том числе и в восточнославянском языкознании, а с другой – разрабатывать новые теоретические программы и методы исследования «синхронной работы» языковой и мыслительной систем. Нередко, правда, предлагаемые наработки рассматриваются как если не вредные, то уж наверняка давно известные истины, сформированные в предшествующих научных парадигмах. И всё же, несмотря на это, когнитивная лингвистика не только утвердила свои позиции, но и стала точкой притяжения для многих исследователей, в том числе и для тех, кто ещё не вник в суть проблемы и пока находится на стадии модного «жонглирования» когнитологическими терминами. Именно погоня за модой как раз и настораживает многих глубокомыслящих учёных. Кстати, от неё стремятся избавиться и убеждённые когнитологи, поскольку публикации, использующие когнитивную риторику, но лишённые базовых когнитологических принципов, только дискредитируют направление, глубоко входящее своими корнями в традиционную менталингвистику.

Если всё же признавать лингвокогнитивистику как (пусть даже относительно) самостоятельное научное направление, то необходимо чётко представлять его отличия от имеющихся в науке смежных теорий. Начинать их поиск, полагаю, следует с истолкования базового понятия – «когниция». Если бы термин *когниция* был абсолютным синонимом к термину *познание*, то сложно было бы возражать тем учёным, которые считают когнитивную лингвистику лишь «иносказательным переложением» традиционной менталингвистики. Однако понятие «когниция» шире ранее бытовавшего понятия «познание», поскольку означает и сам познавательный акт (процесс приобретения знаний), и его результаты. Содержание данного понятия включает в себя процессы (1) сознательного и (2) обыденного мышления (не всегда осознанного постижения мира в рамках повседневного опыта), а также (3) «перевод» обыденного опыта (телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного) каждодневного взаимодействия человека с окружающим миром в сферу **языкового сознания**. Следовательно, это любой процесс (сознательный или неосознанный), связанный с (4) получением информации, знаний, (5) их интерпретацией, (6) преобразованием, (7) запоминанием, (8) извлечением из памяти и (9) использованием в речемыслительной деятельности человека. К ним добавим (10) восприятие мира, (11) наблюдение, (12) категоризацию, (13) мышление, (14) воображение и многие другие психические процессы, как в их самостоятельности, так и в синергетическом сопряжении с языком и речью. Используемый здесь термин *языковое сознание* обозначает не всеми признаваемый когнитивный феномен, поскольку, по мнению оппонентов, сознание вообще может быть только языковым. В связи с этим М.В. Никитин, например, пишет, «что не удаётся

найти разумных оснований, которые бы оправдывали существование таких ментальных структур, как “языковой концепт”, “языковое значение” и <...> “языковое сознание” в собственном смысле этих слов» [Никитин, 2003: 276]. Что касается первой ментальной структуры, автор прав: концепт остаётся концептом вне зависимости от способов его объективации, хотя смысловое наполнение концептов, объективируемых разными языковыми средствами, может существенно различаться. Понимая это, некоторые авторы различают такие их типы, как художественные (Л.В. Миллер), синтаксические (З.Д. Попова, В.И. Казарина), фразеологические (Л.Г. Золотых) концепты. Споры нет, термины несовершенны. Они, по признанию самих авторов, их употребляющих, скорее, указывают на средство вербализации концепта, чем на его сущность. Однако по конфигурации смыслового содержания такие концепты различаются. Поэтому, за неимением более приемлемых номинаций, используемые термины пока выполняют свою «разъяснительную работу». Понятие «языковое значение» объективно необходимо, поскольку существует ещё и «предметное значение» (см.: [Алефиренко, 2006: 91–96]). В когнитивно-дискурсивной теории слова наряду с понятием «сознание» находит свою «нишу» и понятие «языковое сознание». Прежде всего, оно связано с проблемой взаимоотношения языкового значения и смысла. Если первая форма общественного сознания интегрирует энциклопедические знания, то его вторая форма – языковое сознание – использует вербализованные знания, которые служат средством активизации соответствующих элементов когнитивного сознания, прежде всего социального, культурного и мировоззренческого происхождения. В итоге происходит трансформация элементов когнитивного сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемыслительным и модально-оценочным преобразованиям, перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики. В результате таких трансмутационных процессов (от энциклопедических знаний через языковые пресуппозиции к языковому сознанию, объективированному системой языковых значений) формируются специфические для каждой национальной культуры *артефакты* – языковые образы, символы, знаки, заключающие в себе результаты эвристической деятельности всего этнокультурного сообщества. Они выступают средствами интериоризации продуктов мироустроительной жизнедеятельности определённого этноязыкового коллектива, его мироощущения, мировосприятия, мировидения и миропонимания. В силу этого язык становится не только средством упорядочения, категоризации и гармонизации концептуальной картины мира, но и способом относительной детерминации поведения людей в том или ином этнокультурном сообществе. Не вступая в давнюю дискуссию о соотношении языка, мышления и сознания, определим лишь спорное, но уже достаточно активно вошедшее в научный обиход понятие. Связь когниции с языковым сознанием обуславливается тем, что различные структуры

знания объективируются семиотическими системами, важнейшей из которых является язык. На этом обстоятельстве важно акцентировать особое внимание, поскольку оно позволяет в многоотраслевой когнитивной науке выделить предмет когнитивной лингвистики, связанный с изучением отражённых в языковых знаках знаний, закономерностей их передачи, организации, хранения, извлечения из памяти и т. д.

Определение предмета когнитивной лингвистики, по сути, является продуктом нового осмысления проблемы менталингвистики: переводом её из дихотомического основания (*язык – мышление*) на трихотомическое (*язык – мышление – сознание*). Если дихотомическая субпарадигма менталингвистики сосредотачивалась на вербализации представлений и понятий, то трихотомическая субпарадигма обращена к речедеятельностным процессам, структурирующим знания не только в представления и понятия, но и в более сложные образования: сцены, сценарии, эпизоды, фреймы, прототипы, пропозиции и другие форматы знания. Способы и средства их вербализации языковыми знаками прямой и не прямой номинации – предмет когнитивной лингвистики.

Из представленного выше понимания предмета когнитивной лингвистики вытекают задачи отраслевых дисциплин: когнитивной лексикологии, когнитивной морфологии, когнитивного синтаксиса, когнитивной стилистики, когнитивной фразеологии и т. д. Каждая из этих дисциплин призвана показать взаимодействие «своих» языковых единиц и лежащих в их основе структур знания. И только в результате такого исследовательского шага спроецировать семантическую структуру языковой единицы на соотносящиеся с ними когнитивные образования: пропозицию, прототип, гештальт, концепт, фрейм, сцену, сценарий, эпизод. Такая исследовательская стратегия, с одной стороны, обогащает общую теорию интеллекта, а с другой – предполагает вычленение в многомерной теории общей языковой семантики нового ответвления – **семантики когнитивной**, в ведение которой входят не только языковые знания, но и знания неязыкового, энциклопедического, характера, связанные с процессами **концептуализации** и **категоризации**, которые, собственно, и формируют в сознании человека всю систему знаний (картину мира) в виде разных когнитивных структур, объективируемых языковыми и речевыми знаками.

Когнитивная семантика, изучающая знания с точки зрения интеграции в них языковой и экстралингвистической информации, обращена не только к содержанию языковых знаков, но и к среде их обитания. Это предполагает исследование семантики языковых единиц как *сложной и самоорганизующейся* системы *открытого* типа. Открытость обеспечивает возможность постоянного обмена информацией между системой и средой, что служит основанием для выделения из недр когнитивной семантики трёх дисциплин: когнитивно-дискурсивной теории, когнитивной лингвокультурологии и лингвосинергетики.

Когнитивно-дискурсивный подход позволяет преодолеть экстралингвистическое понимание значения, представленное, главным образом, в работах западноевропейских и американских исследователей: **значения – это когнитивные структуры, включённые в модели знания, мнения и конкретные концептуализации** (Р. Лангакер). Под их влиянием подобные суждения появляются и в отечественном языкознании. Ср., например, утверждение о том, что концепт определяет семантику языкового знака. «Значением <...> становится концепт, схваченный знаком» [Кубрякова и др., 1996: 92] или «Значение – концепт, связанный знаком» [Никитин, 2003: 269]. В нашем представлении концепт предопределяет в семантике языкового знака многое, но не всё. Важную роль в этом играют и такие факторы, как речевая прагматика, дискурсивные практики, системный статус знака, его синонимико-антонимическое взаимодействие с другими знаками своего семантического поля и т. п. Всё это, конечно же, служит основанием полагать, что значение нетождественно знаку, поскольку представляет, с одной стороны, лишь одну из фасет (одну из граней) своего когнитивного субстрата, а с другой, – синергию дискурса, точнее, дискурсивного поля как среды своего возникновения и функционирования.

Дискурс – не столько речь, хотя и генетически с ней связан, сколько среда обитания языковых знаков, тот когнитивный «котёл», в котором происходит смыслообразование, лингвосемиозис средств не прямой и косвенно-производной номинации. Таковым дискурс становится в силу его сложной коммуникативно-когнитивной природы: в его состав входят не только продукты линейной речевой деятельности (тексты), но и явления *нелинейного* характера (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль в понимании и восприятии информации. Смыслогенерирующими факторами дискурса выступают (а) события (участники этих событий, перформативная информация) и (б) «не-события» (обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.). Поэтому целесообразно различать два основных аспекта когнитивного дискурс-анализа: 1) анализ структуры представления знаний и 2) анализ языковых способов концептуального моделирования знаний.

Когнитивно-дискурсивный принцип исследования смысла и значения расширяет фоновую базу семантического анализа. Если традиционная семасиология утверждает, что значение языкового знака в системе языка определяется его парадигматическими и синтагматическими связями, то когнитивная семантика рассматривает значение языкового знака в его дискурсивных связях, т. е. во взаимоотношениях когнитивного субстрата данного языкового знака с другими элементами когнитивного контекста. Такие когнитивные контексты представляют собой блоки знания [Lakoff, 1988: 78–106], ментальные пространства (Ж. Факонье, Дж. Лакофф), или фреймы [Филлмор, 1988: 60]. Объективная значимость когнитивных

контекстов, или дискурсивной среды языкового знака, в процессах формирования и понимания языковых значений обуславливает важность опоры в когнитивно-дискурсивном анализе как на языковые, так и на неязыковые (энциклопедические) знания. Такой подход обеспечивает связь языковой семантики с культурно маркированной информацией дискурса. Такого рода синергетические потоки расширяют предмет лингвокультурологии, переводят её из референтно-описательной дисциплины в когнитивно-семиологическую.

1.2. Методологические поиски продолжаются...

Будучи относительно молодой лингвистической дисциплиной, когнитивная лингвистика в Европе идёт вперёд прямо-таки семимильными шагами. В последние десятилетия лингвокогнитивные исследования стали чрезвычайно популярными в России и странах СНГ (об истории возникновения и методологических предпосылках когнитивной лингвистики см. Введение и Главу 1), однако в некоторых европейских странах, прежде всего в Чехии и Словакии, пока маргинальны: здесь когнитивная проблематика рассматривается в основном в рамках философии (эпистемологии) и психологии (см., в частн., [Beňušková a kol. 2000]; обзорную библиографию чешских и словацких трудов по когнитивистике см. в: [Schwarzová 2009]). Когнитивная лингвистика отвечает духу нашего времени с его комплексными междисциплинарными исследованиями, рассматривая язык в значительной степени экстралингвистически – как продукт процессов мышления и речепорождения. Для Западной Европы когнитивная лингвистика имеет особое значение, поскольку она изменила общий взгляд на методологию лингвистических исследований (см., в частности, [Schwarzová 2009]), но в России и странах СНГ этот методологический поворот не имел характера переворота, поскольку явился продолжением традиций, заложенных ранее в учениях А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ и других крупных учёных. Поиск когнитивной лингвистикой своей методологии продолжается.

В настоящее время базовый термин когнитивной лингвистики – концепт – не имеет однозначного толкования, зачастую отождествляются концепт и понятие, концепт и значение, концепт и смысл [ср.: Алефиренко, Степанова 2010; Воркачёв 2002; Степанов 2009; Мечковская 2010 и др.]. Как отмечает Н.Б. Мечковская, хотя «в 1990-е и 2000-е гг. интерес к широко понимаемым когнитивным аспектам языков и дискурсов стал в СНГ массовым, /.../ во множестве публикаций вопрос о методах лингвистической когнитивистики вообще не обсуждается» [Мечковская 2010: 7]. Повышенный интерес к новой дисциплине привёл к активному использованию когнитивной риторики без вникания в суть базовых когнитологических принципов и в результате к весьма поверхностному подходу и произвольной интерпретации её основных понятий (прежде всего «концепт», «дискурс» и «языковая концептуализация (категоризация)

мира») вплоть до противоположных толкований. Это вызвало методологический хаос, граничащий с отсутствием методологии [ср. Мечковская 2010], что усложнило когнитологам задачу стабилизации терминологического аппарата и базовых принципов формирующегося научного направления.

«Зрелость и право на самостоятельное существование любой научной дисциплины, – как справедливо отмечает С.Г. Воркачëв, – определяются наличием и степенью сформированности её категориального аппарата – системы базовых терминов» [Воркачëв 2002: 79]. Однако их гносеологическое становление ещё не закончено, что и приводит к значительным разночтениям в определении данных терминов и понятий.

Напомним, что термин *концепт* в разных областях филологии используется с 1920-х гг.: в литературоведении (С.А. Аскольдов-Алексеев), в теории языка (Л.В. Щерба, хотя и не в его современном терминологическом значении), в лингвистике текста (в значении «компонент модели мира, представленной в данном тексте») [Мечковская 2010], не являясь ещё основным понятием нового лингвистического направления. Историю развития термина *концепт* в российской лингвистике в целом и в линвокультурологии в частности подробно рассматривает в своей статье С.Г. Воркачëв [Воркачëв 2002], отмечая, что слово *концепт* в протерминологической функции стало активно употребляться в российской лингвистической литературе с начала 1990-х годов [Логический анализ языка. Культурные концепты 1991]; линвокультурологическое наполнение этой лексемы продолжила статья акад. Д.С. Лихачëва [Лихачëв 1993], опиравшегося в ней на взгляды С.А. Аскольдова-Алексеева [Аскольдов 1997 (1922)], а пересмотр традиционного логического содержания концепта и его психологизация произошли позже, что объясняется, в частности, потребностями когнитологии, и особенно когнитивной лингвистики, сосредоточивающей внимание на соотношении лингвистических данных с психологическими, для которой «оперирование категорией понятия в классическом, 'безобразном' представлении оказалось явно недостаточным» [Бабушкин 1996: 12].

Если признать концепт планом содержания языкового знака, это будет означать, что он включает в себя, помимо предметной отнесённости, всю коммуникативно значимую информацию [Воркачëв 2002], а это в первую очередь указание на место, которое данный знак занимает в лексической системе языка, его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи, т. е. всё то, что Ф. де Соссюр называет «значимостью» и что, в конечном итоге, отражает «лингвистическую ценность внеязыкового объекта» [Карасик 1996: 4], проявляющуюся в семантической плотности той или иной тематической группы [Воркачëв 2002]. Кроме того, в семантический состав концепта входит вся прагматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что вполне согласуется с «переживаемостью»

[Степанов 1997: 41] и «интенсивностью» [Перелыгина 1993: 5] духовных ценностей, к которым он отправляет [Воркачёв 2002]. Семантика языкового концепта имеет ещё один релевантный компонент, который некоторые исследователи называют когнитивной памятью слова: смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка [Яковлева 1998: 45; Апресян 1995, Т. 2: 170; Воркачёв 2002; Телия 1996: 230]. Однако концептологически наиболее существенным здесь оказывается так называемый культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий языковую картину мира его носителей [ср.: Воркачёв 2002; Алефиренко 2011]. В данной связи хотим обратить особое внимание на толкование базовых понятий лингвокогнитивистики в трудах Н.Ф. Алефиренко, где эксплицитно разграничиваются концепт и понятие, концепт и смысл и т. д. Учёный справедливо замечает, что по своей природе концепт в любом случае «выступает мыслительным посредником между языком и внеязыковым миром и в этом своём статусе не обязательно оказывается этнокультурно маркированным образованием» [Алефиренко 2010: 129]. Однако в лингвистической литературе существующие критерии подобного разграничения в значительной степени остаются вопросом индивидуальной интерпретации исследователя.

Если оставить за пределами нашего внимания другие гуманитарные науки и обратиться к лингвистике, то можно отметить, что только в рамках российской лингвокогнитивной науки наметились три основных подхода к лингвистическому пониманию концепта, которые упоминаются уже в «Кратком словаре когнитивных терминов» под ред. Е.С. Кубряковой (М., 1996).

Во-первых, в универсальном смысле в число концептов включаются наивные понятия (по В.В. Колесову, смыслы, не обретшие материальной формы), которые составляют содержание национального языкового сознания и формируют „наивную картину мира“ носителей языка, т. е. представляют собой кванты структурированного знания человека и народа об окружающей его действительности (подобный подход наблюдается в трудах З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.В. Колесова, А.П. Бабушкина, Н.Ф. Алефиренко, Г.Г. Слышкина, В.И. Карасика и др. [Попова, Стернин 1999; Колесов 2004; Алефиренко 2002; Алефиренко 2011]). Совокупность таких концептов образует к о н ц е п т о с ф е р у языка [Лихачёв 1993], в которой концентрируется культура нации. По мнению С.Г. Воркачёва и И.П. Михальчука, определяющим в данном подходе является способ концептуализации мира в лексической семантике, основным исследовательским средством – концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними [Воркачёв 2002; Михальчук 1997].

Во-вторых, в более узком понимании к числу концептов относят семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определённой этнокультуры [Степанов 1997; Нерознак 1998]. Совокупность таких концептов не образует концептосферы как некоего целостного и структурированного семантического пространства, но занимает в ней определённую часть – концептуальную область.

И, наконец, в-третьих, к числу концептов относят лишь семантические образования, список которых в достаточной мере ограничен [Снитко 1999: 46] и которые являются ключевыми для понимания национально-менталитета как специфического отношения к миру его носителей. Подобный подход является продолжением идеи А. Вежбицкой о существовании «ключевых слов» национальной лингвокультуры и пользуется такими определениями, как метафизические концепты – ментальные сущности высокой либо предельной степени абстрактности, они отправляют к 'невидимому миру' духовных ценностей, смысл которых может быть явлен лишь через символ – знак, предполагающий использование своего образного предметного содержания для выражения содержания абстрактного. К ним, в частности, Ю.С. Степанов относит такие единицы, как *душа, истина, свобода, счастье, любовь* и пр. Вот, очевидно, почему концепты последнего типа относительно легко «синонимизируются», образуя «концептуализированную область» [Степанов, Проскурин 1993; Степанов 1995: 17; Степанов 1997: 69]. В «концептуализированной области», как отмечает С.Г. Воркачëв, устанавливаются семантические ассоциации между метафизическими смыслами и явлениями предметного мира, отражёнными в слове, где сопрягаются духовная и материальная культуры [Воркачëв 2002].

В нашей работе мы исходим из универсального определения концепта в его широком понимании как глобальной мыслительной единицы с образной структурой, кванта структурированного знания, опираясь на методологические разработки З.Д. Поповой, И.А. Стернина и Н.Ф. Алефиренко (см. Главу 2) и стремимся различать концепт, понятие и категорию в зависимости от присутствия или отсутствия в них субъективного элемента (см. Главу 5).

Глава 2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2.1. На пути к когнитивной модели языка

Ещё сравнительно недавно в лингвистике считалось вполне приемлемым рассматривать язык в качестве некой абстрактной сущности, как если бы естественный язык не являлся частью нашей естественной истории. И, в свою очередь, область исследований структурной лингвистики ограничивалась «языком в себе и для себя» [Болдырев 2001: 5-6]. Многие лингвисты придерживались точки зрения, согласно которой существует жёсткое разграничение между языковой компетенцией и употреблением языка. Но язык – это лишь небольшая часть того целостного явления, которое мы стремимся познать. Современные исследования языка невозможны без привлечения таких понятий, как интенция, память, действие, семантический вывод и т.д.

Участвуя в актах коммуникации, мы либо понимаем то, что говорят другие, либо порожаем высказывание. В первом случае нашей действительной целью является понимание мыслей, выражаемых с помощью языка. И язык выступает как средство передачи мысли и является своеобразной «упаковкой». Однако знания, используемые при его декодировании, отнюдь не ограничиваются знаниями о языке. В их число входят также знания о мире, социальном контексте высказываний, умение извлекать хранящуюся в памяти информацию, планировать и управлять дискурсом и многое другое. При этом ни один из этих типов знания не является более важным для процесса понимания, ни одному из них не отдается явное предпочтение. Только изучение способов взаимодействия и организации всех типов знаний приближает нас к пониманию сути языковой коммуникации, способствует прояснению природы семантического вывода, осуществляемого в повседневной практике употребления языка [Болдырев 2001: 6-11].

Структуры знаний, именуемые фреймами, схемами, сценариями, планами и т. п., представляют собой пакеты информации (храняемые в памяти или создаваемые в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов), которые обеспечивают адекватную когнитивную обработку стандартных языковых ситуаций [Болдырев 2001: 7-10]. Эти структуры играют существенную роль в функционировании естественного языка: с их помощью устанавливается связность текста на микро- и макроуровне, обеспечивается вывод необходимых умозаключений. Их активацией объясняются, например, категории определённости/неопределённости

в артиклевых языках. Наконец, они «поставляют» контекстные ожидания, позволяющие прогнозировать будущие события на основе ранее встречавшихся сходных по структуре событий.

Изучение знаний, используемых в ходе языкового общения, рассматривается как одно из ведущих направлений когнитивной науки.

2.2. Когнитивная лингвистика, её сущность

Давая определение когнитивной лингвистике, можно было бы сказать, что это наука, которая изучает соотношение когнитивных и языковых структур. Но в данном случае необходимо определить сам термин «когнитивный». Когнитивная наука – это наука, которая, прежде всего, занимается когницией (отсюда она и получила свое название), а когнитивная лингвистика занимается когницией в её языковом отражении [Кубрякова 2001: 8-9].

Когнитивная наука – это наука междисциплинарная, которая интегрирует усилия учёных разных специальностей (психологов, логиков, философов, лингвистов, психолингвистов, математиков, программистов, кибернетиков, антропологов и др.) с тем, чтобы получить наиболее полное и адекватное представление о таком сложном феномене природы, как человеческое сознание и разум. Когнитивная лингвистика отвечает на эти же вопросы, только в их непосредственной связи с языком.

Когниция – это англоязычный термин (*cognition*), который трудно однозначно перевести на русский язык, так как он по своему содержанию отличается от наиболее близкого ему русскоязычного термина «познание». В соответствии с определением, которое приводится в Краткой философской энциклопедии, «когниция» – это «знание, познание». Иными словами, в отличие от термина «познание», «когниция» означает и сам познавательный процесс – процесс приобретения знаний, и результаты этого процесса – знания. Поэтому этот термин используется наряду с термином «познание», когда имеются в виду процессы сознательного научного познания мира или теоретического мышления.

Когниция – это понятие, которое охватывает не только целенаправленное, теоретическое познание, но и простое, обыденное (не всегда осознанное) постижение мира в каждодневной жизни человека, приобретение самого простого – телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного опыта в повседневном взаимодействии человека с окружающим миром. Это любой процесс (сознательный или неосознанный), связанный с получением информации, знаний, их преобразованием, запоминанием, извлечением из памяти, использованием. Это – и восприятие мира, и наблюдение, и категоризация, и мышление, и речь, и воображение и многие другие психические процессы или их совокупность в языковом отражении [Кубрякова 2001: 39-49].

Вся познавательная деятельность человека (когниция) направлена на освоение окружающего мира, на формирование и развитие умения

ориентироваться в этом мире на основе полученных знаний. Это, в свою очередь, связано с необходимостью выделять и сравнивать (отождествлять и различать) объекты и события. При этом центральное место в этой классификационной деятельности занимают процессы концептуализации и категоризации, которые различаются по своему конечному результату и цели.

Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта – структур знания, а процесс категоризации – на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории.

К о н ц е п т у а л и з а ц и я – это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определённых представлений о мире в виде концептов, (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов). Например, концепт дома, времени, пространства, вечности, движения и т. д. [Кубрякова 2001: 10-34]. Основная часть этих концептов закрепляется в языке значением конкретных слов, что обеспечивает хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению. В то же время известно, что наши знания о мире хранятся в обобщённой категориальной форме: знания о всех конкретных автомобилях объединяются нашим сознанием в одну категорию «автомобиль», а знания конкретных домов – в категорию «дом» и т. д. Невозможно держать в памяти характеристики каждого, например, конкретного дома. Поэтому и слово «дом» обозначает не конкретный объект (иначе каждый конкретный дом мы должны были бы назвать отдельным словом и, что ещё сложнее, хранить в памяти все эти названия), а целую категорию объектов, у которых может быть разное количество этажей, комнат, дверей, окон и т. д. Соответственно, чтобы назвать какой-либо объект домом, его необходимо отнести к категории домов (признать его принадлежность именно к этой категории), т. е. категоризовать. Эта функция и определяет содержание понятия категоризации.

К а т е г о р и з а ц и я – это деление мира на категории (включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов, или объектов). Вместе с тем, категоризация как познавательный процесс – это мысленное соотнесение объекта или события с определённой категорией. Соответственно обмен информацией с помощью языка сводится к соотнесению с имеющейся у человека системой знаний, к идентификации предметов и событий, т. е. с определением категорий.

Данный процесс, в отличие от категорий, представленных в статике, и составляет суть категоризации.

Таким образом, функция категоризации, т. е. деление мира на категории и отнесение конкретных предметов и событий к этим категориям, является важнейшей функцией человеческого сознания, лежащей в основе всей познавательной деятельности человека.

Когниция, таким образом, как бы естественно разделяется на разные процессы, каждый из которых связан с определённой когнитивной способностью или видом когнитивной деятельности. К когнитивным способностям относят и способность говорить. Соответственно, когниция неразрывно связана с языком, поскольку именно на языке мы в основном передаём накопленный опыт и знания, обмениваемся информацией, можем рассуждать о самих познавательных процессах и их результатах. Концепты как элементы сознания вполне автономны от языка.

Наше мышление не вербально по своей природе. Большинство людей, по результатам многочисленных исследований, не пользуется словами в процессе мышления. «Слова, написанные или произнесённые, не играют, видимо, ни малейшей роли в механизме моего мышления», – утверждал А. Эйнштейн. Мыслят и животные, которые в языке не нуждаются, и дети до 2-х лет, не владеющие языком, и люди с дефектами речи или слуха. Человек, владеющий языком, может понимать что-либо, но быть не в состоянии сказать, объяснить. Многие мысли, существующие в нашем сознании, вообще никогда словесно не выражаются, поскольку они не предназначены для сообщения, и для их выражения нет готовых языковых средств.

Между тем мысли существуют и определяют поведение человека. Иногда нас просят объяснить тот или иной поступок, и мы вынуждены подбирать, часто с трудом, конкретные слова или признать, что мы не можем это объяснить в словесной форме или затрудняемся найти нужные слова.

Люди часто владеют словами не на уровне их значений, а на уровне передаваемых ими смыслов, т. е. концептов и концептуальных признаков. Они используют их как готовые клише (по аналогии с грамматическими формами) в совершенно других, не соответствующих им концептах, не задумываясь, как формулируется значение этого слова в словаре, которое и служит адресату основой для понимания передаваемого смысла. Отсюда, как следствие, случаи неправильного словоупотребления и выражения, не имеющие смысла, особенно в отношении терминов. Всё это свидетельствует об автономности языка и мышления и о том, что языковые значения не могут приравниваться к передаваемым концептам.

Очевидно другое – языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций, определений и текстовых описаний одного и того же концепта. Значение слова – это лишь попытка дать общее определение о содержании выражаемого концепта, очертить известные границы представления его отдельных характеристик данным словом [Кубрякова 2001: 22-23].

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы ещё раз уточнить, что когнитивная лингвистика имеет своим предметом исследование лексем, фразем, высказываний и текстов, репрезентирующих в языке и речи

определённые концепты. Исследуется, какие стороны, слои, компоненты концепта вошли в семантическое пространство языка (т. е. выявляется и описывается совокупность семем и сем языка), как они его категоризуют, и в каких участках системы конкретного языка проявляется, обнаруживается исследуемый концепт.

Цель когнитивно-лингвистического исследования заключается в следующем: описав значение всех слов и выражений, репрезентирующих тот или иной концепт в национальном языке, систематизировать, т. е. системно описать, представить в упорядоченном виде участок системы языка, репрезентирующий данный концепт (семантическое, лексико-семантическое, лексико-грамматическое, синтаксическое поле) [Кубрякова 2001: 49].

Кроме того, когнитивная лингвистика дополняет анализ системы анализом речи, анализ различных контекстов – употреблением соответствующих лексем, зафиксированных в текстах суждений о концепте, его определении в разных словарях и справочниках, анализом фразеологии, пословиц, поговорок, афоризмов, в которых концепт репрезентирован. Описание, характеристика концепта, перечисление составляющих концепт признаков – побочный прикладной результат когнитивно-лингвистических исследований.

2.3. Концепт как ключевое понятие когнитивной лингвистики

Возникновение когнитивной лингвистики привело к широкому использованию в лингвистических исследованиях термина *концепт*.

Исходя из того, что человек мыслит концептами, комбинируя их и осуществляя в рамках концептов и их сочетаний глубинные предикации, формируя новые концепты в ходе мышления, мышление есть оперирование концептами как глобальными единицами структурированного знания.

Опираясь на труды таких авторов, как З.Д. Попова, И.А. Стернин, мы рассматриваем концепт как глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека:

- из его непосредственного чувственного опыта – восприятия действительности органами чувств;
- из непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности;
- из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами – такие операции могут привести к возникновению новых концептов;
- из языкового общения (концепт может быть сообщён, разъяснён человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в образовательном процессе);

• из самостоятельного познания значений языковых единиц, усваиваемых человеком (ребёнок спрашивает, что такое демократия; взрослый человек смотрит значение неизвестного для него слова в словаре и через него знакомится с соответствующим концептом) [Вежбицкая 1997: 20].

Язык, таким образом, является лишь одним из способов формирования концептов в сознании человека. Для эффективного формирования концепта, для полноты его формирования одного языка мало – необходимо привлечение чувственного опыта (лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать), необходима наглядность (что отчётливо проявляется в процессе обучения), необходима предметная деятельность с тем или иным предметом или явлением. Только в этом сочетании разных видов восприятия в сознании человека формируется полноценный концепт.

Концепты идеальны и кодируются в сознании единицами универсального предметного кода (Н.И. Жинкин, И.Н. Горелова, А.А. Залевская). Единицы универсального предметного кода (УПК) имеют предметно-образный, то есть чувственный характер, а универсальность предметного кода связана с тем, что он есть у всех без исключения носителей языка, хотя он различен у каждого индивида, поскольку отражает субъективный чувственный опыт человека, лично им полученный в жизни через его органы чувств [Кубрякова 2001: 40].

Единицы УПК – индивидуальные чувственные образы, формирующиеся на базе личного, чувственного опыта человека. Они всегда конкретны. К примеру, концепт «университет» кодируется у одного выпускника университета образом тяжёлой двери, которую надо было открывать, у другого – дверью кафедры, у третьего – видом длинного извилистого коридора, у четвёртого – образом аудитории, где проходило большинство лекций, и т. д. [Кубрякова 2001: 25].

Единица УПК – наиболее яркая, наглядная, устойчивая личная часть концепта, имеющая образную природу. Образ, составляющий единицу УПК, может быть случайным, несущественным для данного концепта именно в силу его сугубо личной, индивидуальной природы, но, тем не менее, он выполняет кодирующие, знаковые функции для концепта в целом.

Исходя из этого, концепт рождается как единица УПК, которая и остаётся его ядром. Ядро постепенно окутывается, обволакивается слоями концептуальных признаков, что увеличивает объём концепта и насыщает его содержание. Внутри концепта перетекают и переливаются концептуальные признаки, концепт не имеет жёстких очертаний и границ. Исходя из этого, можно сказать, что у концепта нет чёткой структуры, жёсткой последовательности слоёв, их взаимоположение индивидуально и зависит от условий формирования концепта у каждой личности [Кубрякова 2001: 38].

Концепт возникает как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно мыслительный. Вместе с тем тот общеизвестный факт, что концепт надо объяснять на примере, свидетельствует об образной природе любого концепта.

Концепты разной степени абстрактности могут представлять собой ряд всё более конкретных образов, входящих один в другой. Например: религия – храм – купола – молящиеся люди. Таким образом, чувственная природа концепта «религия» оказывается связана в конечном итоге с чувственно-наглядным образом культового здания и молящихся людей. Соответственно, конкретные концепты состоят из непосредственного отражения действительности сознанием, т. е. из прямого первичного образа.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что концепт представляет собой квант структурированного знания и в силу этого имеет определённую, хотя и не жёсткую, структуру. Он состоит из компонентов (концептуальных признаков), то есть отдельных признаков объективной и субъективной действительности. Эти признаки дифференцированно отражены в содержании концепта и различаются по степени абстрактности от ядерного, предельно конкретно-образного, до периферийного высокой степени абстрактности. Слои находятся по отношению друг к другу в отношениях производности. Возрастание абстрактности зависит от каждого последующего уровня.

2.4. Типология концептов как ментальных образований

Возможна типология концептов как ментальных образований.

Во-первых, по признаку стандартизованности, обработанности концепты делятся на индивидуальные, групповые (половые, возрастные, социальные) и общенациональные. Групповые концепты стандартизованы в пределах группы, национальные – в пределах концептосферы народа, индивидуальные концепты не стандартизованы вообще [Вежибцкая 1997: 2-5].

По содержанию концепты подразделяются на следующие типы.

Представление (мыслительная картинка – А.П. Бабушкин) – яблоко, груша, холод, кислый, красный, шершавый, жара и др. Они представляют собой обобщённые чувственные образы предметов или явлений. Например: дрожь – частое судорожное вздрагивание тела, клён – лиственное дерево с широкими резными листьями. Представления статичны и являют собой чувственное отражение совокупности наиболее ярких внешних, чувственно воспринимаемых признаков отдельного предмета или явления.

Схема – концепт, представленный некоторой обобщённой пространственно-географической или контурной схемой, это гипероним

с ослабленным образом – дерево вообще (наглядный образ дерева вообще – ствол и крона), образ реки как протяжённости, ленты. Схемы можно нарисовать, что говорит о реальности существования данной формы структуризации знаний. Схема – промежуточный тип концепта между представлением и понятием. Она представляет собой определённый этап развития абстракции.

Понятие – концепт, который состоит из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, как результат их рационального отражения и осмысления. Например, квадрат – прямоугольник с равными сторонами, баобаб – широколиственное растение из семейства зонтичных, самолёт – летательный аппарат тяжелее воздуха с несущими плоскостями. А.П. Бабушкин называет понятие логически конструируемым концептом без образности – например, фрукт, игрушка и т. д., но все такие концепты имеют образный уровень, о чём свидетельствует наличие так называемых прототипов. Прототип – это образ типичного представителя класса, категоризируемого концептом. Например: *цветок* – ромашка, роза, *пустыня* – Сахара, *птица* – голубь, *домашнее животное* – корова, *домашняя птица* – курица. Фактически это образное ядро концепта, то есть единица УПК, кодирующая соответствующий класс предметов.

Соединяться могут как признаки, отражающие реально существующие элементы действительности (самолёт, автомобиль и др.), так и признаки, отражающие элементы действительности, существующие в отдельности, но не существующие в том или ином конкретном сочетании (русалка, кентавр). В последнем случае концепт есть, но нет в природе самих предметов, нет референтов у соответствующих слов, хотя чувственные образы, отражающие реально существующие признаки, лицо. Русалку и кентавра, как и бога, можно нарисовать. Это значит, что фантазия – это необычное сочетание обычных элементов и что концепт – это продукт отражения действительности, но продукт, обработанный в результате мыслительной деятельности.

Фрейм – многокомпонентный концепт, взятый в мыслительной целостности его составных частей, объёмное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении. Например, *магазин* (компоненты – покупать, продавать, товары, стоить, цена и др.), *стадион* (устройство, внешний вид, поле для игры на нем и др.). Можно расширить список фреймов: *ресторан, кино, поликлиника, больница*.

Сценарий (скрипт) – посещение кино, поездка в другой город, посещение ресторана, поликлиники, драка, игра, экскурсия – последовательность эпизодов во времени. Это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития. Это фактически фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов. Стадион – это *фрейм*, а посещение стадиона, игра на стадионе, реконструкция стадиона и т. д. – *сценарии*.

Гештальт – комплексная целостная функциональная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании. Гештальт (термин Х. Эренфельса, австрийского искусствоведа конца XIX века) представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления, например, школа, любовь. Гештальты объединяют представления, фреймы, схемы, сценарии [Вежицкая 1997: 3-29].

Концепт, таким образом, – комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности (в соответствии с голографической гипотезой считывания информации А.А. Залевской) поворачивается разными сторонами, актуализируя в процессе мыслительной деятельности либо свой понятийный уровень, либо фреймовый, либо схематический, либо представление, либо разные комбинации этих концептуальных сущностей. Представления, схемы, фреймы, понятия, гештальты тесно переплетаются как в мыслительной деятельности человека, так и в его коммуникативной практике.

2.5. Концепты и язык

Необходимо подчеркнуть, что получить доступ к концепту лучше всего через средства языка. Слова для формирования и существования концептов в принципе не нужны. Они нужны для сообщения концептов, их обсуждения, а также они являются одним из источников их формирования в сознании человека.

Чтобы обмениваться концептами и их сочетаниями как результатами мыслительной деятельности, необходимо эти концепты вербализовать, т. е. назвать, выразить языковыми знаками, заместить знаками.

Для часто обсуждаемых концептов есть системные единицы, которые говорящий может использовать, подобрав необходимую единицу из имеющихся в языке средств. Для более редко эксплицируемых, системно не номинированных концептов, для индивидуально-авторских могут быть необходимы развёрнутые словосочетания и даже тексты – научные, энциклопедические, дефиниционные.

Теоретически одно и то же слово может в разных коммуникативных условиях репрезентовать, представлять в речи разные признаки концепта – в зависимости от коммуникативных потребностей, от объёма, количества и качества той информации, которую говорящий хочет передать в данном коммуникативном акте.

Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые использованы для этого, выступают как средства вербализации, языковой репрезентации, языкового представления концепта. Концепт репрезентируется в языке:

- готовыми лексемами и фразеологическими сочетаниями из состава лексико-фразеологической системы языка, имеющими «подходящие к

случаю» семемы и отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные (потенциальные, скрытые);

- свободными словосочетаниями;
- структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты);
- текстами или совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждения содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов) [Вежбицкая 1997: 28].

Языковой знак представляет концепт в языке, в общении. Слово представляет концепт не полностью – оно своим значением передаёт несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения. Слово является средством доступа к концептуальному значению, и, получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Слово, таким образом, как и любая номинация, – это ключ, открывающий для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности.

В языке один и тот же концепт репрезентирован самыми разными словами, синонимами, симилярами, семами в составе отдельных семем, дефинициями в различных словарях, типовыми пропозициями в высказываниях, текстами, посвящёнными экспликации тех или иных концептов.

Один из важнейших тезисов когнитивной лингвистики состоит в том, что именно концепт определяет семантику языковых средств, использованных для его выражения. Эта семантика может быть систематизированной и общепринятой, но нередко концепт навязывает свои смыслы таким языковым формам, которые для его выражения не использовались. Когда, например, в русской концептосфере начал формироваться концепт «речемыслительная деятельность», в его составе появился смысл «тема речи» [Вежбицкая 1997: 20].

Исследование же структуры концепта как мыслительной единицы не входит в задачи когнитивной лингвистики, которая даёт лишь материал для такого исследования. Представляется, что языковые средства позволяют наиболее простым способом выяснять признаки концептов.

Возможно описание концепта в сознании отдельных возрастных, половых, социальных групп и слоёв населения, а также содержания концепта в сознании отдельного носителя языка – через специфику соответствующих речевых репрезентаций концепта.

Может быть проанализирована историческая динамика развития и формирования концепта в национальном сознании – через изучение языковой и речевой репрезентации концепта в диахронии. Изменения значений соответствующих лексем, возникновение новых и

исчезновение старых значений, различие в дефинициях одного и того же слова в разные периоды развития языка позволяют представить себе динамику развития соответствующего концепта в обществе.

Синхронический анализ репрезентации того или иного концепта в языке показывает современную структуру концепта, а также выявляет, какая часть того концепта, в каком объёме преимущественно актуализирована сегодня в сознании народа, является предметом осмысления и обсуждения.

2.6. Проблема национальной специфики концептов

Важной теоретической проблемой является проблема национальной специфики концептов. В концептуальной сфере разных народов наблюдается значительно больше сходств, чем в языковой сфере. Именно общность значительной части концептосфер обеспечивает переводимость с одного языка на другой – переводчик постигает концепт языка оригинала, а затем старается подобрать языковые средства, наиболее адекватно передающие этот концепт в переводе. Принципиальная переводимость текстов одного языка на другой – свидетельство существенной общности концептосфер народов, особенно стоящих на близком уровне социально-экономического развития [Вежбицкая 1997: 28].

Известно, однако, что в языках есть лакуны, отсутствие лексем для тех или иных концептов, а также есть безэквивалентные единицы – единицы, присущие только данной языковой системе и отсутствующие в других языковых системах [Болдырев 2001: 45].

Безэквивалентные единицы свидетельствуют о наличии национального концепта. Например, в сознании европейских народов отсутствуют концепты, обозначаемые русскими безэквивалентными единицами *смекалка*, *маячить*, *быт*, *автолюбитель*, *земляк* и многое другое.

Лакуна – отсутствие лексемы при наличии концепта и семемы в лексико-семантической системе языка. Так, в русском языке нет лексемы для обозначения лиц, давно состоящих в браке, в отличие от молодожёнов, данный концепт несомненно есть, соответствующая семема есть, «просится на язык» и обусловленная системой языка лексема *«старожёны»*, но её в системе русского языка нет, она представлена лакуной [Вежбицкая 1997: 25].

Есть и *иллогизмы* (Г.В. Быков) – отсутствие лексем и семем при наличии концепта. Иллогизмы обусловлены отсутствием потребности в предмете. Так, в парадигме «специалист по разведению животных» есть *кролиководы*, *животноводы*, *овцеводы* и др., но нет лексем для обозначения специалистов по разведению воробьев, носорогов, крыс и т. д., поскольку эти профессии не востребованы. Соответствующие концепты есть, но нет семем и лексем.

Таким образом, *безэквивалентная лексика* сигнализирует об отсутствии концепта в концептосфере народа, а *лакуны* и *иллогизмы* – об отсутствии лексем или семем.

Анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем, проявляющуюся в разных способах репрезентации одного и того же концепта, в степени потребности или обобщённости репрезентации концепта в разных языках, в количестве и наборе лексем, фразеологических сочетаний, репрезентирующих концепт, в уровне абстракции, на котором концепт представлен в том или ином языке. Таким образом, может быть выявлена национальная специфика репрезентации концепта в разных языках.

2.7. Метафора и концепт

Среди лексических средств, репрезентирующих концепты того или иного языка, представляется наиболее интересным выделить метафоры.

В последнее время в сфере когнитивной лингвистики появляются работы, рассматривающие метафоры как результат когнитивного мышления.

Традиционно под метафорой понимается троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п. для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин «метафора» применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении.

Для большинства людей метафора – это поэтическое и риторическое выразительное средство, принадлежащее скорее к необычному языку, чем к сфере повседневного обыденного общения. Более того, метафора обычно рассматривается исключительно как принадлежность естественного языка – то, что относится к сфере мышления или действия.

Американский учёный-лингвист Джордж Лакофф в своей книге «Метафоры, которыми мы живём» подчёркивает, что, в противоположность этой распространённой точке зрения, метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Своим утверждением, что наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути, он подчёркивает когнитивную роль метафоры [Арутюнова 1999: 3-45].

Понятия, управляющие мышлением, вовсе не замыкаются в сфере интеллекта. Они управляют также нашей повседневной деятельностью, включая самые обыденные, земные её детали. Эти понятия упорядочивают воспринимаемую человеком реальность, способы его поведения в мире и его контакты с людьми. Понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности.

Соответственно, понятийная система человека носит преимущественно метафорический характер, а мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой.

Однако понятийная система отнюдь не всегда осознаётся человеком. В повседневной деятельности мы чаще всего думаем и действуем более или менее автоматически, в соответствии с определёнными схемами. Что представляют собой эти схемы, для человека совсем не очевидно. Один из способов их выявления состоит в обращении к естественному языку. Поскольку естественно-языковое общение базируется на той же понятийной системе, которую человек использует в мышлении и деятельности, язык выступает как важный источник данных о том, что эта система понятий собой представляет.

Благодаря языку мы получаем доступ к метафорам, структурирующим наше восприятие, наше мышление, наши действия.

Например, рассмотрим понятие «спор» и понятийную метафору «спор – это война». Эта метафора представлена в многочисленных и разнообразных выражениях обыденного языка:

*Он напал на каждое **слабое место** моей аргументации.*

*Его критические замечания **били точно в цель**.*

*Я **разбил** его аргументацию.*

*Я никогда не **побеждал** в споре с ним.*

*Вы не согласны? Отлично, ваш **выстрел!***

*Если вы не будете следовать этой стратегии, он вас **уничтожит**.*

*Он **разбил** все мои **доводы** [Арутюнова 1999: 40].*

Крайне важно иметь в виду, что мы не просто говорим о спорах в терминах войны. Мы можем реально побеждать или проигрывать в споре. Лицо, с которым спорим, мы воспринимаем как противника. Мы атакуем его позиции и защищаем собственные. Многое из того, что мы реально делаем в спорах, частично осмысливается в понятийных терминах войны. В споре нет физического сражения, зато происходит словесная битва, и это отражается в структуре спора: атака, защита, контратака и т. п. Именно в этом смысле метафора СПОР – ЭТО ВОЙНА принадлежит к числу тех метафор, которыми мы «живём» в нашей культуре: она упорядочивает наши действия, которые мы совершаем в споре.

Соответственно, сущность метафоры состоит в осмыслении и переживании явлений одного рода в терминах явлений другого рода. Тем самым понятие упорядочивается метафорически, и, следовательно, язык тоже упорядочивается метафорически.

Более того, речь идёт об обыденном способе ведения спора и его выражения в языке. В основе того, что мы говорим о спорах, лежит метафора, которую мы едва ли осознаём. Эта метафора проявляется не только в том, как мы говорим о споре, но и в том, как мы его понимаем. Язык спора

не является ни поэтическим, ни фантастическим, ни риторическим: это язык буквальных смыслов. Мы говорим о спорах так, а не иначе потому, что именно таково наше понятие спора, и мы действуем в соответствии с нашим осмыслением соответствующих явлений.

Наиболее важный вывод из сказанного выше состоит в том, что метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, т. е. сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Именно это имеется в виду, когда говорится о том, что понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически. Метафоры как языковые выражения становятся возможны именно потому, что существуют метафоры в понятийной системе человека.

Таким образом, центральный тезис Лакоффа состоит в том, что метафоры облегчают процесс мышления, предоставляя нам эмпирические рамки, внутри которых мы можем осваивать новоприобретённые абстрактные концепты [Арутюнова 1999: 35].

Помимо структурных метафор, т. е. тех случаев, когда одно понятие структурно метафорически упорядочивается в терминах другого, существует и другой тип метафорического понятия, когда нет структурного упорядочивания одного понятия в терминах другого, но есть организация целой системы, понятий по образцу некоторой другой системы. Такой тип метафор Лакофф называет ориентационными метафорами, так как большинство подобных понятий связано с пространственной ориентацией, с противопоставлениями типа «*верх – низ*», «*внутри – снаружи*», «*передняя сторона – задняя сторона*», «*глубокий – мелкий*», «*центральный – периферийный*». Подобные ориентационные противопоставления происходят из того, что наше тело обладает определёнными свойствами и функционирует определённым образом в окружающем нас физическом мире. Ориентационные метафоры придают понятию пространственную ориентацию: например, «счастье есть верх» [Арутюнова 1999: 24].

Подобные метафорические ориентации отнюдь не произвольны – они опираются на наш физический и культурный опыт. Хотя полярные оппозиции «верх – низ», «внутри – снаружи» и т. п. имеют физическую природу, основанные на них ориентационные метафоры могут варьировать от культуры к культуре. Например, в одних культурах будущее находится впереди нас, а в других – позади нас [Лакофф 2008: 35].

Степень, в какой конкретные ориентационные метафоры пропитывают наш язык, иллюстрирует особенности представления мира в наших когнитивных типологиях. Например, метафоры, использующие направление «*вверх – вниз*» (например, хорошее – вверху, плохое – внизу; радость – вверху, печаль – внизу) гораздо более распространены, чем метафоры «*вперёд – назад*» (например, будущее – впереди, прошлое – позади), но и они в свою очередь распространены более чем метафоры «*левое – правое*» (например, хорошее – справа, плохое – слева). С объективистской

позиции каждое пространственное измерение должно обладать одной и той же описательной силой. Но с субъективной позиции мы замечаем, что малая распространённость метафор «левое – правое» связана с общей симметрией человеческого тела в этих направлениях. Поскольку левое и правое направления настолько топологически похожи, в эгоцентрической модели мира это измерение используется гораздо меньше. Но такого рода симметрия отсутствует в направлениях «*вперёд – назад*» и «*вверх – вниз*».

Пространственные ориентационные шкалы типа «верх – низ», «внутри – снаружи», «центр – периферия» составляют богатую основу для осмысления понятий в ориентационных терминах. Однако опыт восприятия физических объектов и веществ человеком составляет другую основу для осмысления понятий, выходящую за пределы простой ориентации [Арутюнова 1999: 27].

Осмысление нашего опыта в терминах объектов и веществ позволяет нам вычленять некоторые части нашего опыта и трактовать их как дискретные сущности или вещества некоторого единого типа. Это даёт нам возможность ссылаться на них, объединять в категории, классифицировать и определять их количество, тем самым мы можем рассуждать о них.

Если объекты не дискретны или не обладают чёткими контурами, например, горы, перекрёстки, живые изгороди и т. д., мы всё же зачисляем их в соответствующие категории. Подобный способ трактовки явлений физического мира необходим для удовлетворения определённых целей – установления местоположения гор, назначения встреч на перекрёстках улиц и т. д. Такие цели требуют от нас наложения искусственных границ на физические явления для придания им дискретности, каковой обладаем мы сами как физические объекты, ограниченные некоторой поверхностью.

Подобно тому, как данные человеческого опыта по пространственной ориентации порождают ориентационные метафоры, данные нашего опыта, связанные с физическими объектами (в особенности с нашим собственным телом), составляют основу для онтологических метафор, т. е. способов трактовки событий, действий, эмоций, идей и т. п. как предметов и веществ.

Как и в случае ориентационных метафор, носители языка даже не замечают метафоричности выражений. Это отчасти объясняется тем, что онтологические метафоры, подобно ориентационным, имеют крайне узкий диапазон использования – способ обозначения явления, его количественную характеристику и т. п.

Существуют разные типы онтологических метафор, которые различаются в зависимости от типов целей [Арутюнова 1999: 29]. Например, метафоры, связанные с вместилищами, обозначают, как правило, ограниченные пространства.

Мы представляем собой физические существа, ограниченные в определённом пространстве и отделённые от остального мира поверхностью нашей кожи, и воспринимаем остальной мир как находящийся вне нас. Каждый из нас есть вместилище, ограниченное поверхностью тела и наделённое способностью ориентации типа «внутри – извне». Эту ориентацию мы мысленно переносим на другие физические объекты, ограниченные поверхностями. И тем самым рассматриваем их как вместилища, обладающие внутренним пространством и отделённые от внешнего мира. К явным вместилищам относятся комнаты и дома. Переходить из комнаты в комнату – значит перемещаться из одного вместилища в другое, т. е. переходить из одной комнаты внутрь другой.

Мы налагаем эту ориентацию на окружающую нас естественную среду. Например, лесная поляна воспринимается нами как замкнутое пространство, и мы можем мыслить себя внутри поляны (на поляне) или вне поляны, в лесу или вне леса. Лесная поляна действительно имеет нечто, что мы можем воспринимать как естественную границу, а именно нечёткую область, в которой идут на убыль деревья и начинается нечёткое пространство. Но даже там, где нет естественной физической границы, которую можно было бы воспринимать как замыкающую пространство некоторого вместилища, мы налагаем свои искусственные границы, отделяя территорию с её собственным искусственным пространством и ограничивающей поверхностью, будь то стена, забор или некоторая воображаемая линия или плоскость. Немногие человеческие инстинкты имеют более базисную природу, чем чувство пространства. Ограничение некоторой территории, наложение границы вокруг неё представляет собой акт количественной характеристики. Ограниченные объекты, будь то люди, камни или территории, обладают размерами. Исходя из этого, их можно характеризовать по количеству образующей их или содержащейся в них субстанции.

Не лишним было бы ещё раз уточнить, что метафора работает на категориальном сдвиге, т. к. источник метафоры – ошибка в таксонимии объектов (Н.Д. Арутюнова). Метафора – когнитивное явление, относящееся к универсальным гносеологическим механизмам и к области представления знаний на концептуальном уровне. Метафоры как языковые выражения становятся возможными именно потому, что существуют метафоры в концептуальной системе человека. Эти когнитивные метафоры задают аналоги и ассоциации между сложившимися концептуальными категориями, порождая более частные языковые метафоры. Универсальный характер следует понимать как наличие этого механизма в сознании любого человека, независимо от языка, на котором он говорит.

Метафоризация основана на человеческой способности соизмерять, ассоциировать, и такое соизмерение происходит в соответствии с человеческим масштабом знаний и представлений.

Глава 3

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики семантика номинативных единиц рассматривается как синергетическое единство внутреннего и внешнего содержания языкового знака. Внутреннее содержание слова составляет его собственно языковая семантика – результат взаимодействия его лексического, грамматического, словообразовательного и стилистического значений.

Первые два представляют собой «оязыковлённые» предметные и структурные отношения языкового знака к внеязыковым объектам номинации, вторые два (словообразовательное и стилистическое значения) порождаются генетическими (деривационными) и функционально-смысловыми отношениями, устанавливающимися между единицами внутри языковой системы. И те, и другие формируют семантическую структуру слова: смысловую структуру многозначного слова (структуру его ЛСВ) и семантему (семную структуру) каждого ЛСВ.

Внешнее содержание номинативных единиц языка детерминировано их внеязыковыми связями и отношениями, порождающими основные протосемантические категории – универсально-предметный код (УПК), предметный остов, концепт и внутреннюю форму слова.

Универсально-предметный код – первая когнитивная структура, уже во внутренней речи закладывающая мыслительный базис языковой семантики. В его основании лежит достаточно информативное содержание, формирующееся в процессе осмысления и обобщения денотативной ситуации. Денотативные схемы подобного рода фокусируют эмпирические знания о предмете номинации и его связях и отношениях с другими элементами дискурсивного сознания во внутренней речи, имеющей, по данным А.Р. Лурия, решающее значение для перекодирования замысла в развёрнутую речь и для создания порождающей схемы развёрнутого речевого высказывания. Именно внутренняя речь служит основным «механизмом, превращающим внутренние субъективные *смыслы* в систему внешних развёрнутых речевых *значений*» [Лурия 1975: 10]. Поскольку субъективные смыслы воплощаются в предметно-чувственных образах, внутренняя речь призвана перевести план содержания таких образов из сукцессивно (линейно) представленных фрагментов дискурсивного сознания в симультанную (нелинейную, целостную) структуру. Последняя в силу своего предметно-наглядного статуса была названа Н.И. Жинкиным

предметно-изобразительным, или универсально-предметным кодом (УПК).

Предметно-изобразительный код, утверждает учёный, – скорее не конкретный образ, а образная схема, выполняющая роль посредника между языковым знаком и обозначаемым предметом. «Не образ» – потому, что УПК не представляет собой целостной и законченной картинки.

И всё же, на наш взгляд, УПК не лишён в нашем сознании образного представления, пусть даже и схематичного. Будучи предметно-изобразительным кодом, УПК действительно представляет собой образную схему, смысловое содержание которой сопровождается наглядным образом. Это, надо полагать, сжатая, контурно представленная схема, по которой осуществляется интериоризация (семиотическое перерождение предмета номинации). Её когнитивная сущность состоит в том, что в речемыслительном процессе денотативная структура (обобщённое отражение предмета) преобразуется в семантическую структуру знака, а при восприятии языкового знака, наоборот – семантическая структура (означаемое знака) переводится в денотативную структуру номинируемого объекта. УПК, таким образом, выполняет посредническую функцию, обеспечивая возможность взаимопонимания между общающимися. УПК – исходный протосемантический конструктор, непосредственно переводящий довербальную информацию в смысловое содержание слова посредством так называемого предметного остова.

Понятие «чистый предметный остов», введённое в науку Г.Г. Шпетом, с одной стороны, несколько отличается от УПК, а с другой – от внутренней формы слова. Если УПК – посредник между познаваемым объектом и языковым знаком, то предметный остов – *элемент словесной структуры*, точнее, смысловой структуры языкового знака. Психологи утверждают, что предметный остов языкового знака не дан, а задан (В.П. Зинченко). Он может быть реализован в языковом знаке, в котором, собственно, ему и сообщается некий смысл, включающий в себя образ действия, моторную программу и т. п.

Итак, предметный остов языкового знака – это образ, но образ амодальный, образ уже осуществившегося или будущего предметного действия. Такой образ может приобрести то или иное словесное выражение. Так, намерение пригрозить кому-либо обычно обретает предметный остов-образ, в пределах которого кодируется амодальное содержание: «адресат может быть (или будет) наказан, проучен». Это чистая амодальная программа будущего предметного действия. При этом зрительный образ ещё не сформирован. Он формируется в дискурсивной деятельности вместе с выбором той или иной словесной структуры. Ср.: *наказать к о г о-л., проучить к о г о-л., показать, где раки зимуют к о м у, костей не собрать; спустить (содрать) шкуру с к о г о, стереть в порошок к о г о.* До словесного облачения предметный остов остаётся

стержневым элементом мысли: *человек знает умом, что он хочет сделать, какое воздействие произвести, но не может то, что знает умом, собрать в зрительный образ*. Виртуальная, желаемая реальность становится актуальной лишь тогда, когда возникает наглядно-чувственный образ, проецирующий в свою очередь образ словесный. На этом этапе предметный остов превращается в «живую» *внутреннюю форму* слова, в которой динамика предметного действия сообщает слову почти ощутимую поэтическую (образную) энергию. Без этой энергии слово не может «жечь сердца людей». А слово в функции вторичной номинации ещё и приращивает, умножает свою поэтическую энергию, чтобы затем сторицей вернуть её действию.

Предметный остов в структуре внутренней формы в сочетании со смысловым восприятием объекта номинации представляет собой когнитивную базу любого языкового знака и в этом плане связан с этимоном слова. Этимон – это первое изображение на дисплее дискурсивно-когнитивного порождения слова и его значения. Это своего рода речемыслительный конструкт, в котором находит выражение то, как представлен нашему сознанию концепт в результате сопоставления всех форм его репрезентации в экстенционале языкового знака. Так, для слова *истребитель* этимоном выступает первичный конструкт концепта «истребление, уничтожение», схваченный по сущностным признакам обобщённый **образ**; он уже понятен и даже эквивалентен понятию, но существует ещё в другой системе измерений (ср. работы В.В. Колесова). Смысловым и эмбриональным ядром этимона является внутренняя форма имени концепта. Не случайно концепт некоторыми исследователями отождествляется со смыслом имени. И как следствие тому концепт определяется как способ, каким имя выражает информацию о предмете через соответствующее понятие.

В лингвистике нашего времени «понятие» и «концепт» обычно различаются, хотя характер их соотношения и содержания интерпретируется неоднозначно. [Ср.: ЛЭС 1990: 383-384; КСКТ 1996: 92; Болдырев 1999: 16].

С точки зрения когнитивно-семасиологического содержания языкового знака концепт – культурно-семиотический феномен, поскольку обладает способностью отражать не только смыслы, облачённые в языковую плоть, но и так называемые невербализованные («молчаливые») смыслы.

Между концептом и понятием невозможен знак равенства уже потому, что концепт в сущности своей синкретичен: одновременно и суждение, и понятие, и представление. Поскольку в его структуре гармонично сосуществуют, взаимно дополняя друг друга, логическое и образное начало, по сути своей термину *концепт* синонимично «обыденное образное понятие». Такого рода «природное» своеобразие концепта обеспечивает ему широкие когнитивно-семасиологические возможности: он одновременно и *стимул* (источник) семантического развития языкового знака, и его *продукт*. В последней своей ипостаси, будучи конечным пределом

развития и формирования семантики слова, концепт, с одной стороны, служит его интенционалом, образующим семантическую инвариантность знака, а с другой, – выступает источником его импликационала, поскольку направляет когнитивный поиск, обеспечивающий говорящим возможности выбора средств речевой реализации его смысловой архитектуры [ср.: Колесов 2002: 63].

Истоки подобных суждений восходят к определению, сформулированному основоположником концептуализма Петром Абеяром: *концепт – это не форма, а способ схватывания смысла – связывание суждений (высказываний) в одну точку зрения на тот или иной предмет.* «Схватывание смысла» – это своего рода попытка понять, каким образом нашему языковому сознанию представляется когнитивное содержание языкового знака. Это в свою очередь ставит вопрос о том, как порождается концепт в процессе того или иного речемыслительного акта, что служит тем связующим мостиком, по которому осуществляется перевод когнитивной структуры в языковую. В поисках ответа на данный вопрос целесообразно обратиться к учению В. фон Гумбольдта, согласно которому таким «мостиком» выступает в языке его внутренняя форма, не являющаяся, однако, ни исключительно интеллектуальной (поэтому не отождествляемой с понятием/представлением), ни формальной структурой в обычном понимании. Она, в интерпретации Г.Г. Шпета, может выступать абсолютной формой, формой форм словесно-логического плана, т. е. формой форм как чувственной, так и смысловой данности [Шпет 2003: 101]. Внутренняя форма слова, в отличие от понятия – категории объективной, классифицирующей, статичной, логической, характеризуется способностью к субъективному, переживаемому, динамичному и поэтому лингвокреативному представлению предметов номинации в языковом сознании говорящих на определённом языке. Внутренняя форма как закон смыслового развития слова не может быть ни самим смыслом (равно как и образом, сопровождающем представление, механизмом ассоциации и апперцепции), ни этимологически исконным значением слова. Она – продукт дискурсивного мышления, служащий для нашего языкового сознания импульсом, толчком, отправным пунктом для преодоления тех противоречий, которые так или иначе имплицированы в концепте в виде скрытой когнитивно-дискурсивной энергии, определяющей творческий потенциал языкового знака. Преодоление этих противоречий доступно всем говорящим на данном языке, поскольку осуществляется по повторяющимся законам живого комбинирования словесно-логических единиц, т. е. по словесно-логическим алгоритмам. Именно такого рода алгоритмы позволяют назвать способы представления смыслового содержания в языковом знаке его *внутренней формой*. Однако в этом случае речь идёт скорее о внутренней форме слов как *словесно-логическом* представлении заключённого в них смысла. В поэтическом языке слово обычно обращено к переносным смыслам,

способы представления которых нашему сознанию отличаются их обусловленностью эстетическими переживаниями и воображаемыми ассоциативно-образными импликациями. Поэтому такие способы презентации нашему сознанию когнитивно-смыслового содержания мы вслед за Г.Г. Шпетом называем *художественными (поэтическими) внутренними формами слова* [Шпет 2003: 144].

Внутренняя форма слова, таким образом, как пограничный элемент когнитивной и языковой семантики – понятие более ёмкое и широкое, чем предметный остов и УПК – элементы когнитивной структуры. При этом все они служат этапными, узловыми механизмами формирования образной семантики языковых знаков: *УПК > предметный остов > внутренняя форма > словесный образ*. Здесь, однако, следует сделать ещё одно важное уточнение: УПК и предметный остов структуры слова, хотя и глубинные, но все же *элементы семантической структуры слова*, поскольку противопоставляются вещи – референту слова.

«Следовательно, если объект знакообозначения условно назвать *внешней* формой речемышления, а актуальное значение языкового знака – *оптической* формой, то лежащие между ними логические формы следует считать *внутренними* и по отношению к первым, и по отношению ко вторым» [см.: Шпет 2003: 400]. По убеждению Г.Г. Шпета, внутренняя форма языкового знака должна рассматриваться с точки зрения двух его взаимосвязанных функций – номинативной и семасиологической. В рамках первой внутренняя форма вскрывает свою *номинативную* предметность, а в рамках второй – предметность *смысловую*.

Номинативная предметность внутренней формы языковых знаков традиционно вызывала особый интерес в отечественной науке о языке. Ф.И. Буслаев впервые сформулировал очень распространённое ныне положение о том, что источником языковой номинации служит, как правило, тот признак, который прежде всех бросается в глаза и глубже, чем другие, волнует наши «чувства и воображения». Сущностные свойства этого признака как эпидигматического звена деривационной памяти языковых значений были обобщены в понятии «внутренней формы» (В. фон Гумбольдт, Г. Штейнталь, В. Вундт), получившем оригинальное, собственно лингвистическое толкование в трудах А.А. Потебни. Учёный опирается на понятие апперцепции – обусловленности каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека. Под прошлым опытом понимают все знания, взгляды, интересы, эмоциональное отношение данной личности. И не только. Опираясь на Г. Штейнталья, С.Д. Кацнельсон пишет: «Апперципируя внутреннее, слово апперципирует тем самым и внешний объект. Если восприятие нашло выражение в звуковом рефлексе, то как восприятие, так и воспроизведённый в памяти образ апперципируется этим рефлексом, и этот рефлекс представляет находящийся внутри образ, или интериоризованный <...> предмет» [Кацнельсон 2001: 39]. Эти мысли представляются нам особо ценными для понимания семантики

знаков вторичной номинации, поскольку их значения формируются опосредованно, путём использования того коллективного опыта народа, который закодирован в соответствующих знаках первичного именования. Таким посредником между значением знака вторичной номинации и значением его производящего и выступает внутренняя форма. Из этого следует, что содержание внутренней формы составляют те смысловые элементы лексической и грамматической семантики знака-прототипа, которые послужили её генетическим источником. Ср.: *лить воду на мельницу чью, когда* – ‘косвенно помогать, содействовать кому-л. своими поступками, доводами’; *держат под своим крылышком кого* – ‘опекать, оберегать, помогать и покровительственно относиться к кому-либо’; *наводит/навести тень на плетень* – ‘намеренно вносить неясность, сбивать с толку’. В первом случае внутренней формой служит образное представление о «механизме» работы водяных мельниц, во втором – о заботливом отношении птиц к своим детёнышам, в третьем – о теневом отражении предметов. Кроме денотативных сем лексических компонентов, в создании внутренней формы принимают также участие и грамматические семы первично-денотативного характера, которые, выражая определённые отношения между предметами, воспроизводят в нашем воображении целые денотативные ситуации, в контурном виде предопределяющие характер и основные направления формирования семантической структуры слова и, соответственно, его понимания участниками коммуникативного акта.

Большинство исследователей выводит внутреннюю форму за пределы семантической структуры слова в область психических (сенсорно-перцептивных) категорий. Сам по себе такой подход к интерпретации анализируемого понятия не вызывает возражений, однако представляется нам односторонним. Внутренняя форма – результат сложных речемыслительных процессов, предполагающих языковую объективацию тех или иных психических форм отражения номинируемой действительности. На наш взгляд, сущность внутренней формы номинативных единиц обуславливается вторичностью их семиозиса, предполагающего активное участие в возникновении всех смыслообразующих компонентов – лексических и грамматических – в их ономаσιологическом и семасиологическом взаимодействии.

1. Ономаσιологическая трактовка внутренней формы языкового знака берёт начало в наиболее ранней потебнианской концепции, согласно которой внутренняя форма рассматривается, как правило, с психологической точки зрения. В этом случае психической основой внутренней формы считаются представления о том или ином дистинктивном признаке – источнике номинации. Именно такое представление, полагает А.А. Потебня, «создаёт непрременную стихию словесных образований» [Потебня 1958: 19]. Итак, внутренняя форма как эпидигматический компонент, источник и стимулятор языковой номинации выступает важным

регулирующим фактором формирования языкового значения и его речевой реализации.

2. Основы семасиологического осмысления внутренней формы языковых единиц были заложены А.А. Потебнёй во второй период его лингвистической деятельности. Учёный предложил различать языковые и внеязыковые знания о соответствующем объекте номинации, назвав первые «ближайшими», а вторые – «дальнейшими» значениями [Потебня 1976: 20]. «Ближайшее значение» у Потебни служит, по существу, конструктивным моментом в развитии «дальнейшего значения» – совокупности энциклопедических (внеязыковых) знаний о номинируемом фрагменте реальной действительности, фиксируемых сознанием в виде понятий и образов. «Ближайшее значение», будучи знаком «дальнейшего значения», облегчает процесс мышления, освобождает его от лишних деталей, т. е. выступает формой связи старого (производящего) и нового (производного) в значении идиом: *сломать (свернуть) себе шею (голову)* н а ч ё м – 1) 'получить увечье, погибнуть', 2) 'потерпеть полную неудачу в чём-л.'; *свить (себе) гнездо* 'устроить свою семейную жизнь, создать домашний уют'.

Открытый А.А. Потебнёй элемент языковой семантики («ближайшее значение») назван им формальным, поскольку он «является формой другого содержания» [Потебня 1976: 22]. Иными словами, «ближайшее значение» служит внутренней формой репрезентации дальнейшего значения, способом языковой объективации интеллектуально-эмоционального содержания.

Итак, внутренняя форма языкового знака рассматривается нами как синхронный эпидигматический компонент его семантической структуры, служащий идиоэтнической основой косвенно-производной номинации, т. е. отражающий тот денотативный признак, по которому и был наименован соответствующий фрагмент реальной действительности. Ср., например, внутренние формы (1) «ограниченность» в семантической структуре идиомы *руки коротки* у к о г о 'нет права, возможности, силы что-л. сделать, предпринять', (2) «основание, сущность» в семантике фраземы *смотреть (глядеть) в корень* ч е г о 'входить, вникать в сущность чего-л.' и т. п.

Во внутренней форме знаков вторичной номинации оказываются взаимосвязанными номинативный, предикативный и действенный аспекты смыслообразования. В зародыше такая внутренняя форма содержит в себе и коннотативный, и оценочный, и семантический компоненты. Поэтому внутренняя форма не сводима ни к концепту, ни к эмосеме, ни к этимологическому значению. Это своего рода речемыслительный кентавр, фокусирующий в себе один из признаков этимологического образа, модально-оценочный элемент эмосемы и отдельные смысловые гены концепта. И в этом отношении чрезвычайно важным представляется суждение Г.Г. Шпета о том, что внутренняя форма номинативных единиц

не исчерпывается логическими, т. е. смысловыми, формами. Логические формы образуют лишь семасиологическое ядро знака, которое как бы обволакивается формами синтагматическими. Именно сложное сплетение синтагматического и ближайшего логического (смыслового) слоя образует сложные и не всегда уловимые контуры внутренней формы. Причём синтагматические формы знаков непрямого номинации шире логических и целиком в последние не укладываются. Перефразируя Н. Заболоцкого, можно сказать, что под поверхностью каждого такого знака шевелится бездонная смысловая мгла. Своеобразие синтагматических форм состоит в том, что они сначала предполагают, а затем модифицируют логические формы. Для понимания внутренней формы знаков непрямого номинации существенно замечание Г.Г. Шпета об игре синтагм и логических форм между собою. Последние, по его мнению, служат лишь основанием для такой игры. Эмпирические синтагмы образуются капризом языка, составляют его улыбку и гримасы, поскольку эти формы игривы, вольны, подвижны и динамичны [Шпет 1989: 407–409]. Ср.: *и [даже] бровью [глазом, ухом, усом] не ведёт / не повёл (-а, -и) 'кто-либо ничем внешне не проявляет своего отношения к кому-либо или к чему-либо, сохраняя спокойствие, проявляя самообладание, сдержанность, хоть отбавляй, 'хоть' пруд пруди, яблоку негде (некуда) упасть, конца-краю (края) не видно (не видать, нет) ч е м у 'очень много, в огромном количестве'*. Внутренняя форма знаков непрямого именованья взаимодействует не только с внутренними формами знаков первичной номинации, но и с внутренними формами действия и образа. Слова в составе фразеологизма, например, своими внутренними формами проникают в действие, становятся его внутренней формой. Это делает действие осмысленным и эвристическим. Вот почему внутренняя форма знака меньше всего напоминает оболочку, она, напротив, предстаёт как стимул переработки и преобразования первоначальной информации, кодируемой в языковом знаке непрямого номинации. Столь важную преобразующую функцию внутренней форме сообщают предметный остов знака и образ номинируемого действия.

Как речемыслительный «эмбрион» и внутренняя программа (схема), внутренняя форма, всплывая на поверхность языкового сознания, становится источником типичных системно нерелевантных ассоциаций, лингвокреативным стимулом оживления целой цепи социально значимых связей, коннотаций и представлений – всей смысловой гаммы образной палитры дискурсивной идиомы.

Внутренняя форма слова уподобляет концепт ближайшему родовому значению: *истребитель* – «тот, который истребляет». И в этом качестве он представляет в нашем языковом сознании суть категоризации соответствующего объекта познания и именованья.

Не последнюю роль в интенсификации коннотативных сем языкового значения играют внутренняя форма как центр этимологического образа

(«скрученный, винтообразный бараний рог») и те экстралингвистические смыслы концепта, которые остались в процессе косвенно-производной номинации не объективированными. Кроме предметно-логического содержания, знак непрямого обозначения содержит информацию о субъективном понимании тех отношений, в которых находятся объект номинации и языковой знак. Значение таких знаков «зависит от того смыслового света, который на него падает от обозначаемого <...> предмета» [Лосев 1990: 75]. Лосевская метафора «смысловый свет», падающий от предмета номинации, по отношению к значениям знаков непрямого именованного имеет особое этнокультурное содержание, полученное в результате ценностно-ориентированной интерпретации знаний не только о предмете знакообозначения, но и о той денотативной ситуации, частью которой он является. Такое этнокультурное содержание означаемого знака представляет: а) не объективированную в знаке часть концепта – когнитивного субстрата значения; б) экстралингвистические знания, расширяющие и углубляющие первичные представления об объекте познания; в) этноязыковые смыслы, косвенно исходящие от знаков первичной номинации, послуживших деривационной базой для вторичного лингвосемиозиса; г) коммуникативно-прагматические смыслы, рождённые в процессе взаимодействия языковых значений в соответствующих речевых и ситуативных контекстах.

При таком понимании, внутренняя форма слова – это некий смысловой эмбрион, по-разному актуализируемый в образном пространстве данного концептуального поля: а) тот, кто истребляет кого- или что-н. (*истребитель грызунов*), б) самолёт-истребитель, в) лётчик истребительной авиации.

Таким образом, внутренняя форма слова представляет собой когнитивно-семасиологическое содержание языкового знака. Формируется она пересечением самых разных по своей когнитивной онтологии смысловых линий, идущих от концепта, предметного остова, УПК и внутренней формы слова. Иерархически организованная совокупность элементарных смыслов, порождаемых этими смысловыми линиями, образует семантическую структуру слова.

Глава 4

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВОСЕМИОЗИСА

Поскольку в фокусе внимания лингвокогнитологии находится феномен знания, в исследованиях последних лет всё чаще поднимается проблема информации (её обработка и различные виды речемыслительных операций с ней) в её связях и отношениях с собственно лингвистическими категориями [Langacker 1991: 37; Ченки 1997: 340]. Будучи объективно сложной, эта проблема усугубляется ещё и тем, что, наряду с этимологическим значением термина информация – ‚разъяснение, осведомление, изложение, в современных работах по когнитивной семантике он употребляется несколько произвольно: и как значение, и как знание. Причиной тому является смысловое родство соответствующих понятий: как правило, информация служит основой возникновения значения и знания. Однако если под информацией понимать только сведения, необходимые для деятельности индивида в определённой речемыслительной ситуации, то «значение» и «информацию» следует признать разными понятиями. Поэтому, полагаю, некорректно определять их одно через другое. Подтверждением справедливости такого подхода могут служить условно-рефлекторные механизмы лингвосемиозиса. Любой раздражитель (звонок, свет, запах пищи и т. д.) несёт определённую информацию, но значения не имеет. Значение он приобретает, только став сигналом. Чтобы информация стала значением, ей необходимо приобрести мотивационный статус. Как он приобретается, можно показать на примере всем известных сказок о принцессе. Чаще всего их сюжет разворачивается вокруг исчезнувшей девушки. Возникающая при этом знаковая ситуация имеет несложную структуру: обозначаемый объект – принцесса; отличительные признаки места её нахождения – знак; деятельность, направленная на её поиск, – значение.

В ракурсе такого понимания знаковой ситуации сформулируем исходные позиции нашего исследования:

1. В результате замещения причины деятельности символом знак обретает значение.

2. По отношению к другим (первичным) явлениям человеческой деятельности значение является вторичным.

3. В соответствии с этим (п. 1 и п. 2) выделим два уровня когнитивно-семиотической деятельности. На первом её этапе определяются объективные свойства знака. Обычно его называют познавательно-информационным уровнем, где полученные сведения подчиняются общим законам современной теории информации. Второй уровень является собственно речемыслительным, поскольку осуществляется при дискурсивном

взаимодействии субъекта и объекта. Если на первом уровне извлекается необходимая информация, то на втором, глубинном, уровне формируется значение, которое выражается неким материальным средством, преобразуя его в означающее знака (сигнал). Такого рода вектор осмысления когнитивных оснований лингвосомиозиса предполагает обсуждение соотношения следующих категорий: (а) информация – знание – значение, (б) познание – знакообразование, (в) внутренняя форма знака – значение, (г) знаки языка – знаки речи, (д) знаки речи – дискурсивные значения.

4.1. Информация – знание – значение

В когнитивной лингвистике **и н ф о р м а ц и я** – это сведения о фактах, событиях, процессах; данные, приходящие к человеку по разным каналам и обрабатываемые в текущем этноязыковом сознании. К человеку информация поступает двумя путями: (1) *извне* – по чувственно-перцептивным и сенсорно-моторным каналам и (2) *изнутри* – по каналам ментальной репрезентации, где они уже переработаны и интериоризированы нашим языковым сознанием. Поступившие сведения о фактах и событиях в сознании человека подвергаются так называемой информационной обработке – процессам восприятия, передачи, преобразования и использования информации. Такого рода процессы могут осуществляться только при наличии двух объектов: источника информации и её потребителя. Сведения от источника к приёмнику передаются в материально-энергетической форме. При речевой коммуникации такой формой выступают *звуковая* и *графическая* структуры.

З н а н и е – продукт общественной, предметно-практической и речемыслительной деятельности людей; содержание и способ существования сознания. Чтобы быть переданным другому человеку, знание непременно должно концептуализироваться в языковые формы, иными словами, знание должно оформиться в виде вербализованного концепта. Ср.: *ватрушка* – ,пирожок с творожной начинкой'; *огородить* – 'обнести оградой'; *пророческий* – 'содержащий предсказание'. И в этом виде (в виде концептуальной информации) оно (знание), собственно, и представляет интерес для когнитивной лингвистики, непосредственно занимающейся процессами языковой обработки информации и формирования значений языковых знаков. Знание как способ существования сознания объективируется и хранится при помощи языковых знаков. При этом следует заметить, что языковые знаки здесь выступают не простыми фиксаторами знания. Образую знаковую систему особого рода, они принимают участие в познании не изолированно, а в упорядоченном речемыслительном пространстве. А это значит, что новое знание, объективируемое той или иной знаковой конфигурацией, вводится в определённую когнитивную систему, тем самым подвергаясь адаптации, обработке, преобразованиям и интерпретации с позиции системного знания. И в этом своём статусе становится *языковым знанием*. Формой же выражения языкового

знания служат языковые **значения**, онтология которых также неоднозначна, как и само сознание. В самом общем виде, путем выявления их специфики по характеру информационной связи между двумя сущностями можно выделить **два типа значений** – значения *языковые* и значения *дискурсивные*. В их основе лежат импликационный и знаковый механизмы смыслообразования [ср.: Никитин 1996: 26].

В любых знаковых системах (не только естественно-языковой) обнаруживается следующая закономерность. Если две сущности (вещи, события, явления) объединены в сознании субъекта скрытой зависимостью, установившейся в реальном мире на основании их природной (естественной) связи, то имеет место значение импликационного типа. Его содержанием являются мыслительные импликации из познаваемого предмета как его информационная функция. Знаковый тип значения формируется иным характером связи между предметами мысли: между ними природной зависимости нет. Их объединяет условная намеренная связь с целью возбуждать в нашем сознании нужное знание в отсутствии даже намёка на какие-либо импликации. Если сказать проще, в этом случае между предметами мысли природной, то есть безусловнорефлекторной, связи нет. С точки зрения биопсихического подхода, знаковое значение имеет условнорефлекторную природу. Это значит, что в сознании субъекта между предметами устанавливается условная (преднамеренная) связь, за знаком закрепляется определённая кодифицированная мысль, которая, собственно, и составляет сущность знакового значения [см.: Никитин 1996: 27].

Единицы естественных языков знаковую функцию приобретают двумя способами — на этапе *первичного* знакообразования *спонтанно* (в процессе реализации простейших коммуникативных намерений), затем, в уже сложившемся языке, на этапе *вторичного* знакообразования – *и спонтанно, и намеренно*. Значения вторичных знаков, конечно же, опосредуются естественным (первичным) языком [см.: Eismann 1998: 1-30]. Примером тому может служить слово *кукловоды* в следующем контексте: *Неправительственные организации ... нужны «для контроля за деятельностью власти» (при условии, что «эти организации не руководились кукловодами из-за границы»)* [Комс. правда, № 15, 2-9 февр. 2006 г.]. Основным предметом когнитивно-семиологической теории являются, конечно, значения знаковой природы, особенно значения вторичных знаков. Значения импликационного типа¹ также представляют для неё

¹ Под дискурсом мы понимаем не просто речь, а сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации. Элементами дискурса служат: излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т. е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.

интерес, но только в том случае, если они оказываются эвристическим продуктом дискурсивной деятельности.

4.2. Знаки речи и дискурсивные значения

Дискурс² располагает двумя видами информации. К *первому* виду можно отнести ту информацию, которую дискурс получает от языка. Это кодифицированная знаковая информация, носителями которой являются знаки языка. *Второй* вид информации продуцируется самим дискурсом. Это разного рода дополнительная информация, поступающая по всем каналам речемыслительной (дискурсивной) деятельности. Она ситуативна и контекстуальна, поскольку порождается в процессе непосредственного осуществления речевого акта. Её носители – знаки речи. Ср., например, у В. Набокова: *«Это было время, когда щедрой рукой сеялись семена цветка счастья, солнца, свободы. Он теперь подрост. Россия заселена подсолнухами. Это самый большой, самый мордастый и самый глупый цветок»*. Информацию, заключённую в выделенные речевые знаки, мы называем *д и с к у р с и в н о й*. Общающиеся получают её не только от знаков языка, служащих идеальным субстратом общения. Основным её источником служат достаточно многозначные импликационные связи, выявляемые между элементами знаковой ситуации. Здесь всё наполнено скрытым смыслом: подсолнух, с одной стороны, – *цветок счастья, свободы*, а с другой стороны – *мордастый и глупый*. И им не засеяна, а заселена страна. Снова имплицитные смыслы, столь характерные для В. Набокова! Подобного рода информация исходит из понимания знаковой ситуации и от осмысления читателем познаваемого в данной ситуации внешнего и внутреннего мира. При этом знаки речи выступают как важное речемыслительное средство, погружённое в импликационные (естественные) связи познаваемого и объективируемого фрагмента мира. Дискурсивные значения (смыслы), основанные на импликационных связях, не только выступают смыслообразующими средствами вербальной коммуникации, но и образуют смысловой ореол значения соответствующих языковых знаков.

Таким образом, дискурсивные значения, или смыслы, заключают в себе (а) информацию, исходящую от знаков языка, (б) информацию о познаваемом фрагменте действительности (в её причинно-следственных, временных и пространственных связях). В принципе языковые и дискурсивные значения (в другом терминопотреблении – значения и

² Под дискурсом мы понимаем не просто речь, а сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации. Элементами дискурса служат: излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т. е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.

смыслы) характеризуются не только различительными, но и универсальными свойствами, по аналогии схем. Как соотносятся между собой язык и речь? Они связаны функционально и онтологически. В первом случае языковые значения служат идеальным субстратом для дискурсивных смыслов, а последние необходимы для обобщающей эволюционной динамики первых.

Выделенные типы значений состоят из когнитивного и прагматического компонентов. Ср. когнитивный компонент в значении слова *напиться* и прагматический в выделенных ниже словах и фразеологизмах: «Поздравляю, **налимонился**, – сказала хозяйка дома, глядя на Лужина. <...> Поздравляю. **До положения риз**». И странное дело: то, что Лужин н а п и л с я **до положения риз**, понравилось ей, возбудило в ней по отношению к Лужину тёплое чувство (В. Набоков). Разница лишь в их конструктивном статусе. На «авансцене» языковых значений находится когнитивный компонент, а прагматический компонент образует их глубинный, имплицитный фон. В дискурсивных же значениях актуализуются оба компонента, а их функциональный регистр знаков речи определяется конкретной знаковой ситуацией, возникающей в соответствии с тем или иным коммуникативно-прагматическим намерением.

В свете сказанного, значение – это не просто информация, а информация об осознанной связи между двумя мыслительными объектами, где один объект (им может быть вещь, предмет, явление или событие) актуализирует мысль о другом объекте и информационно на него настраивает наше сознание.

С точки зрения когнитивной семантики, значением служит мысль о другом объекте, выполняющая информационную функцию по отношению к первому объекту. И в этом плане значение языкового знака является (а) фактом сознания, (б) производящей базой знака (в когнитивной науке знак принято считать производным от значения) и в этом плане (в) первичным по отношению к знаку образованием. Из этого вытекают чрезвычайно важные для когнитивно-семиологической теории слова положения:

1. Содержание языкового знака, или его семантика, конституируется двумя составляющими: стабильной и вариативной.

2. Стабильная, постоянная часть содержания языкового знака является его **значением**, а вариативная, переменная, динамическая – его **смысловым содержанием**.

3. Проблема значения и смысла имеет прямое отношение к семиозису. Наиболее таинственной при этом справедливо считают саму «технологию» появления знака.

4.3. Познание и знакообразование

Доминантой разрабатываемой нами когнитивно-семиологической теории языкового знака служит известный в когнитивистике постулат: процесс возникновения знака начинается со **взаимодействия**

познающего субъекта с предметом познания, поскольку значение предмета познания определяется его местом и значимостью в человеческой деятельности. При этом формирование языкового значения обуславливается отражением в нашем сознании внешнего события, которое в соответствующей знаковой ситуации становится выразителем реальных взаимоотношений между объектом и субъектом познания. В лингвосомиозисе результат такого взаимодействия и опыт практической деятельности человека закрепляются за соответствующим звукосочетанием, которое в формирующемся знаке получает статус означающего. С этого момента звукоряд становится не только обычным средством обозначения предмета, но и средством активизации познавательной деятельности, направленной на кодирование свойств и признаков (одновременно познаваемого и называемого) предмета.

Процесс декодирования уже имеющегося в нашем сознании знака осуществляется по несколько иному алгоритму. В этом случае когнитивно-дискурсивная деятельность человека начинается с восприятия знака, затем развивается в противоположном направлении тому, в котором осуществлялся процесс семиозиса. Алгоритм когнитивно-дискурсивной деятельности при восприятии знака, можно сказать, выстраивается по известной уже схеме знакообразования. Однако это наиболее общий способ семиозиса главным образом довербальных знаков. По этим же семиотическим законам происходит порождение и языковых знаков. И всё же процесс лингвосомиозиса имеет свою специфику, которая обуславливается предназначением языкового знака. В отличие от довербальных знаков, языковой знак – не только средство обозначения, но и средство обеспечения речемыслительного процесса. Можно, разумеется, говорить о языковом знаке вообще. Однако важно помнить о специфике языковых знаков разных типов. Конечно же, эталонным для всех типов языковых знаков является словесный знак. Его образование осуществляется по схеме довербального семиозиса: формирование означаемого предшествует возникновению означающего – звуковой или графической материи словесного знака. С точки зрения логики, закономерность формирования означаемого такова. Начальной точкой объективации означаемого служит выделение конкретного объекта из класса ему однородных. Искомый объект получает своё словесное обозначение после того, как превратится в «найденный», «определённый», «понятный». Это универсальная схема порождения словесного знака. Понимание и декодирование словесного знака, в общем, повторяет алгоритм его возникновения. Если следовать ему, то такая методика откроет возможность проникать в сущность взаимодействия означающего и означаемого (концепта) языкового знака. На определённом этапе в процессе познавательной деятельности смысловое содержание концепта выступает связующим средством между акустическим образом слова и чувственным образом обозначающего предмета. В результате такого

синергетического взаимодействия и осуществляется преобразование образа предмета в понятие о предмете. Согласно теории А.А. Потебни, такие когнитивные переходы осуществляются только при помощи слова, реализующего эвристическую функцию языка. Данное положение стало уже крылатой фразой: «Язык есть средство не выражать готовую мысль, а создавать её... он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [Потебня 1999: 41]. Для реализации этих функций служат вербальные знаки (языковые и речевые). Каждый речемыслительный акт, связанный с их возникновением, направлен на обеспечение онтологической предназначенности языка. Рассмотрение условий и основных этапов знакообразования невозможно без предварительного определения сущности самого языкового знака и его основных свойств. Хотя им и уделялось достаточно много внимания, всё же когнитивно-семиотическая теория языка не лишена белых пятен и поэтому остаётся дискуссионной. Прежде всего, в практическом применении оказывается малопродуктивным ставшее популярным определение знака Л. Ельмслевом: «Знак характеризуется <...> тем, что он является знаком чего-то» [Ельмслев 1960: 302]. В основе данного определения лежит указательная функция знака, и только. При этом даже не упоминается о его структуре и об отношении к человеку и сознанию. Рассмотрение механизмов семиозиса на фоне данного определения заранее обречено. Однако это можно списать на счёт структуральной концепции языка, под гипнозом которой находился датский учёный. Поэтому обратимся к наиболее авторитетному в российской лингвистике изданию – «Лингвистическому энциклопедическому словарю» (1990). Читаем: «Знак языковой – материально-идеальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности» (с. 167). Здесь имеется указание на структурное своеобразие языкового знака: его материально-идеальную билатеральность и репрезентативность (свойство представлять разные внеязыковые объекты). Далее автор (А.А. Уфимцева) отмечает взаимосвязь двух сторон знака: «Две стороны языкового знака, будучи поставлены в отношение постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, которое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, то есть его материального носителя, репрезентирует социально приданное ему значение» (с. 167). Из данного рассуждения выделяем ещё несколько свойств языкового знака: материальность формы, социальность, опосредованность сознанием, способность выражать значение. В монографии А.А. Уфимцева объясняет свою приверженность билатеральной теории знака тем, что понимание знака односторонней физической сущностью приводит к отождествлению его со знаками механических семиотических систем (коды, дорожные знаки и т. п.), лишая тем самым естественный язык функции общения, репрезентации и идентификации предметов объективного мира. Разделяя эту точку зрения,

всё же нельзя не остановиться на достаточно спорном утверждении: «Материальность словесного знака – свойство, почти никогда не подвергается дискуссии, вполне очевидное» [Уфимцева 1986: 52]. Однако данное утверждение не так уж и бесспорно, хотя и принимается большинством авторов. Если знак языковой, а язык – идеальное образование, то вполне закономерно возникает сомнение: как материальный объект локализуется в нашем сознании? А.А. Уфимцева делает по этому поводу следующий пассаж: «Форма знака (означающее) существует в двух его ипостасях, как всё материальное: материальной и идеальной, так как звуковой состав слова обретает форму идеального образа материальной стороны знака» [там же: 52]. Согласно такой интерпретации, означающее языкового знака функционирует то как материальный (чувственно воспринимаемый), то как идеальный, недоступный наблюдению феномен. Для теории словесного знака это очень важное наблюдение, хотя и нуждается в когнитивно-семиологическом обосновании. Выход из явно тупикового положения видится в разграничении знаков языка и знаков речи, поскольку именно оно показывает, как сопряжены в них свойства материальности и идеальности.

4.4. Когнитивные механизмы знакообразования

Наиболее популярное в современной науке понимание знака как единства материального и идеального побуждает нас попытаться рассмотреть взаимодействие физиологических и психических факторов семиозиса. Начнём с того, что в нашем сознании внешний мир, с одной стороны, дан как некая объективная и независимая от него реальность, а с другой представляется в субъективных переживаниях человека в виде образа мира. На первом этапе взаимоотношения человека и среды его обитания воспринимаются в единстве. Но позже по мере осмысления внешнего мира человек постепенно дистанцируется от него, а позднее происходит даже противопоставление человека внешнему миру: человек – субъект отражения этого мира, а внешний мир – объект отражения. Отражённый в сознании человека мир превращается в психический феномен, в образ мира. Это исходная точка семиозиса. Исходная потому, что правильно представляет «положение дел» в его наиболее общих, контурных очертаниях: идеальное – существенная характеристика психического. Однако сам процесс порождения идеального на этом этапе остаётся неосознанным, своеобразным «чёрным ящиком». На его входе внешний мир (причина), на выходе образ мира (следствие). Что внутри чёрного ящика – тайна за семью печатями. Технология создания образа мира во многих своих «узлах» остаётся неизученной до сих пор. Пока лишь ясно, что душа (= идеальное) пытается возвыситься над телесным (= материальным) миром. Об этом в своё время размышлял Гегель: «В феноменологии душа, посредством отрицания своей телесности, поднимается уже до чистого идеального тождества с собой, становится

сознанием, становится «я», в противоположность к своему другому существу для себя» [Гегель 1956: 54]. Для понимания закономерностей лингвосомиозиса это положение важно, подчеркнём, только как точка отсчёта в поисках начальной фазы знакообразования, поскольку в дальнейшем более существенным представляется понимание сути **взаимодействия психического и физиологического**, а не их противоположности. Основополагающим в решении столь непростой задачи служит учение И.П. Павлова об условнорефлекторной деятельности, поскольку в нём впервые показана сопряжённость физиологического и психического. Физиологическое в условном рефлексе проявляется в виде сложного взаимодействия организма со средой: изменения во внешнем мире с закономерной последовательностью вызывают соответствующие изменения в организме. Однако физиологическое в условном рефлексе служит лишь канвой, на которой, как говорил И.П. Павлов, создаётся «психологический узор» [Павлов 1951: 152]. Психическая природа условнорефлекторной деятельности проявляется в том, что условный рефлекс – одновременно и функция мозга, и отражение действительности. Для знакообразования психический аспект особенно важен, поскольку он открывает путь к пониманию взаимосвязи материального и идеального через важнейший закон психологии – закон а с с о ц и а ц и и. Условный рефлекс, по И.П. Павлову, – один из частных видов ассоциации. Условный раздражитель – пусть и специфический, но своего рода знак. Центральным механизмом в условнорефлекторной деятельности выступает «замыкание временных связей». «Замыкание» означает формирование новых временных связей между различными элементами мозга, а «место этой замыкательной способности есть пункты сцепления нейронов» [Павлов 1951: 362]. «Замыкание временных связей» – пожалуй, центральное звено в процессе знакообразования, поскольку здесь происходит превращение индифферентного раздражителя в *значимый, сигнальный*, и с этого момента сигнал становится *з а м е с т и т е л е м* безусловного раздражителя (первопричины познавательной деятельности человека). Предназначение сигнала как условного раздражителя – вызывать «обратную связь», чтобы организм реагировал на сигнал так же, как он реагирует на соответствующий безусловный раздражитель. Именно здесь и происходит рождение в семиозисе идеального. Дело в том, что для того, чтобы вызвать «обратную» реакцию, сигнал должен содержать в себе в «снятой», разумеется, форме действие безусловного раздражителя. «Снятая» форма как раз и является формой *идеализации* безусловного раздражителя в сигнале. Такого рода «замыкание временных связей» и «снятие» (идеализация) отражаемого предмета превращают сигналы в знак (сигналы сигналов), поскольку у них появляется важнейшее семиотическое свойство – оказывать *мотивационное* воздействие на психику человека. У него появляется собственно человеческая вторая сигнальная система – словесная, знаковая.

Её возможности «неограниченные». Словесный знак – единица второй сигнальной системы – кроме безусловнорефлекторной функции, обретает возможность выполнять индикативную, номинативную, когнитивную, прагматическую (как средство воздействия) и экспрессивную функции. Достаточно вспомнить прагматические возможности слова в гипнозе!

Представленные рассуждения позволяют с биопсихической точки зрения укрепить билатеральную теорию знака. Уже на начальной (сигнальной) стадии семиозиса знак-сигнал предстаёт двуликим феноменом, обладающим в бытийном мире (как и все остальные явления действительности) своим собственным лицом, то есть первичной материальной плотью; обратной же стороной медали, связанной с «функциональным бытием» знака, его скрытым ликом, выступает значение. Билатеральность знака, как видим, обусловлена единством физиологических и психических механизмов в условнорефлекторной деятельности человека.

Последний штрих в создании динамической картины лингвосемиозиса призван вывести билатеральные категории вербального знака из-под давления биопсихических категорий. Еще С.Л. Рубинштейн признавал, что отождествление понятий «физиологическое», «объективное» и «материальное» создаёт дополнительные труднопреодолимые противоречия [Рубинштейн 1957: 41]. По его убеждению, эти понятия не взаимозаменяемы. *Физиологическое* – всё то, что относится к жизнедеятельности организма. *Объективное* – относящееся к объекту; предметный, реальный мир, не зависимый от природы и интересов субъекта. *Материальное* – вещное, телесное. Для понимания сущности знакообразования важно различать данные категории, но различать и их взаимосвязи. Физиологическое относится к процессам «естественного» знакообразования, объективное – к отражаемой реальной действительности, а материальное – к устройству языкового знака.

То же относится и к понятиям «психическое», «субъективное» и «идеальное». *Психическое* – само отношение образа к отражаемому предмету, и в этом плане в устройстве языкового знака оно противопоставляется физическому, телесному. *Идеальное* – это образ предмета знакообозначения, образ мира. *Субъективное* – всё то, что относится к объективации в языковом знаке психического состояния субъекта и зависит от него. При этом субъективные категории содержания языкового знака следует отличать от личностных. Субъектом познания на его высшей, обобщающей стадии может выступать этноязыковое сообщество в целом. Последние три категории непосредственно характеризуют «функциональное бытие» знака – его *семантику*, составляющими которой являются смысл и значение знака. С м ы с л – категория субъективно-объективная, поскольку это всегда смысл номинируемого предмета для субъекта. В свете изложенного выше смысл знака развивается в направлении от биологического – к сознательному. Такой путь и способ развития смысла обуславливаются формированием значений. По Л.С. Выготскому, «значение

есть категория общественного сознания, есть категория принципиально-языковая; значение, следовательно, объективно и устойчиво; оно отношение предмета не к индивиду, но к коллективу, отражает устойчивое в предмете и устойчивое в общественной потребности субъекта» [Леонтьев 1994: 209]. Смысл открывает путь к значению и заканчивает его: *смысл – значение – смысл*. Смысл кристаллизует в себе схемы предметной деятельности, поэтому принадлежит не предмету, а деятельности. Поэтому на первой стадии формирования значения смысл входит в значение, точнее, в семантическую структуру знака в виде минимальных смысловых элементов – сем.

Значение принадлежит предмету. Отсюда термин *значение предмета*, или, чаще, *предметное значение*. Значение предмета представлено теми свойствами, которыми предмет открыт субъекту. Однако предметное значение – ещё не значение языкового знака. Значение языкового знака формируется в соответствии с необходимостью языка (как семиотической системы) выполнять своё предназначение. Первый камень в фундамент значения языкового знака кладётся в связи с индикацией (дейктическая функция), второй – в связи с номинацией (предметной отнесённостью), все последующие выстраивают когнитивно-прагматический фасад, обращённый к внешнему и внутреннему миру человека – его сознанию. По образному определению Л.С. Выготского, «сознание отображает себя в слове, как солнце в малой капле воды». И далее: «Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания» [Выготский 1982: 17]. Когнитивно-прагматические функции языка закладывают в значении языкового знака денотативные, сигнификативные и коннотативные смыслы. Истинным знаком слово становится лишь тогда, когда завершаются, по крайней мере, два знакообразующих процесса: (а) когда интериоризация (вращивание) предметного смысла приводит к полной эмансипации словесного знака от номинируемого предмета и формированию значения; (б) когда происходит высвобождение значения из словесного плена во внутренней речи. Таков путь формирования значения языкового знака.

Однако когнитивно-семиологичкое развитие знака на этом не заканчивается. Значение языкового знака как форма «идеального присвоения» человеком его предметной деятельности – сущность операциональная, служащая смысловому обогащению означаемого знака. Смысл, таким образом, интенционален. Признаки операциональности/интенциональности отражают суть сопоставляемых категорий: смысл – интенция мышления, а значение операционально, поскольку операция – результат знания, которое существует в форме значений. Смысловые приращения языкового знака связаны с субъектом познания (как с индивидуумом, так и с этнокультурным сообществом в целом), с его отношением к значению и с этноязыковыми особенностями дискурсивного мышления.

Немаловажную роль при этом играют чувства и эмоции. Опираясь на исследования многих поколений отечественных психологов [см.: Леонтьев 2001: 280 и сл.], можно сказать, что чувства для смысла то же, что понятия для значений.

На этом этапе семиозиса происходит раздвоение в едином знакообразовательном процессе: в связи с необходимостью объективации значения и смысла возникают языковые и речевые знаки. При этом следует особо подчеркнуть: взаимодействие значения и смысла представляет собой не простое «переливание» социально обусловленных значений в личностные смыслы субъекта познания и наоборот. Этот процесс поистине диалектичен: а) в дискурсивной деятельности общественно выработанные (и поэтому объективные) значения обогащаются уникальными субъективными смыслами; б) в том же речемыслительном акте личностный смысл, входя в значение, возвышается до объективного и общественного [ср.: Леонтьев 1999: 71 и далее]. В первом случае языковое мышление нуждается в знаках языка, а во втором уже речемыслительная деятельность – в знаках речи.

4.5. Знаки языка и знаки речи

Действительно, если теориями разграничения единиц языка и единиц речи доказано, что вторые реализуют (объективируют) первые, то было бы вполне логично рассмотреть и наше предположение о диалектическом сосуществовании знаков языка и знаков речи. Знаки языка – идеальные сущности, знаки речи – сущности материальные (физические). Последние материальны в том смысле, что их планом выражения служит звуковая, то есть физическая, субстанция. Однако при этом не следует забывать, что они имеют не только план выражения, но и план содержания, поскольку являются носителями определённого смысла, соотносимого со значением языкового знака [см.: Алефиренко 2005а: 69]. Это предполагает диалектическое (противоречивое) взаимодействие знаков языка и знаков речи.

Диалектика здесь такова: (1) эталонный знак языка конституирует план выражения речевых знаков, а (2) некоторое множество материальных знаков речи служит материалом для формирования инварианта – образцового эталонного знака (языка). Без знаков языка невозможны знаки речи, и наоборот. Такой подход создаёт новый стимул для развития лингвосомиотики, в частности, открывает возможности для создания в её рамках когнитивно-семиологической теории лингвосомиозиса, рассматривающей когнитивные, семиотические и прагматические свойства знака как своего рода синергетическую амальгаму. Без последовательного различения знаков языка и знаков речи невозможно объяснить, как язык в процессе познания выполняет когнитивную функцию – объективирует в сознании человека то, что ему уже каким-то образом известно. Не случайно психологи и философы связи с этим неустанно утверждают, что

знак – прежде всего понятие гносеологическое. Лингвисты же акцентируют внимание на коммуникативном предназначении языковых знаков, поскольку они служат средством передачи сообщений. Противоречие снимается разграничением знаков языка и знаков речи. На самом деле, когнитивную функцию выполняют знаки языка, а коммуникативную и прагматическую – знаки речи. Причём функциональное предназначение одного служит условием выполнения «функциональных обязанностей» другого. Действительно, прежде чем сообщение передать (используя определённую комбинаторику *речевых* знаков), необходимо закодировать соответствующую информацию в общественном сознании, то есть при помощи знаков *языка* её обработать, преобразовать и превратить в знание. При этом репрезентация языковых знаков знаками речевыми – процесс далеко не механический. Дискурсивные задачи, стоящие перед общающимися, требуют дополнительной обработки информации как со стороны её отправителя, так и со стороны получателя. Речевые знаки располагают для этого необходимым **интерпретационным механизмом** (ср. набоковские знакоупотребления). Всякая дискурсивная интерпретация языкового знака опирается на опыт, а «знаковость сущности есть функция, аргументом которой является опыт» [Кравченко 2001: 85]. Вспомним, понятие знаковой и н т е р п р е т а н т ы в семиотику ввёл Ч.С. Пирс, под которым он понимал то, что объясняет знак или переводит его в иное измерение. Ч. Моррис попытался выделить прагматическую составляющую интерпретанты – способность знака производить определённый эффект, воздействовать на интерпретатора. В. Дресслер прагматику языкового знака связывает с его интерпретантой, тем в его содержании, что указывает на способ представления значения в знаке. Якобсон же, по сути, приравнивает данное понятие к значению и выделяет две разновидности интерпретант: одна связывает знак с системой знаков, другая — с контекстом его использования. Е.С. Кубрякова, опираясь на якобсоновскую концепцию знака, предлагает интерпретанту и языковое значение разграничивать. Она полагает, что можно выделить целую серию интерпретант, с помощью которых можно было бы показать, каким способом в нашем сознании представлены разные аспекты языкового значения – когнитивный, концептуальный, прагматический, эмотивный и экспрессивный. Если следовать этой логике, то значение языкового знака окажется формой существования сознания, а интерпретанта – способом взаимодействия означаемого и означающего языкового знака. При этом важно не выпускать из виду, по крайней мере, два момента: (а) что такое взаимодействие определяется диалектикой взаимоотношения объекта познания и субъекта речемыслительной деятельности и (б) что данное взаимодействие опосредовано. Роль такого посредника выполняет открытая в XIX веке внутренняя форма языка (В. фон Гумбольдт) и слова (А.А. Потебня).

4.6. Внутренняя форма и значение словесного знака

В наиболее простом виде внутреннюю форму слова формирует признак, положенный в основу наименования и отражающий *первоначальное* понимание (восприятие, видение) обозначаемого предмета. Роль такого посредника выполняет открытая в XIX веке внутренняя форма языка (В. фон Гумбольдт) и слова (А.А. Потебня). Внутренняя форма показывает, как и каким способом в нашем сознании представлено значение слова [см.: Алефиренко 2004: 70]. И в этом плане внутренняя форма слова связана с наиболее близким этимологическим его значением и является «отношением содержания мысли к сознанию», т. е. представлением, сущность которого состоит в том, что оно объективирует чувственный образ и обуславливает его осознание. Ср.: рус. *ухажёр, волокита, донжуан, юбочник*. Обычно говорят, что внутренняя форма выступает способом интерпретации значения (однако не всегда указывают, при помощи каких средств). Таким средством, на наш взгляд, выступает мотивационный признак производного слова, который актуализируется или его морфемной структурой, или ассоциативно-смысловыми связями производного значения с исходным. Ср.: *поварёшка* < варить, *черпак* < черпать. Устранение диалектического противоречия между чувственным образом и абстрактным значением служит интерпретантой и источником знакообразующей энергии речемыслительной деятельности.

Интерпретанта, составляя сущность внутренней формы знака, выступает способом знаковой репрезентации значения в речемыслительной деятельности как уже готовой единицы. Внутренняя форма, представляя нашему сознанию связь между языковым знаком и объектом знакообозначения, служит смыслогенерирующим источником в процессах формирования значения [см. подробнее: Алефиренко 2004: 79]. Связь между знаком и обозначаемым объектом нередко определяет этноязыковую специфику сознания. Благодаря этому одна и та же внутренняя форма может служить даже в родственных языках маркером для разных знакообозначений. Ср. внутреннюю форму «соль» в рус. *рассол* – ‘солёная вода для засолки овощей, рыбы и т. п.’, чеш. *rosol* – ‘желе’ и польск. *rosół* – ‘бульон’. Поскольку образные признаки отображают *осмысленные* свойства номинируемых предметов и являются непосредственными участниками семиозиса, они становятся элементами значения. Поэтому внутренняя форма – категория языковой семантики, а интерпретанта знака – категория когнитивная, связанная с кодированием и декодированием информации, её преобразованием в знание, пониманием и использованием знака в когнитивно-дискурсивной деятельности. Поскольку же и интерпретанта, и внутренняя форма принадлежат языковому знаку, то сам знак, по А.Ф. Лосеву, «есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» [Лосев 1982: 96]. Это объясняется тем, что языковое мышление является (а) пониманием самого мыслительного процесса, (б) своеобразным его преломлением сквозь призму

предыдущего опыта, зафиксированного в языковых знаках. А это, в свою очередь, предполагает, что любой языковой знак «существует исключительно как единица определённой семиотической системы» [Кубрякова 2004: 503], что вне такой системы нет знака [Степанов 1976: 81], как нет его и без интерпретатора. Системный характер и интерпретанта языкового знака обеспечивают ему когнитивно-семиологическую свободу, на что обращал внимание А.Ф. Лосев: «Всякий языковой знак, отражающий ту или иную систему отношений в обозначаемом им предмете, пользуется этим отражением свободно, произвольно и уже независимо от объективной истинности отражённой в нем предметной системы отношений, равно как и от самого мышления, актом которого является знак языка» [Лосев 1982: 95]. Этим свойством обладают, в отличие от иных семиотических систем, только языковые знаки. Заканчивая свой фундаментальный труд и возвращаясь к определению знака с тем, вероятно, чтобы учесть весь существующий семиотический опыт, Е.С. Кубрякова пишет: «Знак – это нечто воспринимаемое, образующее тело знака и представляющее в языковом коллективе как сообществе интерпретаторов некое содержание, которое заменяет означаемое или обозначаемое в языковых или метаязыковых операциях...» [Кубрякова 2004: 503-504]. Как видим, здесь определяется знак в широком его понимании. Автор, как можно предположить, сознательно в начале дефиниции не использует словосочетание «языковой знак». Иначе возник бы вопрос, каким образом материальный (физический) объект, которым является «тело знака», становится фактом языка – феномена идеального. С другой стороны, чтобы служить сообществу интерпретаторов при порождении и восприятии сообщения, знак должен быть воспринимаемым. Всё это ещё раз возвращает нас к необходимости разграничения знаков языка и знаков речи. Их специфика обуславливается тем, что, как утверждает В.А. Виноградов, система языка ориентирована на символизацию, а дискурс (в его понимании – *речь, примечание мое* – Н.А.) – на иконичность [Виноградов 1991: 243]. Только опираясь на данные факторы, можно выявить своеобразие языковых и речевых знаков в контексте их возникновения. К этому побуждает сама Е.С. Кубрякова: «Возникая в акте семиозиса, знаки приобретают в этом акте своё строение и своё внутреннее устройство» [Кубрякова 2004: 502]. Сущность знакообразования состоит в семасиологизации (И.А. Бодуэн де Куртенэ), означивании (Э. Бенвенист) и преобразовании звуко сочетаний в социально обусловленные средства речемыслительной деятельности. С точки зрения когнитивной лингвистики знакообразование представляет собой процесс превращения предметов реальной действительности в знаки, отображающие историко-культурный опыт данного этноязыкового сообщества. Наименование предметов звуко символами, таким образом, является одновременно и осмыслением этих предметов, овладение ими не только материально, но и «идеологически» (В.И. Абаев). Иными словами, словесный знак одновременно является и коммуникативной, и когнитивной

единицей, поскольку фиксирует и имплицитно хранит формы «перевода» фактов внешнего и внутреннего мира в мыслительные категории. Тип и характер таких категорий соответствует этапам и уровням познания.

Прежде всего, отметим, что план выражения знака языка и знака речи – не одно и то же. Планом выражения *знака речи* служит некая экспонентная структура, иными словами, реально произносимый и воспринимаемый звуковой или графический комплекс. Планом выражения *знака языка* выступает акустический (звуковой) образ того звукоряда, который соотносится с предметом именованя.

1. План содержания и языкового, и речевого знака – сущность, разумеется, идеальная. Однако и здесь имеются различия. Если планом содержания знака языка является представление (понятие) о серийном, типовом и обобщённом предмете номинации, то планом содержания знака речи выступает выделенный из того или иного класса, типа, разряда конкретный предмет, о котором идёт речь в сообщении. Ср.: 1) *Книга – источник знаний* и 2) *«Дети капитана Гранта» – моя любимая в детстве книга*.

2. Основная функция *знаков языка* – обслуживать отражательные процессы и мыслительную деятельность человека (фиксировать, обобщать, дифференцировать, выделять, интерпретировать получаемую информацию). Основная функция *знаков речи* репрезентативная – быть средством манифестации и обозначения нужного в данном акте общения предмета, средством идентификации и узнавания обозначаемых предметов или явлений.

3. Различия в устройстве также обуславливаются идеальным статусом знаков языка и материально-идеальной природой знаков речи. Элементами *языкового знака* являются обобщённый образ предмета (денотат), сигнификат и акустический образ. Составляющими *знака речи* выступают их реальные корреляты: предмет номинации, дискурсивный смысл (предметное значение) и экспонентная структура речевого знака (звукоряд).

4. Облигаторным свойством любого знака является его значение. Однако и здесь между знаками языка и речи имеются некоторые различия. Их можно обозначить достаточно банально: значение языкового знака – языковое, а значение знака речи – речевое. Но за банальностью формулировок скрывается существенное различие. Оно в понимании сущности этих значений. На самом деле, что такое значение языковое и что такое значение речевое? Собственно значением мы называем лишь содержание языкового знака. Речевой знак обладает смысловым содержанием. Значение – стабильная часть семантики знака, связанная с отражением социально значимого опыта данного этноязыкового общества. Смысл – категория личностная и поэтому вариативная, переменная часть семантики знака, связанная с дискурсивной интерпретацией и актуализацией одного из аспектов языкового значения. Смысл, таким образом, является контекстуально обусловленной единицей

семантики (контекст может быть речевым, ситуативным – подробнее см.: [Алефиренко 2005а: 69]).

5. Благодаря наличию в языковом знаке интерпретанты, он, как правило, многозначен. Полисемия – универсальное свойство знаков языка, поэтому для актуализации нужного в данном речевом акте лексико-семантического варианта необходим соответствующий контекст. Речевые знаки всегда одноклапны, поскольку лишены множественных интерпретаций.

6. Знаки языка и знаки речи связаны и генетическими различиями: языковые знаки первичны, поскольку ими обладают люди непреднамеренно, естественным путём, речевые знаки вторичны, поскольку создаются на базе знаков языка и горят, так сказать, «отражённым светом» [Шафф 1963: 201]. Что же касается свойства замещать, то если знаки языка являются заместителями предметов, то знаки речи замещают в нашем сознании не только номинируемые предметы, но и соотносимые с ними знаки языка.

Итак, как показало исследование, основным фактором вербального знакообразования является синергетика языка, сознания и мышления [Алефиренко 2005: 8-25]. Прежде всего, следует отметить: сознание невозможно без мышления, а высшие формы мышления невозможны без содействия языка (С.Д. Кацнельсон). Механизмы такого «содействия» находятся в знаковости языка. Без языковых знаков не может состояться актуализация знаний в мышлении. Без знаков речи немислимо общение, если под таковым понимать кодирование и декодирование информации. Да и сама «память сознания», «кладовая знаний», хранение знаний в сознании невозможны без участия языковых знаков. Это объясняется процессом накопления и упорядочения знаний, сведением их в такие когнитивные структуры, которые, собственно, и обеспечивают их хранение в этноязыковом сознании [Алефиренко 2005а: 87]. Именно когнитивные структуры для своей объективации стимулируют процессы «свёртывания» речи, превращения её во внутреннюю речь, а затем в речь «потенциальную», что, в конечном итоге, индуцирует образование языковых знаков.

Значимость языковых знаков для нашего сознания определяется, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, тем, что в процессе знакообразования происходит накопление и обновление когнитивных структур. Во-вторых, тем, что языковые знаки снабжают механизмы сознания семиотическими средствами элементарного мышления. Это двусторонний процесс. «Развёртывания» элементов сознания и «свёртывания» продуктов речи без знаковой системы не осуществимы. Развитие речемыслительной деятельности не только создаёт внешние семиотические структуры для репрезентации мыслительного содержания, но в единстве с процессами выработки и упорядочения знаний стимулирует возникновение необходимых промежуточных звеньев и

механизмов (так называемые «внутреннюю» и «потенциальную» речь), без которых немыслимо не только общение, обмен мыслями, но и само сознание. Следовательно, знаковая подсистема языка служит не просто придатком к сознанию, позволяющим оформлять конечные фабрики мышления – когнитивные структуры, «упаковывая» их в языковые формы, но и непосредственным средством формирования сознания. Не остаются в стороне от этого процесса и речевые знаки. Они вызывают в сознании такие структурные изменения, которые делают сознание более совершенным, порождая при этом новые языковые знаки, прежде всего знаки вторичной (метафоры) и косвенно-производной номинации (фразеологизмы). Всё это позволяет представлять структуру языкового знака не монолатерально (знак – это означающее) и не билатерально (знак – единство означающего и означаемого), а как триединство *означающего* (звуковой или графической структуры), *внутренней формы* и *означаемого*.

4.7. О природе и сущности концепта

Вопрос о природе и сущности концепта в европейской науке не нов. К нему обращались уже учёные средних веков, среди которых выделяются своей фундаментальностью труды П. Абеляра. Позже концепт становится важной категорией в работах Дж. Вико, Й. Хёйзинги, Р. Павилёниса, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, В. Дильтея, А. Бергсона, Г. Зиммеля, М. Хайдеггера, Х. Ортега-и-Гассета и др. Поиски сущности концепта всегда велись на фоне разграничения разных когнитивных дисциплин.

Прежде всего не следует смешивать когнитивную психологию с когнитивной лингвистикой ещё и потому, что, в отличие от «чистой» логики, лингвокогнитивистика, как и другие гуманитарные науки, не может развиваться под сенью идеалов объективности формализованного знания [Микешина 2002: 499]. Однако поскольку лингвокогнитивистика – наука, она не может обходиться без принципов научного познания мира. Как же быть? Видимо, предположим, есть иные, не формализованные, «бастионы» научности, где «определённая доля методологизма и аналитики успешно сочетается с *нарративностью*, *«рассказом»* как *свободным размышлением*, и происходит это *на пересечении различных «горизонтов» культуры, науки и искусства* [Микешина 2002: 500]. Для лингвокультурологии такой подход вполне естествен, так как, по утверждению П. Рикёра, «бытие в мире, с точки зрения нарративности, это бытие в мире, уже маркированном языковой практикой, связанной с этим предпониманием» [Рикёр 1995].

Необходимость комбинаторного подхода к объектам лингвокогнитивистики, при котором органически сочетаются нарративность, художественное мышление и элементы глубокого методологического анализа, обуславливается потребностью лингвокогнитивистики в неопределённом дискурсивно-мыслительном пространстве: между *строгой*

научностью и вольной фантазией. Они не могут существовать друг без друга. Первая сама по себе ущербна в силу своей отвлечённости, а также по причине заключённого в ней методологического «насилия» над продуктами дискурсивного познания. Вторая – абсолютно ничем не ограниченное воображение – в чистом виде также пагубна, так как выходит за рамки научного познания. Пожалуй, идеальным образцом гармоничного сочетания этих двух подходов в когнитивной лингвистике может служить знаменитая «Осень средневековья» Й. Хёйзинги, содержащая в себе наряду с элементами глубокого методологического анализа стилистику «рассказа», поэзии. И это при том, что сам Хёйзинга не был сторонником «беллетризованной науки». И всё же его стремление к свободному и творческому мышлению может служить для лингвокогнитивистики и лингвокультурологии неким образцом взаимодополняемости науки и нарратива. И это, надо отметить, не единственный пример.

Другой классический образец – книга известного немецкого филолога Э. Ауэрбаха «Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе». В ней автор успешно развивает заложенную Хёйзингой традицию гармонизировать научное и нарративное знание. Надо сказать, такого рода стиль научного изложения был характерен для исследователей XIX века (А. Штейнталь, В. фон Гумбольдт, А.А. Потенция, молодой Ф.И. Буслаев и др.).

Как справедливо отмечают философы (С.Ю. Неретина, Л.А. Микешина и др.), сама природа гуманитарного знания предполагает особого рода «культурологическую» методологию, предполагающую многообразие «языковых игр» с обязательным включением нарративных элементов. Примечательно, что в такой методологии не совсем обычны и сами понятийные средства. Это – не логические понятия, а своего рода «понятия-ключи» (Э. Ауэрбах), не абстрактные или взятые по аналогии, а скорее конкретно-образные и точно не определяющие, но схватывающие своеобразие предмета или события. Такие обыденные понятия близки к современным культурным «концептам», способным актуализироваться в различных «контекстах». Интерпретируя подобные «концепты», можно понять не только своеобразие времени, но и «целое» – концептуальный смысл культуры. Действительно, Ауэрбаху близки концепты как «словообразы», не «высыхающие» до абстрактных понятий, но обогащающиеся оттенками главного смысла в живом, не «теоретизированном» повествовании. Не случайно концепт по «полноте своей конкретности» близок «научному рассказу». Такие концепты встречаются также у Вико (Поэтические мудрость, метафизика, логика; Основания, Законы, Права Народов и др.) и у Хёйзинги (жизнь, рыцарская идея, подвиг, идеал, образ, слово и др.). Их научный опыт нельзя игнорировать. К такому пониманию концептов как адекватной или наиболее подходящей формы гуманитарного знания как раз и стремится когнитивная лингвистика.

Лингвофилософское истолкование концепта

В современной логике, методологии, истории философии и культурологии активно возрождается интерес к понятию «концепт», анализируется его содержание и функции в познании, языке и культуре. По предположению Л.А. Микешиной, для философии познания этот термин становится необходимым по нескольким причинам:

- теория познания не ограничивается лишь одним предельно абстрактным подходом к действительности, в котором преобладают термины «категория» и «понятие»;
- она стремится выйти за рамки только лишь научного и особенно естественнонаучного знания, где применяются строго определяемые и формализованные понятия;
- современная гносеология в качестве предмета изучения использует также и личностное неявное знание, веру, до- и вненаучное, художественное.

Другими словами, когнитивистика вообще, и лингвокогнитивистика в частности, не исключает из поля своего зрения *знание как рассказ*, где терминообозначение *концепт* наиболее органично.

Основные векторы современного исследования феномена «концепт»

В философии последних десятилетий существовал некоторый опыт экспликации и применения понятия «концепт». Так, в 1970–80-х годах Р. Павилёнис, понимая концепт как смысл, т. е. способ задания объекта в мысли, отмечает, что усвоить смысл – значит построить некоторую структуру из уже существующих концептов, используемых в качестве интерпретаторов. Такое понимание концепта предстаёт как интерпретация в определённой концептуальной системе носителя естественного языка – системе мнений и знаний о мире, отражающих его актуальный познавательный опыт. В целом подход Р. Павилёниса – это поиск ответа на вопросы, как возможно усвоение и понимание языка, какую роль он играет в построении концептуальной картины объективной действительности, каково значение индивидуальной концептуальной системы. Однако, при всём внимании к работам Р. Павилёниса, «концепт» и «концептуальная система» не были использованы методологами, поскольку в эти годы в отечественной философии и методологии, по-видимому, не существовала явная потребность в таких терминах или они использовались в иных, формализованных значениях.

В 1990-е годы концепт начал более активно входить в оборот в различных гуманитарных текстах, и представление о нём существенно обогатилось при обращении к историко-философской традиции. Как показала С.С. Неретина, исследовавшая концептуализм П. Абеляра, термин *концепт* в его «Логике» имеет значение «схватывания»

единичного и многообразного в осуществляемом «душой» акте познания. Соответственно, универсальное предстаёт в нём как «полнота конкретности», что существенно отличает концепт от понятия, и прежде всего потому, что его целостность предполагает соотношение с «душой слушателя». «Концепт предельно субъектен», формируется речью «в пространстве души», в общении, синтезируя такие способности души, как память, воображение и суждение, в то время как «понятие есть объективное идеальное единство различных моментов предмета и связано со знаковыми и значимыми структурами языка, выполняющего функции становления мысли, *независимо от общения*» [Неретина 1999: 29]. «Недооцененный» в истории философии концептуализм уже нашёл способ и, соответственно, термин, не отбрасывающий единичное, конкретное, индивидное, но выражающий их в «спаянности» с общим, универсальным. При этом, по мнению С.С. Неретиной, в концепте, как он понимается Абеляром, уже просвечивает отношение с Другим и образование особой сущности «между» в речевом диалоге «душ».

Существенным продвижением в освоении и применении термина *концепт*, вхождении его в культурологические и гуманитарные тексты станет, безусловно, словарь концептов русской культуры – фундаментальная работа, осуществлённая в последние годы Ю.С. Степановым. Всей работе предпослана содержательная экспликация концепта, выявляющая позиции автора, для которого базовые концепты существуют «над индивидуальными употреблениями» и способ их «суммирования» в определении является генетическим. Моменты историзма, темпоральных характеристик концепта, а также его локальной определённости в культуре становятся важнейшими параметрами этого феномена. Однако культурно-исторический подход приводит Ю.С. Степанова к значительному расширению термина «концепт». Введённое понятие «концептуализированной предметной области» в языке и культуре предполагает уже объединение в одном общем представлении – «культурном концепте» не только слов, мифологем, но также ритуалов, вещей и материальных предметов, в том случае, если они несут духовный смысл и выступают в роли символов [Степанов 1997].

Всё чаще термин *концепт* используется в лингвокогнитивистике, где он необходим для исследования закономерностей языковой концептуализации внешнего мира. Размышляя о «феномене А. Вежбицкой», одного из ведущих специалистов в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, Е. Падучева отмечает, что её исследование по теории метаязыка и этнограмматике осуществлены на стыке с психологией культуры, культурологией, наукой о познании. Она исходит из того, что нельзя описать «мир как он есть» на естественном языке, так как последний изначально задаёт свою картину мира, а все значения являются субъективными, антропоцентричными и этноцентричными. В книге «Язык. Культура. Познание», в значительной мере посвящённой русскому

языку, его национальным особенностям, Вежбицкая, осуществляя сопоставление этнографически специфичных концептов, обосновывает, что та или иная концептуализация внешнего мира заложена в языке. В нём отражаются не только особенности природных условий или культуры, но и своеобразии национального характера его носителей – например, в русском языке необычайно подробно разработано семантическое поле эмоций. Конкретным концептам Вежбицкая посвятила специальную статью «Концептуальные основы психологии культуры» [Вежбицкая 1996: 376].

В последнее время на основе её идей О. Корнилов предложил своё понимание отношения концептов научной картины мира и языковой картины мира, принципиально отличающихся нетождественностью объектов и субъектов отражения, а также характером соотносённости каждой из проекций внешнего мира с самим этим миром. Интересно, что концепт НКМ всегда меньше объективного мира, стремится к совпадению с ним, постоянно изменяется с ростом научного знания; концепт языковой картины мира не стремится к тождественности с объективным миром, находится в отношении частичного пересечения и «достраивает» его с помощью мифических и субъективно-оценочных категорий, становясь больше самого отражаемого мира. Совокупность концептов образует языковую картину мира национального языка, а совокупность прототипов этих концептов – национальный образ мира, что даёт основание для введения нового концепта – национальная языковая картина мира.

Серьёзным методологическим обоснованием применения концептов, экспликации их содержания, выявления, что несколько неожиданно, прикладных аспектов стали исследования по «концептологии» (С. Ляпин), изучение природы математического концепта и его категориальной структуры (О. Скидан), характеристик языковых концептов, в частности, «субкатегориального кластера темпоральности». Не обходится без этого конструкта и такая фундаментальная наука, как когнитивная психология, где концепт предстаёт в качестве знания об объектах, их организации в семантической сети; оно выражается с помощью структуры «предикат – аргумент», являющейся общей формой выражения знаний при вербальной передаче. По мнению известного французского психолога Ж. Ришара, концепт – это базовая когнитивная сущность, позволяющая связывать смысл со словом, которое мы употребляем, он, по существу, выполняет функцию категоризации путем разграничения классов и определения связи между ними. Существуют различные точки зрения на эти операции, что и породило различные концепции. В частности, классическая точка зрения определяет класс через совокупность свойств, и эта дефиниция задаёт концепт; концепты, в свою очередь, задают иерархию по количеству и значимости свойств. В таком случае организация знаний в памяти может быть выражена семантической сетью. Однако

практически невозможно дать точное определение естественных категорий, выраженных в терминах свойств, поэтому предложен другой подход – с позиции понятия типичности и прототипов, которые служат для размежевания классов, в том числе на основе идеи Витгенштейна о «семейном сходстве». Идущие между этими подходами дискуссии прежде всего свидетельствуют об их несовершенстве. Для использования в философских когнитивных текстах они недостаточно аналитичны, а сам термин «концепт» применяется для обозначения только объектов-предметов, но не ситуаций, событий или действий, что требует дополнительных обозначений.

Сегодня существуют и более зрелые представления о концептах. В частности, в когнитивных науках «концепт» – это термин, обозначающий единицу ментальных ресурсов сознания и информационной структуры, отражающий знание и опыт человека. Это – оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, а также всей картины мира, отражённой в человеческой психике. Наконец, это представления индивида о смыслах, «кванты» знания, возникающие при построении информации, как об объективном положении дел в мире, так и о воображаемых мирах. В целом концепты – это «интерпретаторы смыслов», форма обработки субъективного опыта путём подведения его под определённые категории и классы, основная единица хранения и передачи информации, достаточно гибкая и изменяющаяся с ростом знания. Общечеловеческие, универсальные концепты специфически группируются и вербализуются в разных языках в зависимости от лингвистических, прагматических и культурологических факторов. Концепты организуются также в иерархические, часто ассоциативные семантические сети, как это представлено, например, в одной из моделей хранения знаний в памяти человека. Таким образом, например, термин «концепт» эксплицируется в словарной статье одного из первых словарей когнитивных терминов.

Возвращаясь к собственно философским текстам, хочу отметить, что здесь также существует, хотя часто и имплицитно, опыт применения концептов. И это касается не только истории философии, но и современных исследований. В частности, в литературе уже обсуждалось применение концепта (в интерпретации переводчика) Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в книге «Что такое философия?», где самими авторами, как полагает критически оценивающая их подход С. Неретина, понятие и концепт чётко не различаются [Неретина 1999: 30-34]. В фундаментальной работе Ж. Делёза «Различие и повторение» не просто различаются понятия и концепты, но исследуются разные порядки общности – подобие и равенство, принципиальное несовпадение повторения и общности, три случая так называемой «естественной блокировки» – номинальные концепты, понятия природы, понятия свободы. Для понимания природы и различия концептов и понятий естественнонаучного или гуманитарно-философского

знания представляется значимым следовать идеям Ж. Делёза о том, что различие между повторением и общностью имеет сущностный характер, что общность представлена качественным классом подобного и количественным классом равноценного, что общность как общность частного противопоставлена повторению как универсальности особенного и «произведение искусства повторяют как непонятнейшее особенное». Соответственно, «язык науки, где преобладает символ равенства и каждый термин может быть заменён другим, и лирический язык, каждый незаменимый термин которого может быть лишь повторён» [Делёз, 1998: 14], тем самым чётко различаются. И дело здесь не только в разных типах знания – научном и художественном, но, по сути, и в фундаментальном различии способов образования и природы понятия и концепта, для которого «повторение выступает как логос единичного, особенного». И это различие в характере общности ещё более подчёркивается Ж. Делёзом далее: «Существует очень большая разница между общностью, всегда означающей логическую силу понятия, и повторением, свидетельствующим о его бессилии или реальном пределе» [там же]. Итак, не во всех случаях мы можем пользоваться понятием и логической общностью; потребность в концепте, опирающемся на повторение, особенно существенна там, где имеется «частный мыслитель», где объект наделён сознанием, где не может быть простого обобщения индивида как «экземпляра» по законам логики Аристотеля.

Этот короткий и, разумеется, весьма неполный экскурс в существующие исследования о концепте убеждает, тем не менее, в том, что феномен, именуемый «концепт», имеет богатую предысторию, в определённой степени эксплицирован в топологически различных текстах и сегодня становится всё более значимым в многообразных областях знания. Вместе с тем очевидно, что значения, вкладываемые исследователями в термин «концепт», достаточно серьёзно расходятся, а его эвристические возможности используются недостаточно даже там, где исследователь в конструкте такого рода остро нуждается, как, например, в таких областях философии, как герменевтика и философия познания.

Концепт в герменевтическом контексте

Философская герменевтика нуждается в экспликации таких особых терминов, как «пред-знание», «пред-понимание», «пред-рассудок». Их особенность состоит прежде всего в том, что они не оформились как логически определённые и «зрелые» понятия, но выражают интуитивно схватываемые состояния предпосланности в «пространстве души», как бы предшествуют собственно логическим формам – понятиям знания, понимания, рассудка. Столь же приблизительны, достаточно аморфны и другие термины герменевтики, в частности, «традиция», «понимание», «герменевтический круг», «жизнь», «темпоральность жизни», «опыт» и

даже «интерпретация» – термин, принимающий строгую логическую форму только в специальных научных методологиях, в особенности в теоретическом естествознании. Очевидно, что дело здесь не просто в несовершенстве терминологии, но в необходимости выявить и зафиксировать некие феномены, не редуцируемые к строго логическим формам понятий. Это, скорее, когнитивные сущности, предстающие в виде «смыслообразов», сложных структурных образований из гетерогенных элементов, статус и структура содержания которых должны быть специально выяснены. Разумеется, для выяснения природы этих сущностей необходимо использовать не только собственно герменевтические, но и другие средства рефлексии и экспликации. Вместе с тем обращение к герменевтике и её основным феноменам позволяет развить далее само представление о концепте и его структуре (Л.А. Микешина).

Обращение к герменевтическим текстам позволяет обнаружить разнообразные формы такого феномена, как концепт. Так, В. Дильтей, например, предлагал способы герменевтической интерпретации такого явления, как жизнь, разумеется, не как логического понятия, но как особого рода феномена наук о духе и истории (не естествознания!), к которому я с полным правом могу применить термин «концепт». Дильтей дает не логическую, а герменевтическую характеристику понятий как определённого типа «проявлений жизни», что позволяет нетрадиционно осмыслить их особенности.

Каждая жизнь имеет свой собственный смысл, а непосредственным выражением осмысления жизни становится биография, в которой представлено понимание данной конкретной жизни. Дильтей неоднократно ставит проблему «непроницаемости для познания» жизни как экзистенциального феномена, но только в том случае, если применять к ней понятия, принципы и методы естественных наук – специфической методологии, предназначенной для постижения физического, вообще природного мира. Он разрабатывал иные категории, необходимые для методологии наук о духе, стремясь определить наше отношение к жизни через понимание. Такие категории, как значение, ценности, цели, развитие, идеал, имеющие особенное значение, непосредственную связь с пониманием, охватывают и стремятся постичь жизнь как целое. По мнению Л.А. Микешиной, не только Дильтеем, но и Бергсоном, Зиммелем, Хайдеггером, Ортегой-и-Гассетом – всеми «философами жизни» – разрабатывался именно концепт «жизнь» как базовый для наук о культуре, вообще гуманитарного знания, философской антропологии и герменевтики в отличие от естественнонаучного понятия жизни с её физическими и биологическими смыслами и причинно-следственными характеристиками. Проблема «непроницаемости для познания», логических трудностей «понятийного изображения жизни» (Г. Зиммель) остаётся и сегодня, и необходимо искать существенные дополнения к традиционным попыткам

логико-понятийного анализа текстов о жизни, жизнеосуществлении и жизненном мире.

Лингвофилософские дискуссии об устройстве концепта

Всё сказанное выше ставит ещё одну проблему: можно ли говорить о структуре концепта. З.Д. Попова, например, категорически отвергает такую возможность. По её мнению, концепт принципиально не структурируем. Такой подход имеет под собой весомые аргументы: очертания концепта размыты, его компоненты выделяются весьма условно, между ними сложно выявить строгие, закономерные связи и отношения. И всё же вопрос об устройстве концепта такими аргументами не закрыт. Более того, они придают ему ещё больше привлекательности и научной остроты.

Как нам представляется, изучение устройства концепта можно осуществлять по нескольким направлениям:

- соотнести структуру концепта и архитектуру опыта;
- осуществить рефлексию компонентов, от которых «очищались» на пути к *сogito*, чистому сознанию – вообще к Понятию (методическое сомнение Декарта, феноменологическая редукция Гуссерля), т. е. подойти к проблеме выявления структуры концепта как бы «от противоположного»;
- наконец, впрямую сопоставить концепт и понятие.

Идея о соответствии этих структур, а тем более совпадении, безусловно, проблематична, но она должна быть исследована, поскольку любой концепт в той или иной степени укоренён в опыте. Я, как и любой исследователь, сразу сталкиваюсь с тем, что само понятие опыта многозначно и неопределённо и его определение в различных контекстах – самостоятельная проблема. Однако вполне определённо можно констатировать тот факт, что понятие опыта было предельно схематизировано и обеднено внутри рамок «теоретизма», традиционной теории познания наряду с предельно абстрактными, исторически недействительными категориями субъекта, объекта, истины.

Теория опыта, отмечает Гадамер, полностью была ориентирована на науку и потому, как и она, в погоне за объективностью исключала внутреннюю историчность опыта, а также какие-либо параметры, исходящие от эмпирического субъекта. Это вполне обосновано для науки, опыт для неё значим лишь постольку, поскольку он неизменно повторяется и воспроизводится, тем самым как бы «стирая» свою историю. Однако мыслить сущность опыта, как это делает Аристотель, только в перспективе науки или, как это утверждает Гегель, только с точки зрения преодоления всякого опыта, его несовершенства в абсолютном знании – значит, по мнению Гадамера, существенно обеднять его и упрощать.

Гадамер выстраивает своего рода архитектуру опыта, который, по мнению Л.А. Микешинной, может быть определён как герменевтический.

По существу, он стремится преодолеть «недействительное» абстрактное *понятие* опыта, существенно искажающее его природу, критически относится к попыткам выйти на рефлексию опыта объективистскими методами естественных наук, обосновывает необходимость построения особого конструкта «опыт», не совпадающего по объёму с понятием опыта и в «полноте конкретности» преодолевающего присущую наукам идеализацию и внеисторичность опыта. Это и будет *концепт* герменевтического опыта, не сводящийся к всеобщности понятия и науки, но с необходимостью включающий человека, его принципиальную открытость для предания и нового опыта, для коммуникации как диалога «Я» и «Ты», где «Я» осознаёт свою историческую обусловленность и открытость истине другого. Структура этого концепта может соответствовать структуре реального, исторического жизненного опыта.

Вводя «человеческое измерение» в сферу категоризации восприятия, исследователи, полагает Л.А. Микешина, существенно уточняют и обогащают представления о характере допонятийных структур и их роли в формировании понятий и концептов базового уровня. Опыт человека, по Лакоффу, ещё до его концептуального осмысления структурируется на уровне категоризации восприятий, а концепты базового уровня согласуются с доконцептуальной структурой и осмысливаются в её терминах. Можно предположить, что описанные у Гадамера пред-знание и предрассудки, в целом герменевтический опыт и его структуризация в форме концептов могут быть интерпретированы и обогащены с помощью представлений о доконцептуальных структурах, категоризации восприятий и использования метафоры для понимания опыта. В свою очередь, существование допонятийных структур, концептов, метафор в любом тексте объясняет фундаментальную роль понимания и необходимость интерпретации, что и обуславливает значение герменевтики в целом.

Концепт ↔ понятие. По утверждениям Л.А. Микешиной, в современной европейской философии сложилась ситуация, при которой реальный живой процесс человеческого познания полностью заменён достаточно сильными абстракциями, результаты оперирования с которыми безоговорочно экстраполируются на реальный процесс познавательной деятельности (Х. Ортега-и-Гассет). Как совместить абстрактно-понятийную модель познания и конкретно-чувственную природу концепта? Ответы на этот и подобные ему вопросы можно найти в процессе осмысления того, каким способом происходит «очищение» концепта от допонятийных и внепонятийных, чувственных элементов опыта, временных и исторических, а также ценностных – этических и эстетических – параметров. В этом плане значительный вклад в понимание устройства концепта внесли Декарт и Гуссерль. Ими было доказано, что концепты не являются чётко определяемыми, логически строгими понятиями. Более того, они обладают разноплановой структурой и свидетельствуют о том,

что потоки сознания также нуждаются в «нескованной фантазии». Вряд ли возможно феномены потока сознания «отлить в строгие понятия» как некие математические сущности.

Ценность наблюдений Гуссерля состоит в том, что существенно «высвободив» уровни абстрагирования даже внутри самой трансцендентальной сферы, он пришёл к необходимости рассмотреть проблему соотношения концепта и понятия, описания и определения, точности понятия и точности «схватывания», реальности и «фикции». Однако пожалуй, самым важным в его теории является осознание того, что *между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла* (Э. Гуссерль).

Подобные наблюдения трудно переоценить. Они имеют фундаментальную значимость для когнитивной лингвистики. Это, прежде всего, убеждение в том, что «искоренить» концепты и заменить их логически строгими понятиями невозможно в принципе. Спору нет, концепты и понятия должны в лингвокогнитивистике сосуществовать на паритетных началах как взаимодополняющие категории. Действительно, без понятий с их логической строгостью и однозначностью не обойтись ни в науке, ни в обыденном познании. Однако ограничиться одними понятиями – значит отказаться от многих содержательных проблем взаимодействия языка и познания, особенно в тех сферах, где оно обращено к человеку. Прежде всего, речь идёт о тех сферах познания, которые, как и герменевтика, опираются на язык, слова, тексты, феномены культуры.

Нельзя не упомянуть и о другом понимании концепта, тоже тесно связанном с проблемой логической интерпретации отношения «понятие – концепт». Эта точка зрения наиболее последовательно представлена в работах Г.Г. Шпета, среди которых выделяется недавно опубликованная незаконченная рукопись «Язык и смысл». Здесь он вводит термин *концепт*, применяя его к особому рода понятиям, природу которых объясняет следующим образом. Ограниченность логики исключительно анализом понятия приводит, с его точки зрения, к определённом недоразумению. В результате вся логика сводится к «овеществлению» свойств и действий, что, в свою очередь, порождает неразрешимые проблемы, особенно в тех случаях, когда невозможно ограничиться рассуждениями о «вещах», не обладающих сознанием, не являющихся деятельностью человека. При этом допускаются пагубные для когнитивистики упрощения, приводящие к возникновению неких «пустых форм», свойства и закономерности которых не зависят от предметного значения. Такие обыденные понятия, имеющие «чисто внешнюю форму» и только объёмные отношения, Г.Г. Шпет и называет *концептом*.

Итак, концепт, по Шпету, – это некая «пустая форма». К этому определению близок В. Дильтей, использовавший для обозначения концепта метафору *транспорт* – средство транспонирования пустой формы независимо от её содержания.

Таким образом, логико-философские определения концепта опираются на многие из упомянутых выше его свойств и признаков [см.: Прохоров 2009: 18-19]. Ср.:

1. Концепт есть некоторое представление некоторого знания (пред-знания) в его обобщённом виде.

2. Это обобщённое знание в ходе реальной человеческой деятельности как бы «отчуждается» от своего источника и начинает само функционировать как база для создания, развёртывания и обоснования новых знаний.

3. Концепт не имеет чётко фиксированной структуры и чётко фиксированного способа его представления.

4. Концепт реален и виртуален, стабилен и динамичен, имеет ядро и периферию.

5. Концепт – это и миф, и символ, и знак. Концепт – это совокупность мифа, символа и знака. Концепт – это и совокупность некоего числа мифов, некоего числа символов и некоего числа знаков.

Люди, писал Д. Локк, способны делать звуки знаками идей: у людей есть способность пользоваться этими звуками как знаками внутренних представлений и замещать ими идеи своей души так, чтобы люди могли делать известными другим свои идеи и сообщать друг другу свои мысли... Для совершенства языка звукам недостаточно быть знаками идей, если эти знаки не обнимают несколько отдельных вещей; употребление слов было бы затруднено их множеством, если бы каждая отдельная вещь нуждалась для своего обозначения в отдельном имени. Для устранения этого неудобства язык «нашёл выход» для оптимального употребления общих знакообозначений: одно слово стало обозначать множество отдельных концептов – лингвокогнитивную репрезентацию отражённых в нашем сознании предметов и явлений.

Наиболее полно различные воззрения на концепт собраны в работах В.В. Колесова [2002: 275 и далее] и Ю.Е. Прохорова [2009: 20-22].

Приведём наиболее популярные в современной когнитивной лингвистике.

♦ С мистической точки зрения – «ничто, безосновное *око вечности*», которое есть «*начало всего*», «излучение из глубины» (Николай Бердяев).

♦ С богословской точки зрения – это зародыш божественного Логоса, *архетип мысли*, который не задан, а дан как вечная ценность: «сверхвременное начало» божественного Ничто (Николай Лосский), «вечные идеипервообразы всего сотоврённого» (Евгений Трубецкой). Богословское понимание концепта опирается на положение об энергийности божественной благодати как невидимо неуловимой силы, освещающей и освящающей всё сущее (*идея* Фаворского, *светь* у Николая Лосского и Семёна Франка). Это, по мнению В.В. Колесова, уже акт отчаяния

– апелляция к Богу, когда собственных сил для реализации ментальности не хватает.

♦ С семиологической точки зрения «концепт ... представляет собою *«конденсат неоформившихся неустойчивых туманных ассоциаций»*, хотя и дан «как некая целостность», он – всегда есть нечто конкретное, он одновременно историчен и интенционален» (Ролан Барт).

♦ С коммуникативной точки зрения, восходящей к Гумбольдту, концепты *выводятся непосредственно из процессов говорения и понимания*, в конкретном акте речи: это есть *общее мысленное содержание*, присущее всем, и *то, что называют смыслом*.

♦ С лингвистической точки зрения представления о концепте особенно размыты. По Анне Вежбицкой, с лингвистической точки зрения концепт – это *«объект из мира „идеальное», имеющий имя и отражающий определённые культурно-обусловленные представления человека о мире „действительность»*». Недостаток определения в том, что оно приписывает концепт только идеальному миру мысли, *«это владение смыслом слова»* и не более того. Объективность существования концепта отрицается, отсюда не исключены самые разные возможности **конструировать концепты** на основе субъективных представлений о них.

♦ С методологической точки зрения (в духе Гуссерля), «концептивные формы суть формы классификационные», не более (Густав Шпет), а сам концепт — всего лишь *сконструированный абстрактный объект* с определёнными свойствами.

Таким образом, концепт есть исходный смысл, не обретший формы; это сущность, явленная плотью слова в своих содержательных формах: в конструктивных – образе и символе, и в структурной – в понятии.

Из данных определений можно вычленить несколько важных характеристик концепта:

- его объективность,
- национальный характер его проявления,
- долговременность сохранения как признака народной культуры,
- возможность гибкого воспроизведения логических операций сознания в понятии, которое предстаёт каждый раз как новое явление исходной сущности ментальности народа. Кстати, именно ментальность является, пожалуй, самой близкой концепту категорией, о чём неустанно повторяли философы, учёные и писатели. Однако, несмотря на их родство, делаются попытки их разграничения, которое сводится к рационалистической или информационно-энергетической стратегии.

С точки зрения рационалистического подхода: единица менталитета – эпистема; основная единица ментальности – концепт. Как единица ментальности концепт, по мнению В.В. Колесова, постигается герменевтически, через истолкование образцовых текстов. Основанием для такого суждения служит его толкование ментальности как мирозерцания в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее

интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях.

Информационно-энергетическая стратегия исходит из понимания деятельного проявления ментальности как мирозерцания, из предположения, что жизнь духа излучает особую энергию, называемую ноосферой (В.И. Вернадский), пассионарностью (Л.Н. Гумилёв), пневмосферой (П.А. Флоренский), концептосферой (Д.С. Лихачёв) и т. д.

В интерпретации В.В. Колесова, для определения сути и сущности народной ментальности недостаточно опираться на связи народного характера с духовностью. С точки зрения русской этнокультуры, ментальность определяется динамикой национального духа. Внутреннее содержание понятия «народный дух» обуславливается отношением народа к Вечному и Сущему. Согласитесь, в такой интерпретации есть нечто мистическое. Пытаясь поймать истинный смысл слова *ментальность*, В.В. Колесов истолковывает его на уровне народного подсознания как «стремление к сущностным тайнам бытия».

В любом случае, ментальность генетически связана с познанием, что уже само по себе определяет вектор поиска сущности второго, смежного, понятия – «менталитет». Поскольку познание осуществляется не только на рассудочном, но и на чувственном уровне, это позволяет определять природу ментальности и менталитета как производное единого и целостного рассудочно-чувственного познания. Выстраивая цепочку «духовность – ментальность – менталитет», можно тем самым определить сущность её медиального (среднего) звена. Духовность – свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными. Поскольку ментальность – достояние народного духа, она является категорией духовной.

Менталитет учитывает только логические формы мировосприятия. Ментальность – это некий сплав разума и чувства, функциональное единство и «сотрудничество» головы и сердца. Иными словами, ментальность – это единство *духовной* сущности менталитета и *разумной* сущности духовности. Поиск этнокультурного инварианта национальной ментальности – важнейшая задача лингвокультурологии. Осуществляется он в процессе исследования семантики языка и текста, путём сопоставления таких оязыковлённых типовых проявлений нашего жизненного опыта, как национальный характер («дух народа»), идеалы, обычаи, эмоции, убеждения и т. д., представленных совокупностью ключевых (базовых) культурных концептов, образующих концептосферу того или иного этноязыкового сознания.

Иными словами, в семантике языка и текста хранятся некие этнокультурные идеалы – основа национальной ментальности. Человек как род, по словам В.В. Колесова, идеален, и только по этой причине достойна изучения его духовность. Видимо, поэтому «в объёмности трёхмерного мира своего бытия мы ищем следы четвёртого измерения, скрытой от

наших чувств и понятий меры: концептов национальной ментальности» [Колесов 2004].

В заключение списком дадим существующие определения концепта.

▪ Концепт – не понятие, а сущность понятия, смысл, не обретший формы.

▪ Концепт – это сущность, явленная в своих содержательных формах – в образе, в понятии и в символе, свёрнутая точка потенциальных смыслов.

▪ Концепт не имеет формы, ибо он сам и есть внутренняя форма слова, но вне материи: «закруглённые объёмы» (Шпет), «принципиальные значения» (Лосев), «туманное нечто» (Аскольдов), «вневременное содержание» (Франк), «огненное слово» (Евгений Трубецкой) и другие метафоры, ещё не очертившие ментальные границы концепта.

▪ Концепт – это «зерно; зародыш» – своего рода росток первообраза, первосмысл, то, что способно прорасти и словом, и мыслью, и делом.

▪ Концепт – архетип культуры, первосмысл, первообраз, который постоянно возобновляет духовные запасы народной ментальности.

▪ Концепты так же реальны, как реальны элементарные частицы, которых никто не видел, как гены, которые видят опосредованно. Опосредованно мы знаем и концепт, который явлен в своих содержательных формах: в образе, в понятии, в символе.

▪ В образе концепт *про-является*, про-рез-ается, воплощаясь в первую содержательную форму; *об-раз* и *рѣз-атъ* общего корня.

▪ В символе – образном понятии – он обретает законченность форм, соединив в себе чувственный образ и умственный образ.

▪ Понятие – это в буквальном смысле *по-ят-ие* (схватывание разумом) соотношений, объективно существующих между образом и образным понятием (символом). Понятие недолговечно и постоянно изменяется.

▪ Образ концепта субъективно индивидуален.

▪ Символ – достояние народной культуры, а понятие – категория логики – достояние всех вообще людей. В европейской культуре идея «понятие» – новое, известно не ранее XVII в., в русском языке, представление о понятии и сам термин появились в 1730-е гг. До того обходились образом и представлением, а «понятие в слове» называли *разумом слова*.

▪ Понятие есть приближение к концепту, это явленность концепта в виде одной из его содержательных форм.

▪ Концепт – единица когнитивной грамматики, она изучает языковые формы национальной речемысли.

▪ Концепт – и ментальный генотип, атом генной памяти, в разное время по-разному именуемый. Это и архетип, и первообраз.

Всё это обнаруживается во всех базовых концептах национальной ментальности.

4.8. Значение и концепт

В современной когнитивной семантике уже никем не оспаривается тезис о том, что языковой знак является носителем не только значения, но и смысла. Известно, что в процессе общения он способен передавать больший объём информации (а значит, и больше значений), чем его собственно языковое значение. В связи с этим возникает вопрос: как соотносятся структуры знания, моделируемые в сознании человека в ходе познания мира, с языковыми значениями и смыслами, которые эти знания (информацию) представляют?

Из теории познания известен вектор формирования системы знаний об окружающем мире: от чувственного созерцания к абстрактному мышлению. На первом этапе формируются ощущения, восприятия и представления, а на втором – общие понятия, соответствующая конфигурация которых, собственно, и образует систему знаний. Для когнитивной семантики на всех этапах формирования понятия важно различать две стадии: а) выделение в процессе познания предмета (явления) его наиболее существенных свойств и признаков и б) установление между ними закономерных связей и отношений [КФЭ 1994: 355]. Необходимость сосредоточения внимания на этих двух стадиях обуславливается тем, что выделенные свойства и признаки становятся элементарными смыслами значений тех языковых знаков, при помощи которых закрепляются в нашем сознании предметы познания и отношения между ними. На этом основании делаются выводы о том, что таким образом «формируются понятия в тех или иных языковых формах». Они, по мнению Н.Н. Болдырева, «составляют смысл соответствующих языковых выражений» [Болдырев 1999, ч. 1: 15–18]. Однако для подобных выводов необходимы специальные исследования.

Одним из возможных способов решения этой проблемы служит идея концептного описания взаимосвязи значения языковых единиц и когнитивных структур. Его основной единицей является *концепт*. По мнению Н.Н. Болдырева, введение его в науку о вербальном познании позволяет устранить известную многозначность термина «понятие». Опираясь на «Лингвистический энциклопедический словарь» [1990: 384], учёный считает понятие более широкой категорией, обладающей объёмом (совокупностью предметов, подводимых под данное понятие) и содержанием (совокупностью сфокусированных в нём признаков и свойств одного или нескольких предметов). В отличие от понятия, концепт представляет только второе – смысловое содержание понятия и сигнификат языкового значения. Понятие, следовательно, считается основным элементом неязыкового сознания, а концепт – элементом сознания языкового. Такое понимание концепта не раскрывает, однако, всей его содержательной многоаспектности. Концепт при таком понимании отождествляется со смыслом. «Любой акт коммуникации представляет собой обмен смыслами, или концептами, а языковые единицы выступают

основным средством, обеспечивающим этот процесс» [Болдырев 1999: 16]. Исследователь, разделяя точку зрения авторов «Краткого словаря когнитивных терминов» [1966: 19–21], полагает, что языковые единицы всё же передают только какую-то часть содержания концепта; вторая часть представлена в психике ментальными (неязыковыми) репрезентациями. К таковым относятся мыслительные образы, схемы, фреймы, сценарии, картинки и т. п. [см.: Бабушкин 1996]. Средством актуализации той или иной когнитивной структуры могут выступать и формы чувственного познания, и концептуальные знания, закодированные в семантике языковых единиц.

Для презентации одних концептов (примарных концептов) достаточно одного слова, для представления других (осложнённых концептов) приходится прибегать к «услугам» более сложных языковых структур – словосочетаний, фразеологических единиц, предложений и даже целых текстов, если за концептом стоит целое событие. В последнем случае передаются структурированные знания в виде фреймов, сценариев, гештальтов и т. п., представляющих собой когнитивные структуры ассоциативно-образного характера, конструктивным центром которых выступает всё тот же концепт. В итоге Н.Н. Болдырев заключает, что «значения языковых единиц разной степени сложности и уровня организации за счёт формирования и передачи необходимых смыслов, или концептов, способны передавать и активизировать концептуальную информацию разного типа – от примарных и осложнённых до сложных концептуальных структур высшей степени абстракции» [Болдырев 1999: 18].

Глава 5

КОНЦЕПТ – ПОНЯТИЕ – КАТЕГОРИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКОГНИТИВИСТИКИ

В лингвистических исследованиях последних лет термин *концепт* стал не только популярным, но и весьма терминологически неопределённым. Возникла угроза его превращения из термина в модную наукообразную лексему и, как следствие этого, опасность утраты им своего терминологического предназначения, что, разумеется, не способствует укреплению позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы современной науки о языке. Уже сейчас этот термин нередко применяется к любым объектам понятийного характера, подменяя собой такие родственные знакообозначения, как *понятие*, *категория* и *смысл*, репрезентирующие, как мне представляется, хотя и родственные, но всё же разные форматы концептуализации результатов познавательной деятельности.

5.1. Концепт и понятие

Смешению данных феноменов имеются объективные предпосылки, о которых писал Ю.С. Степанов. «Концепт – явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова *концепт* и *понятие* одинаковы: концепт является калькой с латинского *conceptus* – «понятие», от глагола *concipere* ‘зачинать’, т. е. значит буквально ‘поятие, зачатие’; *понятие* от др.-рус. глагола *пояти* – ‘схватить, взять в собственность, взять женщину в жёны’ [Степанов 1997: 42]. Выходит, первичные значения этих слов совпадают. Однако это вовсе не значит, что они являются терминами-дублетами в научном дискурсе. Главное их различие обуславливается уже тем, что они являются терминами разных наук. Термин *понятие* изначально употреблялся главным образом в логике и философии, тогда как термин *концепт*, возникнув в математической логике, в последнее время закрепился в культурологии, в частности, в такой бурно развивающейся её отрасли, как лингвистическая культурология. Более того, оказавшись базовым понятием этой науки, он, словно умышленно избавляясь от своего недавнего понятийно-категориального прошлого, стал обозначать продукты речемыслительной деятельности не учёного с его строго структурированными мыслями-обобщениями, а «то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек [...] сам входит в культуру...» [Степанов 1997: 42]. И уже после этого, по сути своей, акта культурной социализации человека концепт включается в ценностно-смысловой континуум культуры. При этом меняется векторная сущность

его природы: концепт становится тем, в виде чего уже сама культура входит в ментальный мир человека, превращается в некий «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 1997: 43]. Однако и в этом случае концепт не утрачивает своего изначального предназначения – способности служить рождению чувственно-предметного смысла в виде некоего образа. Именно поэтому, в моём понимании, началом начал в цепи рассматриваемых терминов выступает концепт. К такому выводу подводит сама этимология латинского слова *conceptum*, которое употреблялось в значении ‘зерно; зародыш’. Исходя из такой этимологии, В.В. Колесов сравнивает семантику данного слова с ‘ростком первообраза’, квалифицируя её неким ‘первосмыслом’. Уже в силу его этимологического значения *концепт* никоим образом не может отождествляться с *понятием*, обозначающим уже оформившийся и логикой отфильтрованный объект мысли, понятное и структурированное смысловое содержание. Концепт же хотя и мощный стимулятор познания, но всё же потенциальный, ещё неоформленный «про-лог», своего рода предшествующее понятию мыслительное образование. Он – потенциальное понятие, протопонятие, ассоциативно-мыслительный «росток», способный «прорасти и словом, и мыслью, и делом» [Колесов 2002]. Как потенциальное понятие, концепт лишён прежде всего его базового компонента – десигната. Для его обретения ему нужно превратиться в понятие, а если продолжить его метафорическое сравнение с зародышем, то он должен эволюционировать настолько, чтобы из него вызрела полностью оплодотворённая и структурно организованная мысль.

Концепт не может быть отождествлён и с образом – феноменом предметно-чувственной природы, так как он не обладает референцией, то есть не соотносится с конкретным предметом. Вот и получается, что ни «жизнь», ни «диван» концептами не являются: первое слово, выражая понятие, содержит в своём лексическом значении сигнификат, а второе, обозначая конкретный предмет, превращает его в свой референт, а именуя обобщённый предмет – в денотат [Алефиренко 2005а: 154]. Данные объекты не являются концептами ещё и потому, что они в определённых условиях соотносятся с денотатами – серийными, обобщёнными, типовыми предметами мысли. Ср.: *Такая уж у него жизнь* (*жизнь* – способ существования); *Диван* – удобнее стула (*диван* – тип мебели).

Следовательно, концепт – такое мыслительное образование, которое существует в сознании человека наряду с предметно-чувственным образом, конкретным предметом мысли и понятием. Как предпонятийная структура, он может быть представлен в виде «свёрнутой точки потенциальных смыслов» [Колесов 2002: 81] или, в нашем понимании, точки, потенциально проецирующей некое смысловое поле, которое организовано по принципу любого другого поля: сгущение смыслов образует его ядро, а рассеянные и разреженные

смыслы – периферию. Такая организация концепта удерживает периферийные смыслы в зоне притяжения его ядра, образуя единство противоположенных смыслов, «туманное нечто» [Аскольдов 1997: 267], «вневременное содержание» (Франк). Вместе с тем, концепт – не мистический феномен. Это, скорее, гибридное единство наименования предмета с его мыслительным образом. В такого рода единстве существуют предмет (объект познания), его субъективный образ и зародыш понятия – обобщённого представления о целом ряде однородных предметов в их наиболее существенных признаках. В таком истолковании концепт напоминает «смысл», однако в отличие от него лишённый формальной структуры. По мнению В.В. Колесова, концепт – смысл, не обретший материальной формы и поэтому пока ещё не понятие, но уже образование, содержащее его сущность [Колесов 2002: 44].

Первая часть данного суждения служит для нас исходным тезисом; вторая – требует дополнительных размышлений. Прежде всего, утверждение о том, что концепт – сущность понятия, вступает в противоречие с теорией концепта, разрабатываемой Ю.С. Степановым. Согласно его учению, как раз всё наоборот: понятие является сущностным компонентом концепта. Оно, наряду с образностью и оценочностью, образует один из структурных слоёв концепта. Вызывает также сомнение, что сущностью каждого концепта непременно выступает то или иное понятие. В этой связи особенно актуальны такого рода размышления при построении различных типологий концептов, в частности, признание существования культурных, художественных, довербальных и др. их разновидностей. Ведь сущность культурных и художественных концептов, скорее, сосредоточена не в понятийной, а в их образно-смысловой составляющей.

Имеется и более серьёзная причина для такого рода сомнения. Она касается категориальной сущности концепта, метко и ёмко раскрытой В.В. Колесовым: концепт – ‘первообраз’, ‘первосмысл’ отражённого в сознании предмета мысли. Ассоциативно-мыслительный «росток», или «зародыш», знания о предмете, смыслопорождающая сперма³ по определению не может отождествляться с понятием, являющимся логически завершённым обобщением наиболее существенных свойств и признаков познаваемого объекта. Именно поэтому и одноименный термин (лексема *концепт*) сохраняет, по мнению В.З. Демьянкова, в своей семантической структуре сему ‘незавершённости, зачаточности’ [Демьянков 2001: 35-47]. Лишь в результате завершённости и оплодотворения мысли, её очищения фильтрами социального опыта и этнокультурной адаптации на базе концепта формируется понятие, которое затем при-

³ Физиологические метафоры сперма, зародыш, росток, характеризующие концепт, принадлежат В.В. Колесову (2002).

обретает статус его конструктивного ядра. И это в некоторой степени делает утверждение В.В. Колесова мотивированным: напомним, по мнению учёного, «концепт – не понятие, а сущность понятия» [Колесов 2002: 44].

Понятие – это совокупность существенных признаков объекта, отличающих его от сходных объектов. Например, понятие «стол» – ‘предмет мебели в виде широкой доски на ножках’ включает в себя все те признаки, которые отличают стол от другой мебели: стула, кресла, табуретки и т. д. Концепт же – это всегда *наивное понятие*, погруженное в этнокультуру. В этом смысле следует поддержать тех учёных, которые утверждают, что концепт всегда этнокультурно специфичен даже в тех случаях, когда слова, в которых он вербализуется, представлены в переводных словарях как эквиваленты. Логически сложившееся понятие – крайний предел истины. И это вполне соответствует этимону термина *концепт*, который содержит идею ‘зачаточной истины’. Эта идея содержится и в уже упомянутых физиологических метафорах *зародыш* и *зачатие*. *Концепт* оказывается «сокращением» от латинского словосочетания *conceptus mentis* «зародыш мысли» – то, что «зачато».

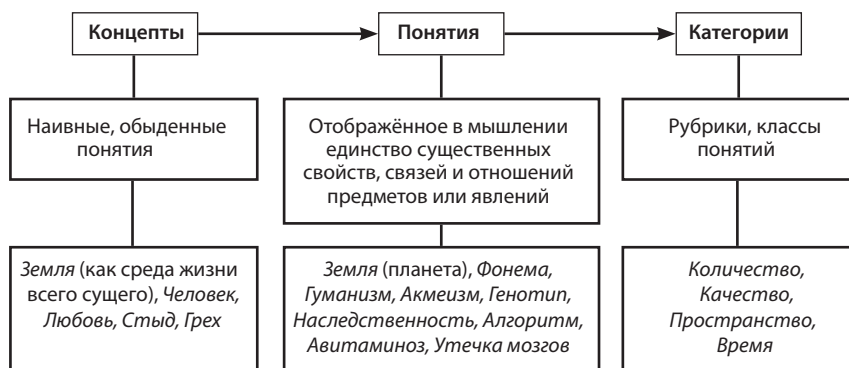
По наблюдениям В.З. Демьянкова, употребление термина *концепт* в разных лингвокультурах стремится к сохранению исходной метафоры, изначально лежащей в образе и мотивирующей идею «зачаточной истины», благодаря которой каждый концепт сохраняет статус «эмбриона» мысленных операций, или, по Аскольдову (1997), «почки сложнейших соцветий мысленных конкретностей».

5.2. Концепт и категория

Категория как единица научного мышления была введена Аристотелем; под ней понималось наиболее общее понятие. Мыслитель выделял 10 базовых категорий: «Субстанция» (*ουσία*), «Количество» (*πόσον*), «Качество» (*πρῶτον*), «Отношение» (*πρός τί*), «Пространство» (*που*), «Время» (*πότε*), «Состояние» (*κεῖσθαι*), «Действие» (*ποιεῖν*), «Обладание» (*εχειν*) и «Страдание» (*πάσχειν*). Стойки вместо десяти Аристотелевых принимали лишь четыре: субстанция, качество, модальность и отношение. Кант также выделял четыре категории, назвав их категориями рассудка: категории количества, качества, отношения и модальности⁴. В современной же когнитивной лингвистике многим из названных категорий нередко приписывается статус концептов. Считают возможным говорить о концепте «Количество», концепте «Качество», концепте «Пространство», концепте «Время». На мой взгляд, это классические категории. Кстати,

⁴ К погрешностям данной классификации категорий Фихте относил их случайный характер и недостаток выведения. Устранить их, полагал Фихте, – значит вывести категории из высшего их основания – из единства сознания. Завершил эту работу Гегель, используя для этого свой диалектический метод.

уже в рассуждениях древних мыслителей можно найти подходы к проблеме разграничения категории и концепта.

Началом процесса образования категорий, утверждал Гегель, является трудно определяемое, бедное по содержанию *понятие бытия*, из которого получают сначала категория качества, потом количества и т. п. В таких *понятиях бытия* вполне разумно усматривать первые понимания тех когнитивных образований, которые в современной науке получили названия концептов. Из представленных выше суждений вытекает, что концепты являются начальными когнитивными образованиями, служащими основой возникновения понятий, а те, в свою очередь, средством порождения категорий, которые, в отличие от понятий, обладают большей мощностью (объёмом). Благодаря этому свойству категории служат систематизации знания и познавательного процесса, подведению под те или иные рубрики целые классы понятий. Кроме того, они как особые когнитивные единицы междисциплинарного характера фиксируют этапы и факторы познавательного процесса. Наконец, нужно отметить, что эвристическое (широкозначное) слово может представлять разные когнитивные структуры. Так, слово *земля* может служить репрезентантом и концепта, если оно обозначает среду жизни всего сущего: людей, животных, растений, и понятия, если оно именуется планету Солнечной системы. Правда, следует акцентировать внимание на том, что здесь речь идёт только об эвристических словах.

5.3. Концепт и смысл

Обычно под смыслом понимают несколько взаимосвязанных сущностей: (а) в обыденном сознании – то, что противостоит абсурду, обладает содержанием; (б) в науке о языке – то, что возникает в акте номинации

(означивания) и реализуется в специфических высказываниях; (в) в теории коммуникации – то, что образуется в межличностном общении, существует в душевно-мыслительном пространстве и зависит от дискурсивной ситуации.

В когнитивной лингвистике смысл нередко отождествляется с концептом на том основании, что его можно уподобить некоему «подвижному облаку идей» с убегающим разнообразием значений [Теслинов 2007: 243]. Такое понимание смысла близко истолкованию концепта С.А. Аскольдовым и В.В. Колесовым, что и служит, вероятно, основанием для отождествления этих двух понятий. Однако смысл характеризуется ещё и «собственными» признаками. Он – (а) ситуационно и контекстуально значим; (б) способен выражать некоторое множество значений, потенциально имеющих отношение к познанию именуемого объекта. В этом отношении «смысл выполняет функцию конкретизатора значений именно благодаря фиксации в сознании тех свойств и признаков объекта, которые становятся актуальными для конкретной лингвокогнитивной ситуации [Алефиренко 2005а: 81]. В этом плане следует согласиться с А.Г. Теслиновым, что смысл «вещей» выражается в концептах. Мы говорим: концепт обладает смысловым содержанием. Более того, смысловые интерпретации познаваемого объекта служат источником тех идей, которые, собственно, и порождают концепт. Поэтому утверждение, что концепт является содержанием понятия, нам представляется слишком категоричным [Теслинов 2007: 244]. Скорее, наоборот: понятие является ядром смыслового содержания концепта.

Проблема соотношения смысла, значения и концепта, таким образом, возникает в связи с тем, что в живой речи происходит не воспроизведение концепта и значения репрезентирующих его номинативных единиц, а их интерпретация в рамках реализации интенций субъектов речи. Иными словами, в речевом акте содержание высказывания формируется амальгамированием отдельных смыслов, передаваемых элементами высказывания, разумеется, не путём их механического суммирования.

Согласно ранее изложенной концепции [Алефиренко 2005а: 86], лингвокогнитивный статус значения определяется исторически и социально обусловленной связью акустических образов и образов предметов и ситуаций. В другой терминологии значение обозначается как *десигнат* или *семема* [Попова 2007]. Статус концептов детерминируется сферой предметной образности или денотативных ситуаций и обозначается терминами *денотат*, *смысл*, *концепт*. Если лингвокогнитивный статус значения можно считать общепринятым, то предложенное понимание сущности концепта нуждается, как мне представляется, в дополнительном обсуждении. Можно ли без каких-либо оговорок концепт приравнять к денотату и смыслу?

В отличие от денотата, концепт, кроме предметной образности, обладает ещё понятийной и прагматической составляющими. Не менее

сложны взаимоотношения между концептом, смыслом и значением. Концепт как таковой выражается только в таких *смысловых формах*, как образ, понятие и символ [Попова 2007: 323]. Такое понимание сущности концепта относит его к феноменам, отображающим духовную жизнь человека. И в этом смысле он рассматривается как своеобразный архетип культуры, обеспечивающий континуумность духовной жизни народа. В этом качестве концепт является креативным средством сохранения и обогащения ценностно-смыслового пространства любой этнокультуры. В этом заключается своеобразие концепта как когнитивной структуры. Конфигурацию его многослойного содержания формируют: (а) отражение соответствующего фрагмента картины мира в виде субъективного образа, (б) символический смысл, который позволяет концепту быть общедоступным этноязыковому сознанию, быть достоянием той или иной народной культуры и (в) понятийная составляющая – универсальный (логический) компонент концепта, обеспечивающий ему репрезентативность на разных языках мира. В таком сочетании своих составляющих концепт с оговорками можно, конечно, называть и понятием, но понятием особого рода:

а) **обыденным**, или **наивным** (такое наивное понятие, формируемое опытом человека, лежит в основе значения слова и служит дифференциации одного предмета мысли от других): *земля, вода, воздух*;

б) **индивидуализирующим**, поскольку в виде концепта конкретный и уникальный объект (часто индивидуально-авторский) получает этнокультурную значимость, превращаясь в некий символ; например: «Дворянское гнездо» – концепт, символически представляющий собой символ обеспеченной жизни; «Обломовщина» – концепт, обозначающее апатию, застой, отсутствие развития, рутину (возник на базе фамилии Обломова, героя одноименного романа благодаря статье Добролюбова «Что такое *обломовщина?*»);

в) **дискурсивно обусловленным**, так как моделирует ту или иную ситуацию не на основе объективных и конкретных признаков, а исходя из индивидуально-личностной интерпретации человеком соответствующего фрагмента действительности путём ассоциации его с известными всем или большинству образами: *Да ты у нас Геракл!* – говорим мы о сильном человеке. У такого рода концептов в разной степени обнаруживаются и образ, и понятие, и символ. Так, смысловое содержание последнего концепта подпитывается синергией исплинского древнегреческого о б р а з а Геракла, п о н я т и я «мужественность» и культурным с и м в о л о м этого понятия – *Геракл*. Такими же характеристиками обладают и другие приведённые выше концепты – «Дворянское гнездо» и «Обломовщина». Все они континуальны, беспредельны в этноязыковой картине мира, поскольку их вербализаторы лишены словесной конкретики. Репрезентирующие

данные концепты словосочетание *дворянское гнездо* и лексема *обломовщина* лишены всего того, что свойственно языковым единицам, номинирующим обычные понятия или представления. Они автономно не соотносятся (а) ни с определённым референтом («дворянскими гнёздами» называют и рестораны, и жилищные комплексы и др. объекты); (б) ни с десигнатом (логическим содержанием понятия), поскольку понятийная составляющая концепта «растворяется» в смысловой синергетике концептуального содержания; (в) ни с денотатом как типовым предметом именованного (предметно-образным значением). Ведь с точки зрения когнитивной лингвистики, денотаты – единицы языкового сознания (они формируются знанием языка). Смыслы – продукты рефлексии над восстановлением связей и отношений между объектами речемышления. Референты – конкретные предметы номинации познаваемого. Десигнаты – результаты сгущения смыслов, их структурирования, а содержание высказывания человек получает путём воспроизведения предикаций⁵ в рамках соответствующих пропозиций [Богин 1994: 3]. Семантика языковых единиц, репрезентирующих концепты, представляя разреженные смыслы, в разной конфигурации способна вызывать в нашем сознании все компоненты интенциональности: рефлексию опыта, сопровождаемую живыми переживаниями, референцию, десигнацию и денотацию в их синергетическом единстве. И в этом смысле концепт, вслед за А.Ф. Лосевым, можно назвать «единством противоположностей, единством мышления с его предметом» [Лосев 1982: 62]. Поэтому концепт не является понятием по определению, хотя и выражает изначальную сущность понятия, являясь его корнесмыслом. Не является он и смыслом в истинном его понимании, поскольку смысл облечён в некую форму, а концепт – скорее, «смысл, не обретший формы», «конденсат неоформившихся неустойчивых туманных ассоциаций», хотя и дан «как некая целостность» [Барт 1989: 47].

И этим своим качеством концепт напоминает внутреннюю форму языкового знака: он, как и внутренняя форма знака – не образ, а «свёрнутая точка потенциальных смыслов», способная порождать в семантической структуре языковых знаков тот или иной спектр семантических вариантов (ЛСВ, ФСВ). Если продолжать развивать метафорическое определение концепта – «свёрнутая точка потенциальных смыслов», то следует упомянуть и о суждении Жюль Делёза и Феликса Гваттари. Учёные писали: «Концепт определяется как неразделимость

⁵ Предикация – установление отношения между субъектом (подлежащим), действием или предметом действия; отнесение предмета мысли к действительности, акт создания пропозиции — соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами (предикатом и его актантами). Цель и смысл предикации – отразить актуальное состояние объекта/субъекта (событие, ситуацию действительности), т. е. раскрыть определённое положение дел, которое образует логическую основу предложения.

конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью. ... «Парение» – это состояние концепта или характерная для него бесконечность, хотя бесконечные величины бывают большими или меньшими в зависимости от шифра составляющих, порогов и мостов между ними» [Делёз, Гваттари 1998: 138].

Разделяя эту точку зрения, О.А. Алимуратов считает, тем не менее, что «одновременным присутствием точки концепта во всех его областях нельзя объяснить всех его основных свойств» [Алимуратов 2003]. Поэтому в основу интегрированного понимания концепта им кладётся одно из фундаментальных свойств человеческого интеллекта – понятие интенциональности [Сёрль 2002]. Именно этим свойством концепт принципиально отличается и от категории, и от понятия. Благодаря свойству интенциональности концепт рассматривается как основное свойство этноязыкового сознания, как его изначальная активность, формирующая его смысловую структуру. В силу своей интенциональности концепт способен служить интерпретации психических переживаний и выражать фундаментальное отношение человека к миру. Интенциональность существует в концепте (а) как *н о э з и с* (единая структура акта полагания) и (б) как *н о э м а* – предметный смысл, не зависящий от существования предмета или его данности. В концепции Гуссерля *ноэма* – *идеальный*, а *ноэзис* – *реальный* компоненты интенционального переживания. Интенциональность включает в себя элементы и практического, и дискурсивного сознания. Именно в таком понимании она формирует смысловую структуру и каждого концепта, и всего сознания в целом. С одной стороны, это даёт повод для сближения концепта с единицами ментальности, а с другой, – (в силу тех же свойств) концепт не следует отождествлять с эпистемой – единицей народной ментальности, представляющей *внешние* формы этносознания. В отличие от эпистемы, концепт не лишён архетипичных свойств, что позволяет оперировать им даже на уровне нашего подсознания. Как подкорковый смысловой элемент концепт выступает своего рода ментальным генотипом, атомом генной памяти, если, разумеется, под ментальностью понимать духовность народа, жизненно важный остов его ценностно-смыслового пространства. Сравнение основных мыслительных структур приводит к выводу о том, что речь здесь должна идти о когнитивных структурах разной степени обобщённости (А.М. Грункин) и разной степени утраты предметно-образной сущности. К наиболее высокому уровню обобщённости относятся когнитивные структуры, называемые *категориями*, типа «Количество», «Качество», «Пространство», «Время». Категории лишены предметно-чувственной образности. Средний уровень обобщённости образуют *понятия*: «молодость», «родители», «жизнь», «развитие» и др. Понятия также отвлечены от предметной конкретности и образного восприятия. На низком уровне обобщённости «располагаются» *концепты*

типа «Музыка», «Степь», «Человек», «Дорога» и др. Они в отличие от категорий и понятий обладают элементами всех предыдущих когнитивных образований: и понятийной сущности, и образного восприятия предмета мысли, и этнокультурной ауры. Завершают этот ряд **конкретные предметы**, такие, как «стол», «лампа», «ткань», «дневник».

Итак, концепт, по сравнению с другими когнитивными образованиями, по природе своей несколько мистичен, это «око вечности», «излучение из глубины» (Николай Бердяев) этнокультурного сознания, преисполненный интенциональности архетип мысли, ещё не оформившийся исходный *множественный* смысл. Концептов с одной лишь составляющей не бывает по определению. Концепт, редуцируемый до одной составляющей, превращается в смысл, понятие, образ или символ. Смысловые интерпретации познаваемого – источник идей, порождающих концепт. Поэтому концепт – предельно субъектен: его общественно-историческое начало проецируется на каждого отдельного человека. Он совмещает в себе память и воображение: как акт памяти – ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, как акт суждения – в настоящее (С.С. Неретина). Понятие – результат длительного обобщения наиболее существенных свойств и признаков познаваемого объекта. Категория – обобщающая единица мышления, образующая классы и рубрики понятий. В конечном итоге, концепт обладает (обычно этнокультурно обусловленным) смысловым содержанием, у основания которого лежит соответствующее понятие, а подведение концептов под ту или иную категорию моделирует концептосферу языка – основу этноязыкового сознания.

Глава 6

ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ

Лингвистической гипотезой нашего исследования выступает предположение о том, что сущность вторичного лингвосемиозиса определяется коммуникативно-прагматической природой его речемыслительной базы, реализующейся в разного рода дискурсах. В связи с неоднозначным пониманием понятия «дискурс» уточним, что в нашем понимании **дискурс** – это речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и др. факторами, что, собственно, и делает его «привлекательным» и многообещающим для лингвокультурологического осмысления стимулов вторичного знакообразования.

Дискурс в таком его понимании обретает свои специфические черты: а) как коммуникативное событие – это сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации; б) образуя собой своеобразное ценностно-смысловое единство, дискурс предстает как лингвокультурное образование; в) в отличие от речевых актов и текста в его традиционном толковании (последовательной цепочки высказываний), дискурс следует рассматривать как социальную деятельность, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности; г) как «речь, погружённая в жизнь», или «текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1999: 136-137], преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию, становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим «устройством», экзегетическим «текстом» культуры, ментальным фрагментом «возможного мира» (возможного положения дел, вариативного развития событий).

1. Согласно первому критерию, дискурс становится знакообразующей базой в силу своей многоплановой структуры, на разных уровнях которой осуществляется когнитивная обработка информации, исходящей от всех участников коммуникативно-прагматической ситуации (внеязыковой действительности; намерений, установок и понимания коммуникантов; семантики языковых единиц и т. п.). В связи с этим смысловое содержание такого дискурса значительно шире и глубже семантики высказываний. Означаемое дискурса оказывается асимметричным по отношению к означаемому – последовательной цепочке высказываний. В результате означаемое дискурса требует своей актуализации новым

знаком; нередко отдельные фрагменты такого означаемого получают разное знакообозначение.

В связи с этим следует отметить весьма существенный во вторичном семиозисе момент: роль интенциональности в смысловой аранжировке дискурса. Интенциональность незримыми нитями увязывает языковую и речевую семантику единиц-конституентов дискурса, то есть координирует языковые значения слов и словоформ с намерениями и коммуникативными целями общающихся. В результате такого взаимодействия возникает необходимая для вторичного семиозиса энергетика, под воздействием которой возникающий знак вторичной номинации становится одним из средств кодирования и выражения социально значимого речевого смысла, интерпретированного и «переплавленного» в когнитивно-дискурсивном «котле».

Названные дискурсивные стимулы появления в языке знаков косвенно-производной номинации – важнейший, но не единственный фактор вторичного семиозиса. В органическом единстве с ним в порождении знаков вторичного именования принимают участие когнитивные стимулы.

Классифицирующая деятельность когниции (познания) состоит из двух взаимосвязанных процессов – концептуализации и категоризации. Сущность первого – в выделении минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, а второго – в объединении этих единиц на основе их тождества или сходства в некоторые классы и разряды [КСКТ 1996: 93].

Для дискурсивно-когнитивного исследования проблемы вторичного лингвосемиозиса важны оба процесса. Концептуализация служит когнитивной основой семиозиса как фактор порождения и преобразования смыслов (концептов). Более того, познание мира – это процесс порождения и преобразования концептов с последующей их вербализацией. Важнейшим этапом в языковой объективизации концептов следует считать номинацию познаваемых объектов, их свойств и признаков. Поскольку познание беспредельно, то концептуализация познаваемого мира приводит к образованию всё новых концептов, а значит, и к необходимости их знакообозначения. Ср.: *чёрные береты* 'бойцы ОМОНа', *красные береты* 'спецназ', *голубые береты* 'солдаты ООН', *красная шапочка* 'солдат внутренних войск' (Комс. правда, 13.08.93).

Язык по своей природе обладает категоризирующим свойством, поскольку, как известно, любое слово обобщает. Выделяя в означаемом главное, наиболее существенное, человек придаёт слову обобщающее значение, а это значит, что, именуя, слово классифицирует, относит предмет номинации к определённой категории. С другой стороны, само соотнесение именуемого с той или иной категорией, составляющие которой уже поименованы, служит когнитивным стимулом знакообозначения вновь познаваемого. Так, техническое изобретение середины XX века

для передвижения по поверхности Луны, естественно, было соотносено с категорией «средства передвижения», получив именование по аналогии с уже названными предметами, входящими в состав данной категории: *луноход* ← *вездеход, атомоход, теплоход, пароход*; ср.: *прилуниться* ← *приземлиться, прилунение* ← *приземление, космодром* ← *аэродром, ракетодром, мотодром, ипподром*.

Классифицируя предметы с целью более совершенной категоризации окружающего мира, лингвокреативное мышление, как видим, оперирует уже упорядоченными определённым образом лингвистическими и экстралингвистическими знаниями: первые содержат сведения о системе языка и правилах использования языковых единиц, а вторые – сведения о внеязыковой действительности. Знания такого рода, как совокупность результатов отражения, является содержанием и способом существования сознания, а сознание – это итоговое соотношение знаний с действительностью, одного знания с другим. Соотнесение неязыковых знаний с реалиями формирует когнитивное сознание в форме мыслительных категорий, а соотнесение языковых знаний с действительностью формирует сознание языковое в форме языковых категорий. В связи с этим в лингвокреативном анализе объектов культуры возникают две проблемы: 1) какими принципами руководствуется человек, когда подводит вновь познаваемый предмет под ту или иную категорию и 2) каковы механизмы языковой репрезентации когнитивных структур.

Современная когнитология знает три способа категоризации мира: 1) фильтрование свойств познаваемого предмета через сетку жёстко детерминированных категориальных признаков; 2) коммуникативно-прагматическую категоризацию и 3) прототипическую категоризацию. Не вдаваясь в размышления о преимуществах и недостатках того или иного способа [см. об этом: Болдырев 2000], попытаемся осмыслить их значимость для первичной и вторичной номинации.

Категоризация действительности путем фильтрации свойств познаваемого сквозь сеть категориальных признаков исходит из классического понимания категории как совокупности наиболее существенных признаков и отношений, которыми должны обладать все предметы, подводимые под данную категорию. Так, под категорию «путь сообщения» по совокупности признаков «полоса земли», «пространство для передвижения», «путь» подводят такие объекты, как *дорога, большак, шоссе, тропа, дорожка*. Такие объекты подлежат, как правило, прямому знакообозначению.

Коммуникативно-прагматическая категоризация мира исходит из иного понимания категории, восходящего к идеям Л. Витгенштейна: категория лишена жёсткой детерминированности признаков, поэтому характеризуется размытыми очертаниями и весьма условным характером. Объясняется это тем, что формируются они в процессе общения людей и в результате оказываются коммуникативно и прагматически

детерминированными, т. е. обусловленными целями, мотивами и ситуациями своего порождения. Однако и в этом случае в одну категорию могут объединяться вещи, не обязательно обладающие общими для них признаками. Главное для их объединения в одну категорию – подчинённость коммуникативно-прагматической цели, возможность их использования в одной (типовой) коммуникативно-прагматической ситуации. Ср. речевые формулы [Баранов, Добровольский 2003: 39]: идиомы-комментарии (*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Цыплят по осени считают. Не было печали, так черти накачали. Попытка не пытка. Дай бог памяти. Дай бог ноги!*), идиомы-перформативы (*вот те крест, век свободы не видать, ни пуха ни пера*), идиомы-коммуникативы (*– Ну? – Баранки гну, – Куда? – На кудыкину гору. – Привет! – Привет от старых штиблет. – Как дела? – Как сажа бела*), идиомы-риторические вопросы (*Какая муха тебя укусила? А был ли мальчик-то?*), идиомы-эпистемы (*Знамо дело. За что купил, за то и продаю*). Ситуативность порождает ассоциативные связи между разными предметами мысли, которые, однако, объединяют их в одну категорию не по их первичной соотнесённости с действительностью, а по опосредованно производным связям в структуре косвенного знакообозначения. Коммуникативно-прагматическая категоризация основана на различных смысловых связях ассоциативно-образного характера. Поэтому объективация в языке когнитивных структур, сформированных этими связями, происходит посредством косвенно-производной номинации.

Прототипическая категоризация действительности исходит из «семейного сходства» объектов, подводимых под ту или иную категорию. Такого рода сходство обуславливается однотипными свойствами и признаками предметов мысли, объединяемых одной категорией. Иными словами, суть такой категоризации состоит в соотнесении предметов мысли с определённым прототипом на основе выделения или приписывания им общих с данным прототипом свойств и признаков. Причём количество таких общих признаков может быть минимальным. Иногда достаточно одного интегративного признака, чтобы познаваемый предмет вошёл в данную категорию. Такой предмет мысли окажется на более отдалённом смысловом расстоянии от прототипа, чем те предметы, у которых интегративных признаков больше. Однако все они являются элементами одной естественной категории и поэтому получают так называемые прототипические наименования. Прототипическим названием для рыб служит слово *рыба*, для кур – *курица*, для денежных знаков – *деньги*.

В обычном, живом общении нередко прототипические названия заменяют непрототипическими, т. е. именами других категорий. Тем самым предмет мысли переводится из одной категории в другую. Вместе с этим предмету приписываются свойства и признаки другой категории, поскольку именно они, будучи представленными средствами косвенной номинации, наиболее ярко, образно и понятно эксплицируют слабые

смыслы новой коммуникативно-прагматической ситуации. Так, слово *рыба* служит прототипическим названием 'водного животного с холодной алой кровью' (В.И. Даль). Непрототипическим названием служит уменьшительно-ласкательная форма *рыбонька* – ласковое обращение к женщине или ребёнку и уничижительное *рыбёшка* – о незначительном, невлиятельном человеке (разг.). Первая форма особенно употребительна в украинском языке, как, например, в народной песне «Ніч яка місячна»: «Я ж тебе, *рыбонько*, аж до хатиньки сам на руках віднесу». Вторая форма исключительно русская, в косвенно-номинативном значении употребляется в составе фразеологизма *мелкая рыбёшка*.

Правомерность дискурсивно-когнитивного подхода к исследованию знаков вторичной номинации предопределена эквивалентностью понятий «дискурс» и «когниция».

Отнесённость дискурса к внеязыковым реалиям осуществляется в рамках когнитивной функции языка (В.З. Демьянков), под которой, вслед за К. Зикфридом, следует понимать общее название для совокупности процессов и способностей, связанных с познанием (процессом и результатом), таким, как внимание, восприятие, усвоение, сохранение и воспоминание знаний, а также формирование понятий и мышление.

Когнитивный аспект предлагаемого подхода фиксирует внимание на знаках непрямого номинации как средстве вторичной и косвенно-производственной организации, обработки (интерпретации) и передачи культурной информации, как хранилище знаний о действительности, как особо (непрямо) структурированном каталоге когнитивных образований, используемых для усвоения новых знаний и хранения ранее приобретённой информации. Когнитивная функция знаков вторичной номинации реализуется их амбивалентной функцией: 1) хранить и интерпретировать ранее полученные впечатления, зафиксированные средствами первичного знакообозначения (впечатления о непосредственной предметно-практической деятельности), и 2) кодировать результаты опосредованной когниции, продукты лингвосемиотического мышления в дискурсивной деятельности. При этом целесообразно исходить из того, что когнитивной функцией обладают не только целостные дискурсивные построения, но и вычленяемые из них фрагменты, на базе которых порождаются знаки вторичной (непрямо-производной) и косвенно-производной номинации.

Яркими представителями образных знаков первой группы выступают метафора и метонимия типа есенинских метафор: *хочет колокольчик, рыдают ветры, поют холмы, плачет флейта, тоскуют брошенные пашни, злится бабушка-мороз* и др. или таких достаточно употребительных метонимий, как: *во всём чувствуется кисть Айвазовского; несомненно: это перо Пушкина; приятно работать с этой аудиторией*, где *кисть* 'живописные произведения', *перо* 'поэтический стиль', *аудитория* 'группа людей, находящаяся в учебной комнате'. При метафоризации

смысловые нити между производящим и производным не прерваны, внутренняя форма знаков вторичной номинации налицо.

Не менее типическими представителями знаков косвенно-производной номинации являются фразеологизмы: *дразнить гусей* 'вызывать раздражение, злобу у кого-либо'; *до гробовой доски* 'до самой смерти, до конца жизни'; *всеми фибрами души* 'очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать и т. п.)'; *дело табак* 'чьё-либо положение, состояние очень плохи'.

В отличие от метафор и метонимий, где значение знака формируется путём переноса дифференциальных смысловых признаков с одного объекта на другой по их сходству или смежности, семантика знаков косвенно-производной номинации – результат опосредованной когнитивной деятельности, продукт лингвокреативного мышления ассоциативно-образного типа. Причём степень отвлечённости такого (лингвокреативного) мышления от первичного предметно-практического опыта в разных знаках косвенно-производной номинации различается эвристическим диапазоном собственно языковой когниции. Так, в формировании значения первого фразеологизма принимали участие и первичное значение глагола *дразнить* – «злить, умышленно раздражаться чем-либо» и связанное с ним ассоциативно-образное значение, фиксирующее фоновые знания: гуси при малейшем беспокойстве или приближении к ним сильно нервничают, бурно реагируя на раздражающий их объект. Подобным образом ведут себя и люди, если их умышленно выводят из равновесия. Однако доминирующая роль здесь принадлежит прямономинативному значению одного из лексических компонентов.

Значительно больше места занимает воображение в языковой когниции, результаты которой представлены вторым фразеологизмом, где прямые значения слов-компонентов выступают лишь фоном, на котором разворачивается ассоциативно-образное мышление: гроб, гробовая доска – последний предмет в мире человека, *гробовой* 'относящийся к гробу, до могилы, смерти' (В.И. Даль); предлог *до* с род. падежом, показывающий какой-либо предел. Все словосочетание употреблялось с предикатами *любить, быть преданным*. Ср.:

Тут непременно вы найдёте
Два сердца, факел и цветки;
Тут верно клятвы вы прочтёте
В любви *до гробовой доски*
(А.С. Пушкин).

Особенно важную смыслообразующую роль играет дискурсивное мышление, в результате которого сформировалось значение четвёртого фразеологизма. Действительно, ни вещественные свойства денотата, ни обозначающее его слово (*табак*) не могли отразиться на его коммуникативно-прагматическом статусе. Значение фразеологизма отражает когда-то реальную речеповеденческую ситуацию: бурлакам на Волге

часто приходилось вброд пересекать речки, впадающие в Волгу, по которой они тащили баржу. Чтобы не замочить табак, огниво и трут, их подвязывали к подбородку. Когда вода подходила к горлу, бурлаки говорили: *Под табак* или *Дело табак*, то есть дело плохо, положение хуже некуда. Ср. в укр.: *діло табак, діло тютюном пахне: А коли почув він (куркуль), що йде лінія на колективізацію і діло його, виходить, табак, так його дуже грусть ударила* (О. Корнійчук).

Лингвокреативный потенциал речеповеденческой ситуации в значительной мере зависит от значимости аффективного сопровождения языковой когниции, от силы породившего её эмоционального переживания. Согласимся, что от нахлынувших чувств, волнующих душу ощущения, связанных с эпохальными переменами в жизни, трудно удовлетвориться «сухим» словосочетанием *решающий момент*. Поэтому, надо полагать, Стефан Цвейг выразил своё ощущение мгновения, определяющего судьбу грядущих поколений, крылатым ныне сочетанием *звёздный час*. В предисловии к сборнику исторических новелл «Звёздные часы человечества» он сам определил порождающие это словосочетание факторы. В качестве когнитивной предпосылки возникновения крылатой фразы могут служить следующие ощущения автора: «... каждый шаг эпохи требует подготовки, каждое подлинное событие созревает исподволь ... из миллионов впустую протекших часов только один становится подлинно историческим – *звёздным часом* человечества ... если пробыёт *звёздный час*, он предопределяет грядущие годы и столетия» [Цвейг 1957: 435].

Следует особо подчеркнуть, что при всей несомненной важности языковой когниции для формирования национально-культурного компонента образного знака инициирующим стимулом вторичного семиозиса выступает всё же аффективная энергетика, целый комплекс эмоциональных переживаний, которые охватывают большинство членов данного этнокультурного сообщества. «У большинства слов, – писал в этой связи Э. Сепир, – как вообще у всех элементов сознания, есть свой побочный чувственный тон, слабый, но отнюдь не менее реальный, а порою предательски могущественный отголосок удовольствия или страдания» [Сепир 1993: 55]. Формирование знаков косвенно-производной номинации, несомненно, – процесс интеллектуально-эмоциональный.

Итак, дискурсивно-когнитивный подход к вторичному лингвосемиозису возможен лишь при расширенном понимании самого дискурса, то есть в его междисциплинарной интерпретации (грамматика текста, прагматика дискурса и социально-культурные факторы), как это практикуется в работах Т.А. ван Дейка [1989: 8]. Оставаясь явлением коммуникативным, дискурс в конечном итоге ориентирован на текстопорождение с участием самых разных экстралингвистических факторов, таких, как знания об окружающей действительности или пресуппозиции, мнения, ценностно-смысловая ориентация, интенции и общественно значимые переживания. Поскольку дискурс нами рассматривается как база

порождения вторичных лингвосемиотических средств, то все названные выше факторы организации дискурса должны учитываться и при его смысловом восприятии. Они во многом определяют стратегии вторичного знакообразования и в коммуникативном, и в когнитивном аспектах. В когнитивном плане они управляют отбором информации социокультурной значимости, важной для типовой ситуации общения, для самих коммуникантов и поэтому нуждающейся в кодировании в виде знаков вторичной номинации.

Глава 7

КОГНИТИВНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

7.1. «Лингвистический постмодернизм» как понятие

«Лингвистический постмодернизм» – направление, возникавшее в ходе переосмысления структуралистского и постструктурального наследия науки о языке XX века [см.: Ильин 1996]. Для голландского исследователя Доуве Фоккемы постмодернизм – прежде всего особый взгляд на мир. Доуве Фоккема, как и другие постмодернисты, считает в равной мере невозможным и бесполезным пытаться устанавливать какой-либо иерархический порядок или какие-либо системы приоритетов в жизни человека и в его дискурсивном пространстве. Он вводит так называемый принцип нониерархии, лежащий в основе структурообразования всех постмодернистских текстов. По его мнению, постмодернистский код может быть описан как система предпочтительного выбора тех или иных семантических и синтаксических средств, частично более ограниченного по сравнению с выбором, предлагаемым другими кодами, частично игнорирующего их правила. Выделяя в качестве основополагающего принципа организации постмодернистского текста понятие нонселекции, Фоккема уверен, что его действие прослеживается на всех уровнях анализа: лексемном, на уровне семантических полей, фразовых и текстовых структур.

Постмодернистский «демонтаж» философских основ постструктуральной лингвистики, поэтики и семиотики обострил противоречия рационалистической (изначально – картезианской) методологии языка.

Одним из первых несколько рискованно вышел на сцену постмодерна Жак Деррида, принадлежавший если не к школе, то к последователям Хайдеггера. Освоив его наследство, он пытался положить конец человеческого пристрастия к гаданию на словесной гуще. Перетасовывая лексику, последователи картезианской философии пытались уловить суть вербализуемой вещи. Конечно же, референциальной лингвистике, надо ей отдать должное, многие вопросы удалось снять. Но всё же, по словам самого Жака Деррида, это, скорее, было похоже «на охоту на динозавра с сачком». И Деррида прекращает такого рода охоту. С какой стати мы вообще надеемся, что когда-то угадаем слово? – риторически спрашивает мыслитель. Имеется в виду слово «живое», функционирующее в неоднородной коммуникативно-когнитивной среде.

В поисках решения этой проблемы есть смысл обратиться к с е м и о - л о г и и , изучающей «живое» слово в его функционировании в когнитивно-дискурсивном пространстве в соответствии с когнитивно-синергетической методологией современного лингвистического постмодернизма. Основными конструктивными понятиями такого подхода являются «синергетика», «постмодернистическое мышление» и «семиология» (не семиотика).

Лингвистический постмодернизм. Он зародился ещё в 1960-х годах, когда французский философ Жак Деррида впервые сформулировал свою концепцию деконструкции, тем самым заложив основы постструктурализма.

Сформулируем основные понятия. *Постмодерн* – социокультурная ситуация утраты упорядоченности и произвольного соединения разнородных феноменов. *Постмодернизм* – философская концепция постмодерна⁶. Она, следует отметить, не является монолитной и единой теорией. Её основу составляют проблемы языка и языкового характера мышления. *Деятельность* рассматривается как совокупность речемыслительных (дискурсивных) практик. *Основная проблема* – человек в языке. Постмодернистская эпоха создала свою систему ценностей, в которой *культура* – система знаков, а *языковое сознание* – механизм прочтения знаков. Язык в учении постмодернизма рассматривается как система ориентирующего поведения, где обращение к тексту играет весьма значительную роль. При этом устанавливается параллель: нелинейность мира – *нелинейность языка*.

Основными категориями концепции Жака Деррида стали «сознание» и «текст». Рассматривая мир исключительно через призму сознания, как феномен письменной культуры, постструктуралисты уподобляют самосознание личности некой сумме текстов различного характера, которая, по их мнению, и составляет мир культуры. Поскольку, как неустанно повторял основной теоретик постструктурализма Ж. Деррида, «ничего не существует вне текста», весь мир, в конечном счете, воспринимается Ж. Дерридой как бесконечный, безграничный текст, или как «космическая библиотека» (Винсент Лейч), или, по словам Умберто Эко, как «словарь», «энциклопедия». В такой интерпретации речь, скорее, должна идти о *языковом* или *дискурсивном* сознании. В настоящее время специфика новейшей, постмодернистской трактовки *языкового сознания* состоит уже не столько в его текстуализации, сколько в его *нарративизации*, т. е. в способности человека описать себя и свой жизненный опыт в виде связанного повествования, выстроенного по законам жанровой организации текста. В такой интерпретации языковое сознание, словно неприступный

⁶ См.: Подлевских Л.Г. Роль языкового сознания в формировании исторической парадигмы постмодернизма // Язык – сознание – культура – социум: Сб. докладов и сообщений междунар. науч. конференции памяти проф. И.Н. Горелова. Саратов, 2008. С.272-281.

склеп словесной повествовательности, напоминает гробницу пророка Мухаммеда, вынужденного вечно парить без точки опоры в тесных пределах своего узилища без права переписки с внешним миром.

Теоретическое обоснование текстуализации сознания своеобразно осуществил Жак Лакан, выдвинувший идею текстуализации бессознательного. При всех взлётах и падениях интереса к Ж. Лакану сформулированная им проблематика динамического взаимодействия «воображаемого» и «символического» по-прежнему привлекает к себе внимание теоретиков дискурсивной деятельности. Но основной вклад Ж. Лакана в создание общей теории постструктурализма – это его переосмысление сосюрсовской концепции знака, которой признавалась способность знака непосредственно, чётко и определённо обозначать предмет, явление или понятие. Однако, как ни парадоксально, именно в размышлениях Ф. де Соссюра (правда, позднего Соссюра) следует искать истоки идей постструктурализма. Дело в том, что в своих «Анаграммах» произвольность означающего Ф. де Соссюр стал трактовать более широко. «Анаграмму»⁷ (и шире – поэтическую речь, – Н.А.), подчёркивал Соссюр, следует определять не как преднамеренную путаницу, лишённую полноты смысла, а как неопределяемую множественность, радикальную неразрешимость, разрушающую все коды. С того времени постструктуралисты стали искать код, который был бы ответственен за порождение смысла.

Теоретики постструктурализма (и их предшественник – Ж. Лакан) пытались объяснить специфический характер анаграмматической (поэтической) коннотации, нарушающей естественный ход обозначения и, что самое главное, ставящей под сомнение нерасторжимость связи означающего с означаемым. Именно Ж. Лакан (1) вскрыл в теории Соссюра о произвольности знака мысли, ведущие к отрыву означающего от означаемого; (2) пересмотрел традиционную теорию фрейдизма с позиций лингвистики и семиотики, отождествив бессознательное со структурой языка. «Бессознательное, – утверждал Ж. Лакан, – является целостной структурой языка» [Лакан 1995: 161].

В дискурсивном мышлении Ж. Лакан вслед за Фрейдом выделяет два основных процесса: *конденсацию* и *замещение*. При этом фрейдовские толкования он переводит в лингвистический план. Если у Фрейда конденсация понимается как совмещение в одном образе, слове, мысли, симптоме или акте нескольких бессознательных желаний или объектов, то Ж. Лакан сущность *конденсации* видит в *наложении* ментальной энергии одних означающих на другие, служащем механизмом *метафоризации*. *Замещение*, или *сдвиг* ментальной энергии с одного явления

⁷ Анаграмма – от фр. *anagramme* < греч. *ана...* пере... + *грамма* письменный знак, буква. 1. Слово или словосочетание, образованное перестановкой букв, составляющих другое слово, напр. автор – тавро – отвар. 2. лит. Способ сочинения стихов, при котором отдельные фонемы ключевого слова стихотворения повторяются в других словах, а также стихотворение, написанное таким способом.

в мозгу на другое, у Ж. Лакана ассоциируется с *метонимией*. Позже в работах Кристевой и Ж. Деррида понятия конденсации и замещения стали базовыми категориями в постструктуралистской теории слова, использующей понятие «скользящего», или «плавающего» означающего.

Другая мысль Ж. Лакана о замещении предмета или явления знаком, связанная с постулатом о якобы неизбежной при этом необходимости отсутствия этого предмета или явления, стала краеугольным камнем всей знаковой теории постструктурализма. Лакановская теория знака оказалась полезной для постструктурализма ещё и потому, что она органично подпитывает популярные ныне концепции языкового сознания и языковой личности⁸. Следует напомнить, что саму личность Ж. Лакан понимал как языковое сознание. Специфика лакановского понимания языкового сознания состоит прежде всего в том, что она вытекает из постмодернистского представления о структуре человеческой психики как сфере сложного и противоречивого взаимодействия трёх составляющих: Воображаемого, Символического и Реального.

«*Воображаемое*» характеризует доэдиповскую стадию развития сознания, где «Я» стремилось слиться с тем, кто воспринимается как «Другой». «Стадия воображаемого» с её «зеркальным Я» формируется, по Ж. Лакану, на доязыковом уровне. В *Символическом* больше не существует однозначно-прямолинейного отношения между вещами и тем, как они именуются. Символ апеллирует к открытой, лишённой замкнутости и конечности системе смысла. *Реальное* – самая проблематичная категория, так как находится за пределами языка. У Л. Виттенштейна Реальное названо положением вещей, представляющим собой аранжировку образов вещей, которые, в свою очередь, определяют горизонт дискурсивного пространства человека.

Воображаемое, Символическое и Реальное позже стали ассоциироваться с операционными дискурсивными системами, названными Мишелем Фуко эпистемой (знанием).

В процессе коммуникации, – пишет Р. Барт, – имеет место акт, который всегда происходит заново, даже если он повторяется, акт, смысл которого всегда иной. Однако, доходя до своего адресата, этот знак воспринимается собеседником как стабильный знак, как порождение полного кода, содержание которого воссоздаётся вполне адекватно. Иными словами, смысл того, что написано автором – это не то же самое, что воспринимается читателем. Эта фундаментальная диссимметрия языка, лингвистически объясняемая О. Есперсеном и затем Якобсоном в терминах «шифтера» или частичного совпадения сообщения и кода, в конце концов привела к пониманию того, что интерсубъективность, или, скорее, интерлокуция, может быть достигнута только глубоким и чаще

⁸ Языковая личность в лингвосинергетике – характеристика, от синергетического дискурса неотделимая, более того, этот дискурс порождающая и определяющая.

всего лишь косвенным погружением в лабиринты смысла (см. работы Ю. Кристевой, Цв. Тодорова, МакКейба и др.).

В результате каждой отдельной сфере стал приписываться свой субъект: Реальному – говорящий субъект, Воображаемому – субъект высказывания, Символическому – субъект акта высказывания. Такой подход, можно допустить, создал необходимые предпосылки для разграничения языка и дискурса. Язык относится к сфере Воображаемого, а дискурс – к символической сфере. Дискурсивное сознание в современной постструктуралистской интерпретации понимается как принципиально нестабильное, динамически подвижное образование, способное существенно видоизменяться в зависимости от того языкового материала, который в той или иной мере принимает участие в его конституировании.

7.2. Лингвосинергетика

Синергетическое мышление в лингвистике – это мышление мультипарадигмальное, или даже, лучше сказать, межпарадигмальное и плюралистичное. Синергетический плюрализм, будучи ориентирован на компромисс, выводит нас за границы традиционных антиномий противопоставлений и вводит в мир нелинейности, неоднозначности, метафоричности, случайности смыслов синергетических образов и гештальтов, их незавершённости, диалогичности, а потому и гипертекстуальности, и интертекстуальности.

Само понятие «синергетика» используется в двух ракурсах: (а) в философском и (б) узком, специфическом смысле. Первое его понимание достаточно ёмко представлено в трудах П.А. Флоренского [1990: 286]. Предвосхищая идеи современной синергетики, исследующей принципы самоорганизации динамических систем (Николис, Пригожий), русский философ писал: «Связь бытий <...> есть синергия, содеятельность бытий <...> Она не состоит в тождественном равенстве ни с одним из бытий, будучи *новым* в отношении каждого из них; но она *есть* каждая из них».

Размышляя над природой языка, П.А. Флоренский пришёл к убеждению: «Слово синергетично» [1990: 263]. «Слово *больше себя самого*. И притом, *больше* — двояко: будучи самим собою, оно вместе с тем есть и субъект познания и объект познания» [1990: 293]. «В слове уравниваются и приходят к единству две накопившиеся энергии... Оно не есть уже ни та, или другая энергия порознь, ни обе вместе, а новое двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире... Но нельзя сказать: "оно само по себе". Без того или без другого из соединяемых им полюсов оно вовсе не есть» [Флоренский 1990: 292].

Для дискурса естественного языка, по Флоренскому, главным оператором является производящий дискурс говорящий субъект, точнее – его деятельное сознание, реализующее себя в речевых действиях.

Обратим внимание на то, что П.А. Флоренский говорит о деятельном сознании. «Деятельное» потому, что сознание в целом образуется

функциональными структурами в речевых зонах больших полушарий (главным образом в левом), способными управлять и контролировать имеющуюся в памяти информацию. Иными словами, сознание – это сознание, которое может быть передано (сообщено) человеком другим членам сообщества, в том числе другим поколениям с помощью тех или иных знаковых средств. Коммуникативно-семиотическую сущность сознания предопределило появление теории **языкового сознания**. По словам П.В. Симонова, «сознание есть знание вместе с кем-то (сравни с со-чувствием, со-переживанием, со-трудничеством)» [Симонов 2001: 66]. Именно языковое сознание обеспечивает возможность диалога не только с другими, но и мысленный диалог человека с самим собой, т. е. создаются предусловия для появления самосознания.

Для когнитивно-синергетической теории языка важно то, что феномен языкового сознания есть следствие того, что мозг каждого члена языкового сообщества имеет связь с мозгом хотя бы ещё одного человека, образуя как бы одну общую нейронную сеть. Таким образом, языковое сознание есть **кооперативное, критическое** явление. Причём изменения в одной части нейронной сети сказываются на свойствах другой, даже наиболее удалённой части. Такая связь одного мозга с другим поддерживается благодаря фундаментальному свойству критических флуктуаций распространяться на дальние расстояния, получившему название скейлинга. В силу такого свойства нейронной сети и появилась возможность обмена информацией даже между наиболее удалёнными областями. А это и есть основное свойство сознания. При этом необходимо обеспечить связь между этими двумя нейронными сетями, чтобы была физическая возможность распространения критических флуктуаций. Такую связь и обеспечивает естественный язык.

Для феномена языкового сознания существенную роль играет **сверхсознание** – творческая интуиция, или вдохновение [Евин 2004]. Мозг в этом случае находится в надкритическом состоянии. Это происходит тогда, когда сигнал извне вызывает взрывоподобный эффект цепных реакций и соединяет вход нейронной сети буквально со всей информацией, уже хранящейся в мозге.

Благодаря тому, что сверхсознание не контролируется сознанием, возникают явления интердискурсии в поэзии, в других видах словесного творчества, особенно у детей (у них мозг находится, как правило, в надкритическом состоянии). Для понимания сущности «живого» слова не менее важное значение имеет и **подсознание** – набор программ речевого поведения, заученных в процессе развития, успешных автоматизироваться, ставших речевыми навыками и речевыми стереотипами. Использование в дискурсивной деятельности речевых стереотипов требует активизации значительно меньшего количества нейронов, чем при восприятии новизны. Это указывает на то, что в

физическом смысле подсознанию отвечает докритическое состояние мозга, когда отсутствуют дальние корреляции. Итак, словотворческой деятельности человека присущи все качественные свойства неравновесных критических состояний, присущих синергетике.

Важнейшей чертой когнитивно-синергетической методологии является отказ от принципа конструктивного единства и упорядоченности как конечного идеального состояния, к которому лингвистическая мысль пытается прорваться сквозь «хаос» речемыслительного континуума. Во всяком речемыслительном феномене в первую очередь ценится его синергетическая многоликость, наличие разнородных и противоречивых компонентов, тенденций и голосов. Видимо, поэтому к последней трети XX в. стало очевидным, что линейная лингвистика, по сути дела, утрачивает свой конструктивный потенциал.

В лингвистике XX века, ориентированной на «отражательную философию», как бы не замечали того факта, что лингвокогнитивный процесс не исчерпывается отражательными процедурами, а его результат – знание как вербализуемый образ познаваемого – достигается, как правило, другими по природе средствами или в тесном взаимодействии с ними. Современная лингвокогнитивная философия позволяет расширить спектр когнитивных средств. Наряду с *отражением* методологически важными являются:

(а) **репрезентация** — как амбивалентный по природе феномен одновременного (1) представления (отражения) объекта в языковом сознании и (2) его замещения (конструирования, моделирования) языковым знаком;

(б) **концептуализация** – процесс языкового членения континуума опыта с целью классификации и структурирования знаний в виде концептов с последующей их вербализацией;

(в) **категоризация** – процесс объединения полученных сведений под определённую рубрику опыта, категорию; следовательно, концептуализация и категоризация – противоположенные процессы: первый направлен на выделение неких минимальных идеальных единиц человеческого опыта; второй – на их интегрирование в более крупные разряды (категории);

(г) **конвенция** – как обязательное коммуникативное по своей природе звено в лингвокогнитивной деятельности человека, предназначенное для условно-семиотической объективации мысли;

(д) **интерпретация**, которая есть не только момент познания (не только толкование, направленное на раскрытие смысла – В.И. Карасик), но и *способ бытия* концепта как осуществленного понимания его смыслового содержания.

Такой подход особенно ценен для лингвокогнитивного исследования прямых, вторичных и косвенно-производных образований в системе текста (образования сукцессивного, линейного) и дискурса

(явления принципиально симультанной, нелинейной организации). Утверждающаяся методология учитывает в первую очередь природу познания. Ведь субъект познания, прежде всего, – это субъект и н т е р п р е т и р у ю щ и й, поскольку существование человека говорящего, его речемыслительная деятельность развёртываются не только и не столько в объективной действительности, сколько в мире созданных им языковых образов и знаковых (символических) форм, объективно присущих любой лингвокультуре.

7.3. Семиология

Интерпретация, за которой всегда стоит субъект, задающий и считающий смыслы, опирается на *нелинейный* образ мира, фокусирующий в себе, по крайней мере, три источника познания: (а) бытийно-экзистенциальный, (б) социокультурный и (в) собственно когнитивные его аспекты – гносеологические, методологические и герменевтические. Признание фундаментальной значимости интерпретирующей функции субъекта речемыслительной деятельности вызывает необходимость вернуться к ней уже с точки зрения современной когнитивной лингвистики. Устремившись на поиски последнего и недостижимого смысла, мы тем самым, по словам У. Эко, соглашаемся с существованием неостановимого «скольжения смысла». Его поиск – предмет когнитивной семиологии, если, конечно, под *семиологией* понимать не синоним к термину *семиотика*, а некую **семиотропию**, где знак воспринимается как «вспышка воображаемого» (Р. Барт).

Умберто Эко в своей «Отсутствующей структуре» выделяет раздел «Введение в семиологию», где даёт своё понимание семиологии. Суждения Р. Барта и У. Эко побуждают рассматривать семиологию как некую междисциплинарную науку синергетического характера, в которой все феномены культуры изучаются под постоянным доминированием принципов и целей коммуникации.

В отличие от Ф. де Соссюра, Р. Барт трактует семиологию как некую транслингвистику, изучающую только те знаковые системы, которые подвластны законам языка. Однако ближе всего к отечественному истолкованию семиологии стоит У. Эко. Под семиологией он понимает общую коммуникативную теорию построения сообщений на основе знаковых систем. В отечественном языкознании предмет семиологии сужается (Ю.С. Степанов, А.А. Уфимцева, В.С. Виноградов). Таковым признают *не любые феномены коммуникации*, а лишь *словесные знаки*, рассматриваемые не в системе языка, а в д и с к у р с е как особой когнитивно-коммуникативной среде.

Признание дискурсивной сущности семиологии предполагает осмысление её отношения к семантике с позиций теории постмодернизма. Диапазон такого осмысления чрезвычайно широк: от отрицания семантики – до сведения к ней всех семиологических исследований. Острые

споры и теоретизирования в области семантики философов, психологов и лингвистов в последние два века привели к тому, что де Мауро назвал «боязнью значения».

От Карнапа до Квина, от Витгенштейна до английской аналитической школы размышление над значением всегда было непростым и противоречивым. Хочется надеяться, что когнитивно-семиологический подход к слову позволит выйти на уровень его синергетического осмысления, то есть избежать сугубо *философских* размышлений над сущностью значения, выйти за пределы психологии, культурологии и «чистой» когнитивистики, объединив их, однако, под эгидой лингвистики. При таком подходе слово действительно может служить вратами в мир языкового сознания, в ценностно-смысловое пространство дискурса.

Таким образом, основным объектом когнитивно-синергетического направления в современном лингвистическом постмодернизме являются (а) дискурс как среда осуществления речемыслительной деятельности человека, (б) дискурсивное мышление в его когнитивно-коммуникативном понимании [Седов 1999: 162] и (в) дискурсивная синергетика как взаимодействие (содеятельность) когниции, дискурсии и культуры.

Если теория дискурса и лингвокультурологии не обделены вниманием современных исследователей, то дискурсивная синергетика остаётся пока в нашей науке «белым пятном». Основной причиной тому является неопределённость множественных интерпретаций самого дискурса и его объективно многокачественная природа. Поворачиваясь к исследователю той или иной своей гранью, д и с к у р с открывает ему лишь «видимую» часть айсберга. Насколько многогранен дискурс, настолько он и многосложен в определении [Chafe 1994: 49]. Осмысление синергетических граней дискурса, думаю, позволит получить новые сведения о его свойствах, признаках и функционально-коммуникативных (семиологических) возможностях. Одной из таких граней дискурса является его рассмотрение в ракурсе сложных самоорганизующихся систем. Однако такого рода идея ставит перед нами ещё один непростой вопрос: насколько системным может быть дискурс? Тем более, системой сложной и саморазвивающейся? Только ответив на этот вопрос утвердительно, можно говорить о дискурсивной синергетике, тем более в русле идей лингвистического постмодернизма, своеобразно понимающего соотношение порядка и хаоса. Это влечёт за собой необходимость выявления и исследования структурной организации дискурса, поскольку обязательным признаком любой системы является её структура [Кубрякова 2000: 7-25; Макаров 2003: 16]. Собственно, это первое требование синергетического подхода, согласно которому самоорганизующаяся система должна включать в себя как минимум две иерархически связанные подсистемы, каждая из которых моделирует не только состояние другой, но и состояние среды (в нашем случае этнокультурного пространства системно

организованного дискурса). В качестве базового элемента структуры дискурсивного пространства мы берём пропозицию, которая в единстве с событийным контекстом лежит в основе смыслового содержания текста (Г.Г. Почепцов). Мы говорим о смысловом содержании текста не случайно: ранее сформулированное нами определение дискурса недвусмысленно указывает на два его системообразующих компонента – текст и когнитивно-событийный контекст. Напомним: д и с к у р с – это сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль в понимании и восприятии информации.

Текст и когнитивно-событийный контекст как составляющие дискурса взаимно предполагают друг друга, иными словами, они взаимно детерминируемы. Уже этого вполне достаточно, чтобы утверждать: дискурс – сложно организованная система (И.С. Шевченко) со своеобразно проявляющимися синергетическими свойствами. Сложная потому, что в составе дискурса наряду со структурными элементами текста активизируются элементы среды, в качестве которой служит когнитивно-событийный контекст. Таковыми выступают излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация, а также «не-события»: обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события. Кроме того, такое понимание дискурса (единство двух подсистем – текста и его когнитивно-событийной среды) требует дополнительной аргументации. Поскольку, как мы выяснили, в состав дискурса входят две подсистемы, естественно было бы выяснять синергетические связи дискурса, текста и когнитивно-событийного контекста с языковой личностью, речевым смыслом и мышлением.

В моём понимании, дискурс – это синергетическое образование, в котором языковая личность – это и дискурсопорождающий феномен, и продукт дискурсивной деятельности. Когнитивная ценность дискурса определяется диалоговой природой языковой личности, открытой и креативной, от которой зависит достижение устойчивой интерсубъективной гармонии в синергетической организации дискурса вообще и структуры текста как его продукта в частности.

В такой интерпретации дискурса становятся мотивированными следующие его когнитивно-синергетические свойства:

а) как коммуникативное событие – это синергетическая амальгама языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации;

б) образуя собой своеобразное ценностно-смысловое единство, дискурс предстаёт как лингвокультурное образование;

в) в отличие от речевых актов и текста в его традиционном толковании (последовательной цепочки связанных высказываний), дискурс следует рассматривать как социальную деятельность, в рамках которой

ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности;

г) как «речь, погружённая в жизнь», или «текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1999: 136-137], дискурс, преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию, становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим «устройством», экзегетическим «текстом» культуры, ментальным фрагментом «возможного мира» (возможного положения дел, вариативного развития событий).

Согласно первому критерию, дискурс становится знакообразующей базой в силу своей многоплановой структуры, на разных уровнях которой осуществляется когнитивная обработка информации, исходящей от всех участников коммуникативно-прагматической ситуации (внеязыковой действительности; намерений, установок и понимания коммуникантов; семантики языковых единиц и т. п.). В связи с этим смысловое содержание дискурса значительно шире и глубже семантики высказываний. Если признать дискурс билатеральным явлением, то можно говорить о том, что его означаемое асимметрично по отношению к означаемому – последовательной цепочке речевых актов. В результате означаемое дискурса требует своей актуализации новым языковым или речевым знаком. Нередко отдельные фрагменты такого означаемого получают разное знакообозначение.

Именно в результате таких лингвокреативных преобразований смысловых конститuentов антропосферы дискурса [Сергеева и др.: 2007] в процессе лингвосемиозиса и порождается национально-языковое видение картины мира. Перспективы лингвистического постструктурализма, на мой взгляд, во многом зависят от того, удастся ли найти оптимальный баланс между его собственными принципами и лингвистическими традициями, который бы обеспечил преемственное развитие науки о языке.

Глава 8

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (русско-словацкий аспект)

8.1. Языковая категоризация действительности и понятие языковой картины мира

«Язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», – писал В. фон Гумбольдт. Вот почему в ходе своей познавательной деятельности человек реализует потребность не только в наименовании, но и в категоризации действительности. Результаты данных процессов выражаются средствами языка как основного коммуникативного инструмента человеческого общества. О том, что именно через язык можно проникнуть в тайны человеческого мышления и психики, уже в конце XVIII века начал говорить Вильгельм фон Гумбольдт, который в 1804 г. написал в письме Ф. Вольфу: «Мне удалось открыть – и эта мысль всё более мною овладевает, – что через язык можно проникнуть в высочайшие и глубочайшие сферы и во всё многообразие мира» [Humboldt 1990: 45]. Эта мысль стала отправной точкой многих последующих теорий, рассматривающих психические, ментальные, социальные и многие другие процессы через призму языка, что привело не только к развитию таких смежных гуманитарных дисциплин, как психолингвистика, этнолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика и др., но и к обогащению лингвистического понятийного аппарата и научной методологии результатами исследований, проводившихся на базе других гуманитарных наук. Особенный вклад в разработку проблематики связи языка и мышления внесла психология, на основе методологии которой возникли целые когнитивные школы. Значительное место в когнитивных исследованиях занимает и американская когнитивная лингвистика, восходящая к этнолингвистической теории языковой относительности Э. Сепира (1884 – 1939) и Б. Уорфа (1897 – 1941), главным постулатом которой является утверждение о том, что человек воспринимает природу так, как позволяет ему структура его языка [Whorf 1956: 295]. Современная американская когнитивная школа ориентирована в основном на проблематику языковой категоризации действительности посредством образного мышления (труды Дж. Лакоффа, М. Джонсона, Р. Лангакера, Э. Рош и др.).

Эту особенность человеческого мышления В. фон Гумбольдт назвал «sprachliche Weltansicht», что И.А. Бодуэн де Куртенэ в энциклопедии Брокгауза и Ефрона перевёл как «языковое мировидение» [1904, цит. по

Бодуэн де Куртенэ 1963: 71] и что в современной лингвистике принято называть языковой картиной мира (ЯКМ). В своём фундаментальном труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (Берлин 1836), вошедшем в классику мировой лингвистики, Гумбольдт первым высказал мысль о неразрывной связи языковой картины мира с процессом коммуникации в человеческом обществе: «Люди понимают друг друга не потому, что передают друг другу знаки вещей, и не потому, что взаимонастраиваются на точную и совершенную репродукцию одного и того же понятия, а потому, что один в другом взаимно дотрагиваются до одного и того же звена в цепи своих смысловых представлений и основы внутренних понятий, нажимают на одну и ту же кнопку духовного инструмента, благодаря чему в сознании каждого из них всплывают соответственные, хотя и не тождественные, понятия» [Humboldt 2000: 135, перевод Н.К.]. Хотя формулировка данной идеи принадлежит В. фон Гумбольдту, но первая зафиксированная в истории Европы мысль об общепринятых понятиях, определяющих возможное и невозможное, восходит ещё к «Поэтике» Аристотеля и его учению о топосах (Аристотель, «Поэтика», книга 2, разделы 21 и 22).

На современном этапе когнитивных исследований общеизвестным и доказанным является факт, что человек мыслит образами, которые облекаются в слова (вербализуются) посредством языка. Данные психологии убедительно доказали, что по организации языка можно судить о внутренней структуре и расчленённости образов [Малышев 2009: 26], из чего следует утверждение: «Очевидно: то, что трудно даётся человеку в системе образов, то трудно воплотимо и в языке, так как язык – это инструмент установления смысловых связей между словами, скрывающими под собой образы явлений» [там же].

Прослеживая связь познавательных процессов с языком, Е.В. Клобуков отмечает: «Человек в ходе своей познавательной деятельности осуществляет и фиксирует в языковых средствах глобальную категоризацию мира, выстраивая содержательные противопоставления различного типа – от самых общих до вполне конкретных» [Клобуков 2005: 40]. Степень абстрактности (обобщённости) данных противопоставлений, или оппозиций, определяет их отнесение к разным уровням категоризации. Дуализм в принципе свойственен человеческому мышлению, следствием чего является склонность к формированию бинарных оппозиций, представления о которых уходят корнями в диалектику Платона и формальную логику Аристотеля и которые получили первое терминологическое определение в трудах Н.С. Трубецкого [Трубецкой 2000: 72 – 78].

На данной основе строится и языковая картина мира, которая имеет глобальные свойства, общие для всего человечества в силу типовых особенностей структуры человеческого мышления, и национальную специфику, обусловленную особенностями национального мировосприятия,

традиционной культурой, религией и т. д. Б. Уорф считал, что каждый язык по-своему ориентирует внимание на тех или иных сторонах действительности, навязывая всем думающим на этом языке свой способ членения мира [Уорф 1957; Уорф 1960]. Структуризация мира с помощью языковых средств находится в естественной связи со структурой самого языка, поэтому содержание понятия «языковая категоризация» неоднозначно. В каждом конкретном случае оно может определяться предметом исследования, его задачами и теоретическими основаниями, на что обращает внимание в своих трудах А.В. Бондарко, приводя обзор трактовок категоризации в сфере грамматики [Маслов 1959; Кацнельсон 1972; Кацнельсон 2001; Кубрякова 1998; Грамматические категории 2003; Lehmann 1999; Lehmann 2004 и др.], в распространении на лексику [Kačala 2003] и в области когнитивной лингвистики, где чаще говорится о категоризации действительности [Rosch 1978; Lakoff 1988; Langacker 1987 и др.], и предлагая многоаспектную трактовку категоризации, включающую в числе прочего стратификацию семантики, отношения между категориями и их компонентами, выявляемые на основе принципа естественной классификации, межкатегориальные связи, взаимодействие системы и среды и т. д. [Бондарко 2002; 2004; 2007 и 2008]. Собственно говоря, термин «категоризация мира» позаимствован из эпистемологии и в когнитивной лингвистике нередко выступает как «языковая категоризация» или «языковая концептуализация»; он может распространяться как на историю национальной ЯКМ, так и на уже сформированную ЯКМ, прежде всего с системно-структурной точки зрения [см.: Булыгина – Шмелёв 1997; Мечковская 2010]. Однако «категоризация» и «концептуализация» не всегда рассматриваются как синонимы – напр., Е.С. Кубрякова предприняла попытку разграничения данных понятий [Кубрякова 2004: 307 – 317].

В связи с концептуализацией современная наука различает наивную и научную картины мира. Особенно чётко эта граница проводится Ю.Д. Апресяном и его последователями, на основании чего был разработан проект «Нового объяснительного словаря синонимов». Во введении к первому выпуску словаря Ю.Д. Апресян суммирует основные положения этой концепции, которые он считает наиболее существенными для системной лексикографии, следующим образом:

«а. Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Основные концепты языка складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

б. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков.

в. С другой стороны, он «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, наивные представления о внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятков поколений говорящих и способны служить надёжным проводником в этот мир.

г. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, наивную психологию. Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определённые системы» [НОСС: 44 – 45].

В трудах большинства зарубежных учёных научная картина мира не рассматривается как объект лингвистического исследования, а понятие «наивная картина мира» практически приравнивается к понятию «языковая картина мира», которое доминирует в научных трудах данной тематики и восходит к наследию В. фон Гумбольдта (*linguistic image of the world* в английской терминологии, *językowy obraz świata* в польской терминологии, *jazykový obraz sveta* в словацкой терминологии и т. д.).

При таком разнообразии, а зачастую и пересечении подходов и методов неудивительно, что как в понятийном аппарате когнитивной лингвистики в целом, так и в теориях языковой категоризации действительности и языковой картины мира в частности нет единства. Один из основоположников польской когнитивной школы Ежи Бартмиński, который уже несколько десятилетий исследует проблематику языковой картины мира, справедливо подчёркивает, что в данном вопросе необходимо определить теоретическую и методологическую базу, в которой мировая лингвистика пока не достигла единого мнения (ср. Глава 1). При самом определении понятия «языковая картина мира» разные учёные приходят к относительно согласию только в том, что данное понятие включает в себе комплекс представлений о мире или, иными словами, «эффекты концептуализации мира, закреплённые в системе – в лексике, фразеологии и грамматике» [Bartmiński 2009: 7, перевод Н. К.]. Однако данное определение не затрагивает функционирующие в языке разные типы текстов, как не затрагивает и область мышления – представлений о мире и верований каждого конкретного народа, хотя обе эти сферы являются необходимыми и релевантными компонентами языковой коммуникации (точнее, данные аспекты затрагиваются далеко не всеми исследователями проблематики языковой картины мира).

В славянских странах теория языковой картины мира особенно активно развивается в России и Польше. В Польше это т. н. вроцлавско-люблинская школа и труды А. Вежбицкой, Е. Бартмиńskiego, Р. Токарского, Я. Адамовского, В. Хлебды, Я. Пузыниной, Я. Анусевича, Р. Гжегорчиковой и др. В России данная проблематика наиболее подробно исследуется в рамках Московской семантической школы – концепции модели мира

и наивной модели мира рассматриваются в трудах Ю.Д. Апресяна, В.В. Иванова и В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Н.И. и С.М. Толстых, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелёва и др. Первой попыткой теоретического обобщения этих идей стала коллективная монография «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» под ред. Б.А. Серебренникова (Москва, 1988). Понятие языковой картины и модели мира особенно прочно вошло в обиход российской этнолингвистики, восходящей к концепции внутренней формы слова А.А. Потебни, известными представителями которой являются Н.И. и С.М. Толстые, Л.Н. Виноградова, Т.В. Цивьян, С.Е. Никитина, Е.Л. Березович и др.

Проблема миромоделирования является одной из фундаментальных проблем науки (начиная с трудов В. фон Гумбольдта, Э. Сепира и Б. Уорфа и продолжая этнолингвистическими школами Н.И. и С.М. Толстых, Ежи Бартомиńskiego и многими другими российскими и зарубежными учёными). В настоящее время она решается как в результативном, так и в функциональном аспекте. Основные положения, к которым пришла современная наука, можно обобщить в ёмком определении, данном российским нейрофизиологом и кибернетиком В.Н. Малышевым: «За семантической детерминированностью языка стоит некая модель мира, построенная его носителями и совершенствуемая в какую-либо сторону в зависимости от истории» [Малышев 2009: 28]. С языковой точки зрения любая модель мира отражена в языковой картине мира, формирующейся под влиянием таких выраженных языковыми средствами миромоделирующих категорий, как пространство, время, ценностность и т. д. Она представляет собой динамичное образование, обусловленное социокультурным контекстом, вследствие чего всегда имеет национально-культурную специфику.

8.2. Когнитивные доминанты национальной ментальности и их отражение в языке

Национальная картина мира каждого народа содержит универсальные компоненты, обусловленные самой структурой человеческого сознания, и национально-специфичные черты, которые базируются на особенностях национального сознания и самосознания народа, воплощённых в языке. Именно неотъемлемость языкового компонента национального самосознания как онтологической и эпистемологической категории вызвала острый интерес лингвистов к данной проблематике, нацеленный прежде всего на способы языкового выражения национальной идентичности [Gajda 2008; Kramer 2008 и др.].

Особенности каждой национальной картины мира представляют собой те структурные элементы представлений об окружающей действительности, которые отличают её от других национальных картин, но общая структура этих картин тождественна, поскольку человечество мыслит по одним и тем же схемам, опираясь на кванты своего знания о

мире – кон ц е п т ы. С точки зрения когнитивной лингвистики мышление есть прежде всего оперирование концептами, которые мы в традициях таких российских исследователей, как З.Д. Попова, И.А. Стернин и Н.Ф. Алефиренко, будем понимать как глобальные единицы структурированного знания [Попова, Стернин 1999; Алефиренко 2008]. Являясь глобальной мыслительной единицей, концепт всегда имеет обобщённо-образный, метафорический характер, и потому его вербализация в разных языках, будучи денотативно тождественной, заключает в себе разные наборы сем – ведь образ, возникающий при воспроизведении одного и того же денотата, будет непременно отличаться у разных народов, а в некоторых случаях и у представителей одного и того же народа. Отличается и набор концептов, отражающих традиционное миропонимание народа и формирующих кон ц е п т о с ф е р у национального языка (термин Д.С. Лихачёва).

Согласно Д.С. Лихачёву, интерпретация концептосферы языка сближается с пониманием культуры народа. Учёный утверждал: «Концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации – её литература, фольклор, наука, изобразительное искусство (оно также имеет непосредственное отношение к языку и, следовательно, к национальной концептосфере), она соотносима со всем историческим опытом нации и религией особенно» [Лихачёв 1997: 153]; «Концептосфера языка – это в сущности концептосфера русской культуры» [там же: 157]. Учёный считал национальный язык своего рода «заместителем» культуры и показателем её богатства [там же]. В свете современного состояния гуманитарных наук можно утверждать, что в XXI веке функции языка стали намного шире, поскольку значительно расширились и приобрели новое качество сферы жизни, которые он обслуживает – это в первую очередь межнациональная и межкультурная коммуникация, которая стала гораздо более интенсивной, пользуется намного более широким спектром средств передачи информации и характеризуется активным взаимопроникновением культур. Поэтому в исследовании когнитивных функций и особенностей языка на первый план выходит изучение его функционирования в различных коммуникативных ситуациях и контекстах, т. е. дискурсивный аспект функционирования языка. Проблематике когнитивно-дискурсивной специфики различных языковых явлений посвящены труды когнитивно-семиологической школы Н.Ф. Алефиренко и его последователей (С.В. Ракичиной, Л.Г. Золотых, И.А. Чумак-Жунь, Е.А. Огневой, Е.Г. Озеровой и др.), мы же обратим внимание прежде всего на компаративные аспекты лингвокогнитивистики.

Не подлежит сомнению, что на развитие национальной ментальности и национального языка в целом и когнитивных приоритетов языка в частности оказывает влияние целый комплекс экстра- и интралингвистических факторов, каждый из которых может в какой-то момент оказаться преобладающим в определённых культурно-исторических

условиях. Однако в этом комплексе присутствуют и такие факторы развития, которые релевантны при любых условиях и оказывают определяющее воздействие на формирование языковой картины мира данного народа. Из экстралингвистических факторов это прежде всего ландшафт традиционной среды обитания народа (фактор географического детерминизма), культурный опыт, накопленный во всех сферах материальной и духовной жизни народа, и его традиционные верования. Воплощаясь в языке, данные факторы вербализуются в виде концептов, отражающих особенности национального мировосприятия и когнитивные приоритеты данного народа.

При всём многообразии населяющих Землю народов и их культур существуют общечеловеческие ценности, присутствующие в культуре любого народа. Такого рода универсальные представления о мире выражены в концептах типа «Жизнь», «Смерть», «Любовь», «Щедрость», «Богатство», «Бедность» и т. д. Однако семантика слов, репрезентирующих данные концепты, стоящие за ними образы и их ассоциативные связи у разных народов различаются в силу отличий в их традиционном укладе жизни, религиозных предпочтениях, материальной и духовной культуре в целом. Например, концепт «Вера» отличается своим смысловым содержанием у христианина, мусульманина и буддиста. Поэтому даже у генетически близких народов с родственными языками, где можно предполагать внешне подобную структуру концептосферы, наблюдаются отличия в смысловом наполнении отдельных когнитивных структур и том статусе, который они имеют в языковой картине мира данного народа. Поскольку концепт представляет собой квант структурированного знания, а структура знания имеет у каждого народа свою национально-культурную специфику, то даже при аналогичной вербализации концепта в разных языках его семантическое наполнение и ассоциативные связи могут значительно расходиться. Иными словами, концептосферы таких языков будут при формально аналогичном наборе концептов и родственных им когнитивных структур иметь различные когнитивные доминанты, заключающие в себе национально-культурную специфику. Рассмотрению именно таких национально-специфичных когнитивных доминант, в отличие от универсальных когнитивных доминант, присущих любой национальной ментальности, мы и посвятим наше исследование.

Когнитивные доминанты в языке возникают путём вербализации когнитивных (ментальных) приоритетов говорящего на данном языке народа, которые, будучи результатом национального миромоделирования, проявляются во всех сферах его жизни и не являются принадлежностью одного лишь языка, хотя и выражаются его средствами. Потому и в лингвистическом (точнее, лингвокогнитивном) аспекте можно рассматривать когнитивные доминанты в более узком понимании как приоритетные элементы национальной концептосферы языка – системы его

устойчивых образов, ценностей и ассоциаций (т. е. национально-специфичные когнитивные доминанты), так и в более широком понимании как составляющие национальной языковой картины мира, включающей в себя не только концептосферу, но и весь комплекс взаимосвязей и взаимовлияний, возникающих при выражении национального мировосприятия посредством языка (т. е. универсальные когнитивные доминанты).

Поскольку одним из базовых свойств концептов является их организация в иерархические, часто ассоциативные семантические сети [ср.: Кубрякова и др., 1996: 90-93], то концепты, формирующие национальную концептосферу каждого языка, могут состоять из субконцептов – таких единиц структурированного знания народа об окружающей действительности, которые могут как выступать в качестве самостоятельных концептов, так и формировать другие концепты в качестве их составных частей (концептуальных признаков, или компонентов). Данный термин вводится нами для различения причинно-смысловых связей при формировании когнитивных доминант, хотя в лингвокогнитивистике он не распространён. Вводя понятие «субконцепт», мы считаем необходимым разграничить те случаи, когда концепт выступает как доминантный мыслеобраз, т. е. собственно концепт, и когда он выступает как компонент другого концепта, т. е. субконцепт, сохраняя при этом свои свойства. Иными словами, нам важно подчеркнуть иерархию во внутренней структуре концепта с точки зрения когнитивной доминантности того или иного смысла. Как когнитивно доминантные могут выступать разные *форматы концептуализации* результатов познавательной деятельности человека (термин Н.Ф. Алефиренко), которые мы будем обобщённо именовать *когнитивными структурами*.

8.2.1. Географическая детерминированность национально-специфичных когнитивных доминант языковой картины мира

Пространственные отношения играют важную роль в осуществляемом человеком миромоделировании, поскольку в языковой картине мира они предстают как расположение предметов относительно человека и относительно других предметов [ср.: Яковлева 1994]. При этом определяющей является позиция человека как субъекта мировосприятия. Его участие в пространственной структурированности мира абсолютно, поскольку наличие и расположение другого (предмета, лица) конституирует пространство [Порядина 2007]. «Пространство не является простымместищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими, и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам. /.../ часто пространство ощущается, воспринимается именно через «эманацию» вещей, его заполняющих» [Яковлева 1994: 21]. Данные свойства пространственной оценки окружающей действительности с языковой точки зрения подробно изучались российскими и польскими учёными [Maciejewski 1996;

Adamowski 1999; Tokarski 1990; Piętkowa 2001; Przestrzeń w języku i kulturze 2005; Яковлева 1994; Пименова 1999; Арутюнова 2000; Картины русского мира... 2007 и др.]. Им предшествовали исследования Ж. Маторе, Ж. Женетта, Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Matoré 1962; Genette 1976; Lakoff – Johnson 1980].

Как отмечает Р.Н. Порядина, в силу первичности восприятия пространства, в силу наивысшей абстрактности и субъективности пространственные модели восприятия действительности оказываются естественным и удобным механизмом для осмысления отношений типа «человек – человек», «человек – общество», «человек – мир» [Порядина 2007: 13]. «Модели физического пространства заимствуются как образцы осмысления при физическом явлении внутреннего, психического мира человека и переносятся на восприятие духовных сущностей» [там же]. Внутренний, духовный мир человека естественным образом «конструируется» в сознании, осмысливается по аналогии с внешним, что выразительно иллюстрирует концептуальный анализ многих универсальных единиц человеческого сознания, отражающих различные форматы концептуализации результатов познавательной деятельности – таких, как «ум», «сознание», «сердце», «совесть»⁹, «душа»¹⁰, «мысль»¹¹, «земля»¹², «причина» и т. д., которые интерпретируются через вписанность в разные пространственные модели, главным образом, имеющие вертикальную, горизонтальную, внутренне-внешнюю и круговую организацию [Порядина 2007: 14]. Именно это даёт основания утверждать, что «пространство – отделяя от этого термина метафорические ассоциации – является с и н о н и м о м у н и в е р с а л ь н о г о н а б о р а ц е н н о с т е й» [Lipiec 1992: 21, перевод и разрядка Н.К.].

Организация пространства, в свою очередь, тесно связана в сознании человека с ландшафтом традиционной среды его обитания и находится в непосредственной взаимосвязи и взаимозависимости с ним, что делает фактор географического детерминизма одним из главных факторов, обуславливающих формирование наивной картины мира. Поскольку представления об устройстве действительности и жизни в ней выстраиваются на основе пространственных прототипов восприятия, ландшафтные факторы находят своё непосредственное отражение в языковой картине мира (и, соответственно, в концептосфере) каждого естественного языка.

⁹ Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54 – 78.

¹⁰ Буянова Л.Ю. Концепт «душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации // Культура, № 2 (80), 2002 (http://www.relga.rsu.ru/n80/cult80_1.htm).

¹¹ Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово, 1999.

¹² Гынгазова Л.Г. Словарь диалектной языковой личности как отражение концептуализации мира // От Словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. Владивосток, 2002. С. 136 – 145.

С этой точки зрения представляется целесообразным сравнить не контактирующие родственные языки, развивавшиеся в различных географических и историко-политических условиях, повлиявших на формирование языковой картины мира данных народов. Обратимся сначала к славянским языкам и в качестве объекта сравнения возьмём языки разных групп – словацкий из западнославянских и русский из восточнославянских, к которым в перспективе будет постепенно присоединён материал других родственных и неродственных языков.

Наши исследования, проводимые уже несколько лет на сопоставительном материале русского и словацкого языков, убеждают в том, что именно типичный ландшафт среды обитания народа играет определяющую роль в формировании концептосферы его национального языка. И хотя идея географического детерминизма сама по себе не нова и впервые прозвучала ещё в науке Нового времени [Ключевский 1990; Бердяев 2004; Бердяев 1990; Соловьёв 2005; СМК 82-83; обзор см. также: Ривера 2004], но до сих пор она высказывалась, как правило, не филологами, а гуманитариями других отраслей (философами, историками, психологами) и не подкреплялась конкретными языковыми фактами [Федотов 1926; Гумилёв 1991; Лихачёв 1997; Бердяев 1990; Малышев 2009 и др.]. Кроме того, после подробного освещения данной проблематики в философском и этносоциальном разрезе ещё в первой половине XX века географическая детерминированность начала представляться лингвистам фактором настолько очевидным, что не вызвала потребности в более глубоком и всестороннем исследовании. И совершенно напрасно.

Наиболее весомым, по нашему мнению, научным вкладом в данную проблематику в России является фундаментальный труд Л.Н. Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» (1934, переиздан в 1991 г.). В данном исследовании учёный, подходя к предмету исследования со скрупулёзностью естествоиспытателя, отмечает, что зависимость человека от окружающей его географической среды никогда не оспаривалась, хотя степень этой зависимости по-разному оценивалась различными учёными, и приходит к заключению: «Поскольку все явления этногенеза происходят на поверхности Земли в тех или иных географических условиях, то неизбежно возникает вопрос о роли ландшафта как фактора, представляющего экономические возможности естественно сложившимся человеческим коллективам – этносам. Но сочетания истории с географией для нашей проблемы [этногенеза – Н. К.] недостаточно, потому что речь идёт о живых организмах, которые, как известно, всегда находятся в состоянии либо эволюции, либо инволюции, либо мономорфизма (устойчивости внутри вида) и взаимодействуют с другими живыми организмами, образуя сообщества – геобиоценозы. Таким образом, следует поместить нашу проблему на стыке трёх наук: истории, географии (ландшафтоведения) и биологии (экологии и генетики)» [Гумилёв 1991: 14]. На этом основании Л.Н. Гумилёв определяет этногенез как локальный вариант внутривидового

образования, определяющийся сочетанием исторического и ландшафтного факторов [там же]. Данный подход правилен и обоснован, однако не полон, так как он не учитывает социальных факторов существования этноса, одним из которых является язык как средство коммуникации членов социума и «материализации» (оязыковления) продуктов мышления и сознания. И поскольку вышеперечисленные факторы влияют на формирование этноса в целом, они также влияют и на формирование его ментальности и языка, а следовательно, и на формирование языковой картины мира данного этноса как результата преломления ментальности в языке. Речь в данном случае идёт об этносах традиционного формирования, происходившего на протяжении длительного времени на определённой территории, однако в других случаях фактор географического детерминизма может оказаться нерелевантным. Следует предположить, что для народов таких «переселенческих» стран, как США и Канада, или бывших европейских колоний в странах третьего мира данный фактор может оказаться нерелевантным, поскольку в случае США и Канады представители разных народов (и, соответственно, носители разных мировоззренческих и культурных традиций) сошлись на одной территории, не являвшейся их «исторической родиной» и не оказавшей изначального влияния на формирование их языков. В случае колониальных стран местное население, жившее на своей исконной территории, было так сильно подавлено европейскими народами-завоевателями с их развитыми языками и культурами, что в значительной степени ассимилировалось и не сохранило в полном объёме своих языковых и культурных традиций. С точки зрения этнологии, возможно, такие нации не будут в полной мере соответствовать определению этноса, хотя и существуют в виде государственных образований, однако данная проблематика выходит далеко за рамки нашего исследования. Что же касается европейских народов, живущих преимущественно на своих исторически занятых территориях, для них географический детерминизм бесспорно остаётся релевантным фактором формирования национального языка, и этому не препятствуют современные глобализационные тенденции и массовые миграции в Европу турок, арабов и прочих «неевропейских» народов, поскольку современные европейские языки уже сформированы под влиянием данных факторов, и переселенцы пользуются ими «в готовом виде» параллельно со своими исконными языками. Другой вопрос, насколько и каким образом в дальнейшем повлияет на европейские языки присутствие в Европе огромного количества компактно проживающих инокультурных и иноязычных переселенцев, но это покажет будущее. Наше же исследование посвящено изучению языков исконных обитателей Европы в их современном состоянии.

В ранее опубликованных работах мы конкретизировали идею географической детерминированности национальной ментальности и языка, подкрепили её конкретным языковым материалом и указали на ряд

языковых фактов, подтверждающих обусловленность национальной языковой картины мира ландшафтом обитания данного народа [см.: Киселёва 2008; Киселёва 2009; Корина 2011 и др.]. Несомненный исследовательский интерес в этой связи, как мы уже отмечали выше, вызывает сравнение двух славянских языков – русского и словацкого, поскольку словацкий язык и генетически, и ареально (в силу контактов с соседними неславянскими народами), и территориально является своеобразным переходным звеном между Россией и Западной Европой. Даже сама структура основного горного массива Словакии – Татр (составная часть Карпат) – является своего рода промежуточным звеном между «классическими» высокогорьями с вершинами свыше 3000 м (Памир, Тянь-Шань) и низкогорьями (Пеннины, Мугоджары и т. д.). Словаки подчёркивают, что Высокие Татры – самое низкое высокогорье в мире (наивысшая точка – Герлаховски-Штит – возвышается на 2655 м над уровнем моря). Кроме того, у Словакии нет выхода к морю, что замыкает традиционную территорию обитания словаков на континентальный горный ландшафт. Это обуславливает преимущественно вертикальную организацию пространства в словацкой ментальности и ориентирует систему национальных ценностей на вертикаль (высоко = хорошо).

В русской же ментальности, формировавшейся в равнинном ландшафте, пространство организовано преимущественно горизонтально, о чём многократно писалось в научных трудах различной направленности (Н.А. Бердяев, С.М. Соловьёв, Г.П. Федотов, Л.Н. Гумилёв, А.Д. Шмелёв, А. Вежбицкая, Ю.Д. Апресян, В.В. Колесов, М.Н. Жуйкова, Н.В. Семёнова, Картины русского мира... и др.). Потому и русская система ценностей ориентирована на горизонталь (широко = хорошо) [ср. Шмелёв 2000]. Приоритет горизонтальности или вертикальности обуславливает специфику национальных концептосфер русского и словацкого языков и находит своё отражение в структуре их национально-специфичных когнитивных доминант, что мы подробно рассмотрим ниже.

Следует, однако, специально оговориться, что **как вертикальное, так и горизонтальное структурирование пространства является естественным и органичным компонентом любой картины мира, поскольку отражает универсальные для человеческого сознания семиотические оппозиции «верх – низ» и «далеко – близко».** Мы вовсе не стремимся свести всю словацкую ментальность к вертикали, а русскую – к горизонтали! Оставляя за пределами исследования (но не исключая!) универсальное, мы сосредоточиваемся на индивидуальном, характерном для данного народа и его языка. Нашей целью является акцентировать внимание на географически детерминированных национально-специфичных когнитивных доминантах исследуемых языков, доминантность которых доказывается **приоритетным положением вертикальной либо горизонтальной структуры пространственного восприятия** на основе её более выраженной структурной сложности, семантического

богатства и разнообразия ассоциативных связей. Ещё раз подчёркиваем: приоритетность не означает единственности, и присутствие других пространственных измерений нами не исключается, а оценивается с точки зрения когнитивных (а в случае картины мира также и ценностных) приоритетов. В случае русского и словацкого языков такими приоритетами будут являться обыденные понятия «высота» и «широта», отражающие основные пространственные модели восприятия обоих народов.

8.2.2. Национально-специфические когнитивные доминанты словацкого и русского языков

Многовековое обитание словацкого народа в горных районах без выхода к морю обусловило преимущественно вертикальную организацию пространственной модели его восприятия и, соответственно, заложение в его систему ценностей понятия высоты как положительной характеристики. С приоритетно вертикальной организацией пространства связано и формирование стереотипов (категорий) пространственной ограниченности, закрытости и, как следствие, преобладающую конкретность (детерминированность) в выборе средств языкового выражения.

Обитание русского народа преимущественно в равнинном ландшафте поставило на первый план горизонтальную организацию пространства и обусловило формирование системы ценностей, основанной на понятиях широты (ориентацию на горизонтальность), пространственной неограниченности, открытости и, как следствие, тяготение к абстрактности и образности, что очень метко и с большой долей поэтичности сформулировал В.В. Колесов: «...русская мысль носит размытый, уклончивый характер, даёт возможность различных интерпретаций. Она как бы скользит по яркости образа и пугливо сторонится определённости понятия» [Колесов 2004: 27]. Всё, что имеет строгие границы, вызывает у русского ощущение потери свободы, а у словака, наоборот, ощущение упорядоченности и правильности. Косвенно об этом свидетельствует, например, высокая частотность в словацком языке выражений *odtiaľ potiaľ* (досл. «отсюда досюда», от – до) и *odkiaľ pokiaľ* (досл. «откуда до куда»), в частности, в составе поговорки (*každý musí vedieť odkiaľ pokiaľ*), что в переводе можно сформулировать как «каждый должен знать свои границы» (см., в частн., материалы Словацкого национального корпуса <http://korpus.juls.savba.sk>). Любопытно, что в устной (спонтанной) речи данный оборот встречается гораздо чаще, чем в письменной: так, например, в практике речевого общения он встречается практически ежедневно и неоднократно, но, поскольку мы специально не фиксировали частотность его употребления, во избежание субъективности утверждений сошлёмся на данные Словацкого национального корпуса (СНК) и Интернета – по состоянию на февраль 2011 г. корпус интернет-текстов (www.google.sk) давал результат 670 000 употреблений выражения *odkiaľ pokiaľ* и 22 100 употреблений выражения *odtiaľ potiaľ*, а СНК (письменные

тексты) – 50 употреблений выражения *odtiaľ/potiaľ* и 52 употребления выражения *odkiaľ/pokiaľ* в указанном значении (<http://korpus.juls.savba.sk>).

Будучи характерными особенностями национального мировидения, словацкая вертикальность и русская горизонтальность образуют концептуальную бинарную оппозицию, основанную на приоритетных моделях пространственного восприятия. Образно (и обобщённо) говоря, словак мыслит преимущественно по вертикали, а русский – по горизонтали (для русского с давних времён было типично «растекаться [выделение наше – Н. К.] мыслью по древу»). Следует при этом отметить, что словацкая вертикальность и русская горизонтальность, образуя оппозицию, не являются тем не менее полярно противопоставленными, поскольку по сравнению с другими народами и их типичными ландшафтами словацкая среда обитания не достигает максимальных величин (словацкие Татры – не Памир, а словаки – славянский народ, живущий в центре Европы, а потому их ментальность европейская и не отстоит от русских так далеко, как, скажем, японская). Иными словами, по своей структуре и когнитивным приоритетам словацкая ментальность и генетически, и ареально, и географически находится примерно посередине между русской и западноевропейской.

Исходя из вышесказанного, логично предположить, что национально-специфичные когнитивные доминанты словацкого и русского языков как языков генетически близких будут различаться по географически детерминированным параметрам, вербализованным в субконцептах, формирующих основные когнитивные структуры данных языков.

Таким образом, ориентация словацкой ментальности на вертикальное структурирование действительности и пространственную ограниченность предполагает выделение в качестве национально-специфичной когнитивной доминанты обыденного понятия «высота», которое будет реализоваться через субконцептуальные категории пространственной ограниченности, закрытости и конкретности, в то время как ориентация русской ментальности на горизонтальность поставит на первый план обыденное понятие «широта», реализуемое через субконцептуальные категории пространственной неограниченности, открытости и абстрактности, которые в нашем сопоставлении образуют оппозиции к словацким. За каждой из данных когнитивных структур стоит фрагмент языковой картины мира, который можно рассматривать как «мировоззренческий конструктор естественного языка, специфицирующий национальные культуры на фоне мировой культуры» [Эмер 2007: 116, определение З.И. Резановой]. Всё это предполагает выявление общего и национально-специфичного в разновидностях языкового миромоделирования в той или иной подсистеме национальной картины мира.

Таким образом, национально-специфичные когнитивные доминанты и содержащие их когнитивные структуры в концептосферах словацкого и русского языков являются географически детерминированными и

образуют бинарные оппозиции, что свойственно человеческому мышлению в целом. Ср. такие оппозиции, как русская широта – словацкая высота, русская пространственная индетерминированность (неограниченность в пространстве) – словацкая детерминированность (ограниченность), русская открытость – словацкая закрытость, русская абстрактность – словацкая конкретность. Данные оппозиции проявляются на разных структурных уровнях языка, из которых мы в данной работе затронем фразеологию, частично семантику и словообразование (в связи со способами номинации).

Глава 9

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКОВ

Фразеология каждого языка является своеобразным зеркалом мировоззрения и традиций говорящего на данном языке народа, наиболее ярко отражая специфику национальной ментальности. Языковая картина мира, создаваемая народом на протяжении его истории, находит в ней концентрированное образное воплощение, что позволяет говорить о фразеологической картине мира как составной части языковой картины мира в целом [Степанова 2007]. «Фразеология играет незаменимую роль в сохранении в своих образах знаний и опыта человека, получаемого им при восприятии окружающего мира и взаимодействии с ним, является наиболее ярким показателем этнокультурной специфики любого национального языка» [Алефиренко – Степанова 2010: 232]. Фразеологическая номинация наглядно демонстрирует способность языка конструировать мир.

Будучи одним из наиболее древних пластов языка, фразеология наиболее полно отражает формирование национально-специфичных когнитивных доминант в ходе эволюции каждого естественного языка. Поэтому естественно предположить, что в словацкой фразеологии будут более разнообразно представлены единицы с компонентом, производным от *высокий*, а в русской – производным от *широкий*, причём в случае структурно и семантически аналогичных фразеологических единиц (ФЕ) различия будут заключаться именно в лексическом компоненте, отражающим данную национально-специфичную доминанту.

Как показывает сопоставление словацкого и русского языкового материала, оппозиции национально-специфичных когнитивных доминант действительно особенно ярко просматриваются в параллельных фразах с идентичной семантикой и близкой или тождественной структурой. В Таблице 1 приведены оппозиции частотных фразем, фиксируемых словарями среднего и меньшего объёма [Smiešková 1974; Habovštiaková, Krošláková 1996; Glovňa, Lindner, Obst 2007; Мокиенко, Мелерович 2005; Жуков 2007], однако подчеркнём, что наши выводы подтверждаются не только данными фразеологических словарей, которые не дают полной картины современной языковой действительности, но и данными национальных корпусов русского и словацкого языков (см. список источников), в частности, русско-словацкого параллельного корпуса (<http://korpus.juls.savba.sk/parus/>), на что мы обратим отдельное внимание ниже.

Таб. 1. Лингвокогнитивные оппозиции в параллельных фраземах русского и словацкого языков¹³.

	Лингвокогнитивная оппозиция	Русская ФЕ	Словацкая ФЕ	Значение фраземы по ФСРЯ
1.	Широта – высота (горизонталь – вертикаль)	на широкую ногу	na vysokej hone	'богато, роскошно, ни в чём себе не отказывая'
		широко размахнуться	vysoko rúbať/zaťať	'иметь большие амбиции'
		во всю ширь	v plnej výške ¹⁴	'в полной мере'
		расти как трава в поле** ¹⁵	rásť ako drevo v hore	'беспризорно'
		хоть вдоль, хоть поперёк	hore cesta, dolu cesta	'во всех направлениях'
		[дела] из рук вон плохо	[ide] dole kopcom	'очень, совсем плохо, скверно'
		распирать от гордости**	hore si viesť	
2.	Открытость – закрытость	зарубить (себе) на носу	zapísať si za uši	'запомнить крепко-накрепко, навсегда'
		пригреть змею на (своей) груди	pustiť (si) hada do rukáva*	'проявлять внимание, заботу, любовь и т. п. к человеку, который впоследствии платит за это неблагодарностью'
		держаться нос по ветру	prevracať kabát	'применяться к обстоятельствам, беспринципно меняя свои убеждения, своё поведение'
		заткнуть за пояс	strčiť do vrečka	'превозмогнуть в чём-л.'
		быть не в своей тарелке	nebyť vo svojej koži	'не в обычном для себя состоянии; стеснённо, неловко, неудобно'
		как сыр в масле кататься	mať sa ako červík v syre*	'жить в довольстве, в достатке'

¹³ Звёздочкой отмечены словацкие фраземы, у которых есть и другие синонимы, более близкие к русским (hriať hada na prsiach, mať sa ako prasa v žite, prepadnúť pod zem, na um neprišlo). Однако для целей нашего исследования важным является не перечисление всех компонентов синонимического ряда, а сам факт существования вышеуказанных оппозиций, возникновение которых обусловлено тем, что русский язык не создал подобных сочетаний, поскольку они не характерны для русской ментальности. Случаи почти полного сходства могут быть либо следствием параллельного развития фраземы на базе генетического родства и/или типологической близости языков, либо заимствованием из общего источника (напр., пригреть змею на (своей) груди – hriať hada na prsiach).

¹⁴ Контекстуальный синоним.

¹⁵ Здесь и далее двумя звёздочками отмечены ФЕ и устойчивые сочетания, которые отсутствуют в ФСРЯ и толкуются по другим источникам (прежде всего толковым словарям).

		готов(а) сквозь землю провалиться	vopchal/a by sa do myšacej diery*	'острое желание исчезнуть, скрыться куда-л. от стыда, страха и т. п.'
		(выпить) до (последней) капли	nevyliat za golier	'без остатка, до дна (выпить, осушить и т. д.)'
		подложить кому-л. свинью	pustiť niekomu blchu do kožucha	'сделать кому-л. гадость, подлость'
		(сказать) от балды**	(povedať) z brucha	'неточно, очень приблизительно'
		на широкую руку	plným priehrstím	'щедро, с размахом'
3.	Неограниченность – ограниченность	сорить деньгами	nosiť deravú kapsu	'тратиться много и без видимой причины'
		море по колено кому-л.	svet mu/jej je gombička	'быть бесстрашным; быть безоглядным'
		близок локоть, да не укусишь	cez sklo med lízať	'недостижимость хорошо видимой цели'
		взяться за ум	vziať rozum do hrsti	'становиться благоразумнее, рассудительнее; образумливаться'
		верёвки вить из кого-л.	rúbať drevo na niekom	'полностью подчинить себе кого-л., заставить кого-л. делать всё, что ему прикажут'
		перебиваться с хлеба на квас	žiť z ruky do úst	'жить очень бедно, терпеть нужду, лишения'
		указать кому-л. (на) дверь	ukázať niekomu, kde murár/tesár nechal dieru	'выгнать, требовать, чтобы ушёл, удалился'
4.	Абстрактность – конкретность	и в мыслях не было	ani v päte to nemá*	'не иметь намерения сделать что-л.'
		душа ушла в пятки	srdce spadlo do nohavic	'сильно испугаться'
		видеть кого-л. насквозь	vidieť niekomu do žalúdka	'хорошо знать кого-л., предугадывать все его действия'
		попасть пальцем в небо	streliť capa	'сказать не по делу, глупо'
		показать, где раки зимуют	naučiť niekoho po kostole písať/hvízdať	'наказать как следует'
		сводить концы с концами	byť riedkou plachtou prikrýť	'жить в нужде, бедствовать'
		быть на волосок от смерти	ujst' hrobárovi z lopaty	'чудом остаться в живых'
		сгорать со стыда	hanbiť sa ako pes	'очень стыдиться'
		залить горе	otráviť červíka	'напиться (с горя)'
		кормить завтраками/ обещаниями	pretáhovať niekomu medové motúzy popod nos	'обещать и не делать'
		строить кому-л. козни	šit' búdu na niekoho	'строить интриги против кого-л.'

Показательным в свете вышесказанного является и то, как язык обходится с заимствованными фразами. Если заимствованная фраза содержит название материальной или культурной реалии (имя мифологического персонажа, топоним и т. п.) или иноязычное слово, то заимствующий язык, как правило, не создает её вариантов (*Пиррова победа*, *Дамоклов меч*, *Авгиевы конюшни*, *сорвать куш* и т. д.). Когда подобных компонентов нет, степень освоения фраземы резко возрастает, и она начинает «обрастать» в заимствующем языке различными вариантами, создавая синонимический ряд, пока, наконец, в этом синонимическом ряду не определяется доминанта – наиболее общепотребительный вариант. Как показывают наши предварительные исследования, именно эта доминанта наиболее полно соответствует концептосфере данного языка и отражает характерные особенности национальной ментальности. Таким образом, параллельно развивающиеся в разных языках фраземы могут при полной семантической и практически полной структурной идентичности отличаться лексическими компонентами, которые как раз и заключают в себе специфику концептуального пространства данного языка. Это обусловлено тем, что, хотя базовые концепты и субконцепты каждого языка («Любовь», «Щедрость», «Богатство» и т. д.) состоят из одинакового набора минимальных смысловых элементов – сем, в каждом из языков они подвергаются неповторимой комбинации. «Именно индивидуальность семных комбинаций создаёт этнокультурное своеобразие фразеологических значений, определяя тем самым специфику глибинных ярусов фразеосемантического пространства разных языков» [Алефиренко 2008: 163].

Задачей нашего исследования является установление соотношения универсального, присущего многим языкам, и национального, специфичного лишь для одного языка и проявляющегося в национально-специфичных когнитивных доминантах его концептосферы и национальной языковой картины мира в целом. Поэтому в области фразеологии нас будут интересовать в первую очередь явления, обратные концептуальным фразеологическим универсалиям, которыми, по определению Л.И. Степановой, являются фразеологизмы, отражающие сходные представления европейских народов об окружающем мире, но облаченные часто в очень разную форму [Степанова 2002: 369]. Это прежде всего межъязыковые структурно-семантические фразеологические схождения с отличиями в лексических компонентах, отражающими национально-специфичные когнитивные доминанты отдельных ЯКМ на каждой стороне схождения.

9.1. Концептуальная оппозиция «широта» – «высота»

Уже не один десяток лет способ выражения пространственных отношений между объектами и пространственных характеристик объектов средствами языка является предметом лингвистических исследований

в разных странах, но «несмотря на это, современная лингвистика всё ещё, как кажется, далека от окончательного описания пространственных отношений в языке, а тем более от синтетического обобщения данной проблематики» [Linde-Usiekiewicz 2005: 13, перевод Н. К.]. Причина этого, как справедливо отмечает Ядвига Линде-Усекневич, кроется в поразительной разнородности и несравнимости результатов исследований даже в случае близкородственных и типологически подобных языков; кроме того, зачастую диаметрально протиположными оказываются описания одного и того же языка, даваемые разными исследователями [там же]. Устранить этот разнобой оказывается невозможным потому, что о языковых средствах выражения пространственных явлений нельзя говорить в отрыве от применяемого учёным лингвистического исследовательского метода, а тот, в свою очередь, зависит от теории языка, приверженцем которой является данный учёный, и связанной с нею лингвистической школы. Связано это и со сферой охвата проблематики, т. е. описываются ли пространственные взаимоотношения в пределах одного языка, нескольких языков, или данное описание претендует на универсальность [ср. Linde-Usiekiewicz 2005]. Кроме того, пространственные отношения между объектами могут описываться как простые и как сложные. Э. Ланг предлагает следующую двухуровневую классификацию пространственных отношений [Lang 1989, 1993, 1995; Lang & Carstensen 1990]:

1) первичные понятия о пространственных отношениях – Dimension Assignment Parameters (DAP): VERT (вертикальность), OBS (направление от наблюдателя), ACROSS (перпендикулярность к одному из первых двух), MAX (самый большой параметр), SUB (связанный с наименьшим размером цельных объектов) и DIST (относящийся к внутреннему размеру полого объекта);

2) понятийная структура (conceptual structure), принимающая во внимание определённые свойства объектов, к которым относятся и средства языкового выражения – Dimension Assignment Values (DAV).

Для обеих уровней, DAP и DAV, ось ориентации (вертикальная), ось перспективизации (от наблюдателя) и третья, перпендикулярная одной из них, выводятся из т. н. первично воспринимаемого пространства (Primary Perceptual Space, PPS), в то время как остальные – из ингерентной (неотъемлемо свойственной объекту) схемы пропорций (Inherent Proportion Scheme, IPS), т. е. свойств самого объекта. Однако даже такая чёткая на первый взгляд схематичность не позволяет охватить всю проблематику пространственных структур.

В силу вышеизложенного становится очевидным, что пространственные модели в языке невозможно определить совершенно однозначно. Среди существующих взглядов на возможность построения априорной модели пространства в языке нам кажется интересным следующий вариант, предложенный Э. Лангом и основанный на принятии универсальных

первичных понятий системы пространственных отношений и объяснении всевозможных различий стратегиями языка. Для определения различий между языками, напр., в области приписывания объектам измерительных свойств Ланг делит языки на два типа: тип, для которого наиболее существенным является направление перспективизации, и тип, для которого доминирующими являются свойства объектов, допуская при этом возможность совмещения обоих типов в одном языке (таким языком Ланг считает корейский) [Lang 1995]. Принадлежность к одному из данных типов свидетельствует о «стратегии», т. е. о фактических возможностях определения данного измерения – напр., германские языки относятся к языкам с преобладающей перспективизацией, а славянские – к языкам с преобладающими свойствами объектов [Lang 1995]. С методологической точки зрения данная гипотеза подвергается критике из-за избыточного, по мнению некоторых учёных, усложнения как самого предмета исследования, так и его понятийного аппарата за счёт введения новых понятий (в частности, «стратегия»), не делающих предмет исследования более ясным и однозначным [Linde-Usiekiewicz 2005: 20-21]. Однако для целей нашего исследования сам подход к разделению языков по структуре пространства в создаваемой ими ЯКМ представляется весьма интересным и в данном случае применимым, поскольку не противоречит гипотезе о приоритете горизонтальной (для русского языка) или вертикальной (для словацкого языка) организации пространства на основании пространственных моделей, сформированных ландшафтом естественной среды обитания народа. Иными словами, **фактор географического детерминизма обуславливает формирование пространственных моделей восприятия, лежащих в основе национальной ментальности.**

«Система формирования лексической семантики на основе пространственных образов – одно из проявлений общей закономерности смыслового аналогического уподобления мира умопостигаемому явлениям физического, чувственно воспринимаемого мира в языках» [Резанова 2007: 326-327]. Это естественное свойство человеческого мышления. Однако когнитивные доминанты в образе мышления конкретного народа, отражаемые в концептосфере его языка, формируются под влиянием традиционной среды его обитания, в которой одну из ведущих ролей играет ландшафт, а потому являются географически детерминированными. Таким образом, формирование национальной языковой картины мира тесно связано с ландшафтом традиционной среды обитания народа и отражает его особенности в форме национально-специфичных когнитивных доминант ЯКМ.

Как уже упоминалось выше, географически детерминированные различия в когнитивных оппозициях русского и словацкого языков обусловлены различной пространственной организацией русской и словацкой картин мира, наиболее показательной из которых является оппозиция

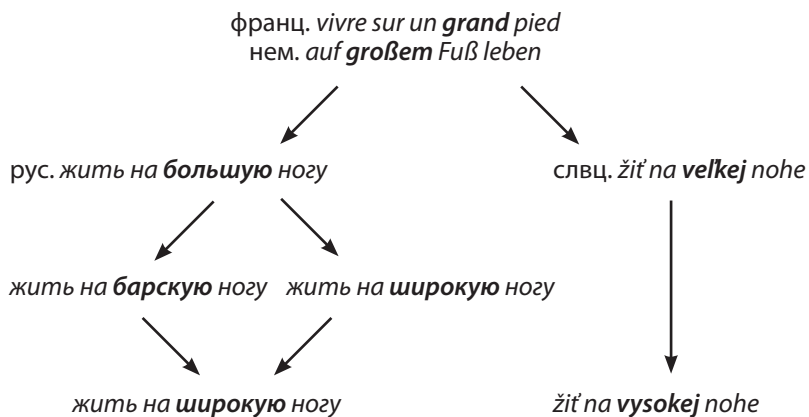
широта – *высота*, отражающая горизонтальную организацию русского пространства и вертикальную – словацкого.

Проиллюстрируем сказанное на примере словацкой и русской фразеологии. Значению 'жить богато, роскошно, не стесняясь в средствах' в русском и словацком языках соответствуют структурно и семантически аналогичные фраземы, отличающиеся всего лишь одним лексическим компонентом – рус. *жить на широкую ногу* [ФСРЯ: 284]¹⁶, словц. *žiť na vysokej nohe* [Smiešková: 276]. Данная фразема является в славянских языках заимствованием из западноевропейских – нем. *auf großem Fuß leben*, франц. *vivre sur un grand pied* 'жить на широкую ногу', дословно 'жить на большую ногу' [Мокиенко, Мелерович: 450; Лепешаў₁: 97; Glovňa, Lindner, Obst: 56, 121, 210] и связана с реалией, возникшей в XII в. [Мокиенко, Мелерович: 450; Алефиренко, Золотых: 247; Лепешаў₁: 97] – см. ниже Рис. 1. Поэтому и в русском, и в словацком языках у данной фраземы есть абсолютно структурно идентичный синоним с лексическим компонентом «большой»: рус. *жить на большую ногу* [ФСРЯ: 283], словц. *žiť na veľkej nohe* [Smiešková: 276; Glovňa, Lindner, Obst: 56, 121, 210], однако в словацком языке он является менее частотным, о чём свидетельствует его отсутствие в современных фразеологических словарях меньшего объёма [Habovštiaková, Krošláková: 54], а в русском и вовсе устаревшим [ФСРЯ: 283]. Трансформации, которые претерпела изначально идентичная во всех славянских языках фразема, подтверждают концептуальную обусловленность использованных в ней лексических компонентов. Из нескольких фразеологических синонимов и вариантов одной и той же фраземы, существующих в языке-источнике, заимствующий язык всегда селекционирует то, что ближе к его когнитивной структуре и гармонично вписывается в его концептуальное пространство. Поэтому русский язык селекционировал компонент «широкий», а словацкий – компонент «высокий», сделав эти варианты доминантными. Сопоставление материалов различных фразеологических словарей подтверждает, что исходный вариант с компонентом «большой» в русском языке вышел из активного употребления, так же, как и его последующая модификация, содержащая историзм «барский» (*на барскую ногу* – см.: [Мокиенко, Мелерович: 450; Жуков: 275; Алефиренко, Золотых: 247] и др.), а в словацком по частоте уступает фраземе с компонентом «высокий» [Habovštiaková, Krošláková: 54 и др.]. Наше предположение подтверждает и комментарий к истории данного фразеологизма в белорусском языке, данный И.Я. Лепешевым в «Этимологическом словаре фразеологизмов»: «Ещё в середине прошлого [т. е. XIX – прим. Н. К.] века вместо непонятого по своей образности *на большую ногу* стали употреблять *на широкую ногу*, где адъективный компонент ассоциировался с таким значением слова

¹⁶ Расшифровку сокращений в названиях словарей и источников см. в конце перед списком использованной литературы.

широкий, как 'ничем не ограниченный' [выделение наше – Н. К.]. В такой форме фразеологизм употребляется и в белорусском языке» [Лепешаў; 97, перевод Н. К.].

Рис. 1. Развитие доминантных культурно-специфичных вариантов заимствованной фраземы auf großem Fuß leben/vivre sur un grand pied в русском и словацком языках.

К вопросу о выходе определённых фразем из употребления следует отметить, что данную проблематику учёные затрагивают в значительно меньшей степени, нежели вопросы неофразеологизации и обновления состава фразем и фразеологии в целом. Как отмечают словацкие фразеологи Й. Млацек, Д. Балакова и В. Ковачова, причиной такого положения дел является сама языковая онтология, «тот факт, что процессы устаревания или выхода из употребления определённых конкретных единиц распространены далеко в меньшей степени, чем процессы возникновения новых фразем. За этим можно также усматривать и факт, что выход определённых единиц из употребления вплоть до их исчезновения обычно фиксируется со значительным опозданием и что выход из употребления какой-либо единицы не так бросается в глаза, как новопришедшая инновация. Здесь мы соприкасаемся с когнитивной, а вместе с тем и прагматической стороной изменчивости современной фразеологии» [Mlasek, Baláková, Kováčová 2009: 24-25; перевод Н. К.]. Поэтому мы не станем углубляться в проблематику взаимоотношений и (взаимо)проявлений синхронии и диахронии во фразеологии, фиксируя исключительно современное состояние сопоставляемых языковых фактов по данным корпусов и современных фразеологических словарей.

Итак, как показывают наши наблюдения, различия в национально-специфичных когнитивных доминантах русского и словацкого языков представляют собой географически детерминированные устойчивые оппозиции: широта – высота, открытость – закрытость, пространственная индетерминированность (неограниченность) – пространственная детерминированность (ограниченность), абстрактность – конкретность, причём ключевой является оппозиция *широта – высота*, отражающая главные особенности национального ландшафта русских и словаков (в контексте нашего исследования можно приравнять её к географической оппозиции *равнина – горы*). Данная оппозиция выражена в концептуально доминантных обыденных понятиях «высота» (вертикаль) в словацком языке и «широта» (горизонталь) в русском, которые являются национальным выражением универсальной категории «Пространство». И если доминантность широты в русском языковом сознании не вызывает сомнений, и существует множество работ, посвящённых исследованию этого явления (см. ниже), то исследования, посвящённые высоте в словацкой ЯКМ и словацком национальном характере, насколько нам известно, до сих пор не проводились, и нам предстоит это доказать. Следует предположить, что в силу географической детерминированности наивное (обыденное) понятие «высота», представляющее собой концептуальную оппозицию к русской широте¹⁷, должно являться одним из ключевых для словацкой ментальности (см. выше развитие форм заимствованного славянскими языками фразеологизма *жить на широкую ногу – žiť na vysokej nohe* со значением 'жить богато, роскошно, не стесняясь в средствах', а также материалы Словацкого национального корпуса (СНК, <http://korpus.juls.savba.sk>), на которые мы и далее будем ссылаться). Проверим наше предположение на материале русско-словацкого параллельного корпуса (РСПК, <http://korpus.juls.savba.sk/parus/>), составленного специалистами Института языкознания им. Людовита Штура Словацкой Академии наук на базе СНК.

Материалом для исследования послужили все имеющиеся в корпусе контексты, содержащие данные понятия. Для анализа мы выбрали из русско-словацкого параллельного корпуса все словоформы, однокоренные к «широкий» и «высокий» (кроме глаголов), с минимальным необходимым для понимания контекстом, исключив случаи употребления в прямом значении типа *У него были широкие плечи и большие тяжёлые руки*. По состоянию корпуса на январь 2011 г. зафиксировано 52 пары на базе данных словоформ. Следует, однако, оговориться, что объём русско-словацкого параллельного корпуса пока невелик, он находится в процессе формирования и основан преимущественно на произведениях

¹⁷ !!! Здесь и далее в тексте глав 8 – 10, говоря об обыденных понятиях «широта» и «высота», мы будем для облегчения восприятия текста именовать их просто понятиями, не отождествляя их с логическими понятиями, представляющими собой другой уровень когнитивных структур.

художественной литературы и трудах классиков марксизма-ленинизма, прежде всего В.И. Ленина – т. е. на текстах, наиболее активно переводившихся на словацкий язык в эпоху социализма и переводимых в настоящее время¹⁸. Научно-популярные и публицистические тексты в параллельном корпусе пока представлены минимально. Мы предполагаем, что степень объективности полученных результатов будет возрастать по мере пополнения корпуса.

Анализ материала русско-словацкого параллельного корпуса показывает, что понятие «высота» присутствует в устойчивых (фразеологических) сочетаниях, параллельных таким же устойчивым сочетаниям русского языка и содержащим доминантное понятие «широта», что подтверждает его глубокие корни в языке (фразеологии) и может свидетельствовать о его доминантном характере в словацкой ментальности. О доминантности понятия «высота» в словацком языковом сознании также свидетельствуют количество фиксаций в параллельном корпусе (21 из 52) и частота выбора однокоренных словоформ при переводе русского текста (см. Таблицу 2).

Таб. 2. Эквиваленты, вербализующие понятие «высота» в словацком переводе русского текста (по данным РСПК).

<i>Русский текст</i>	<i>Словацкий текст</i>
зажил на широкую ногу (Ю. Дольд-Михайлик)	žil na vysokej nohe
жил на широкую ногу (Ю. Дольд-Михайлик)	žil na vysokej nohe
любит широко пожить (Ю. Дольд-Михайлик)	rád žije na vysokej nohe
хорошо живёт (Н. В. Гоголь)	žije na vysokej nohe
привык жить в своё удовольствие (П. Крусанов)	zvykol si žiť na vysokej nohe
чересчур широко размахнулись (Ю. Дольд-Михайлик)	príliš vysoko rúbali
фельетон «Не в свои сани...» (М. Булгаков)	fejčtón <i>Kto vysoko rúbe</i>
Яшвин держал большое пари за Вронского (Л. Н. Толстой)	Jašvin vysoko staval na Vronského
широкие идеалы (В. И. Ленин)	vysoké ideály
по дрялости не может (Н. В. Гоголь)	pre vysoký vek nevládze
хороший чин (Н. В. Гоголь)	vysoké postavenie
крупный денежный доход (В. И. Ленин)	vysoký peňažný dôchodok

¹⁸ Интересно отметить, что среди материалов русско-словацкого параллельного корпуса есть переводы на словацкий язык украинских авторов (в частности, Ю. Дольд-Михайлика), сделанные не с украинских оригиналов, а с их русских переводов. Однако, хотя исходный русский текст в данном случае не является оригиналом произведения, для целей нашего исследования это нерелевантно, поскольку предметом нашего внимания являются **объективные внутриязыковые процессы**, не зависящие (точнее, в данном случае минимально зависящие) от автора текста.

[были] достаточными для «энергичного размножения» (В. И. Ленин)	[boli] dostatočné na „ vysoký prírastok obyvateľstva“
средняя цена человека весьма невелика (П. Крусанов)	priemerná cena človeka nie je veľmi vysoká
какие-нибудь административные посты в России (Ю. Дольд-Михайлик)	dajaké vysoké miesta v Rusku
[воспользоваться] высоким положением (В. И. Ленин)	[využiť] vysoké postavenie
высокий денежный доход (В. И. Ленин)	vysoký peňažný dôchodok

О концептуальной доминантности понятия «высота» в словацкой языковой картине мира свидетельствует семантическое разнообразие эквивалентов к лексеме *высокий* в параллельных русских текстах (8 значений; в скобках дано число употреблений): *высоку* – *широкий* (9), большой (2), крупный (1), хороший (1), энергичный (1), административный (1), дряхлый (1), высокий (2), среди которых явно преобладает концептуальная оппозиция *высокий* – *широкий*.

Если пронаблюдать, какие лексемы и фраземы были переведены с русского языка на словацкий с использованием словоформ от «высокий», мы обнаружим, что одна и та же словацкая фразема переводится разными фраземами или свободными словосочетаниями: *žiť na vysokej nohe* – *жить на широкую ногу* (2х), *жить широко*, *жить в своё удовольствие*, *жить хорошо*; *vysoko rúbať* – *широко размахнуться*, *[садиться] не в свои сани* с разной степенью фразеологической эквивалентности (см. Рис. 2).

Рис. 2. Фразеологическая эквивалентность в русском переводе словацких ФЕ с компонентом **высокий/высоко**.

- **žiť na vysokej nohe:**
 - полная: *жить на широкую ногу*;
 - частичная: *жить широко*, *жить в своё удовольствие*;
 - нефразеологический перевод: *жить хорошо*;
- **vysoko rúbať:**
 - полная: *широко размахнуться*
 - частичная: *[садиться] не в свои сани*

Преобладание одного и того же выражения в словацком тексте при обширной синонимии в параллельном русском тексте также свидетельствует о доминантном характере понятия «высота» и является показателем того, насколько типовой является данная модель в словацком языковом сознании.

Доминантность понятия «высота» связана и с тем, что взаимоотношения между людьми в словацком социуме строятся преимущественно по принципу вертикали, подчиняются строгой вертикальной иерархии:

напр., нарушение субординации и обращение в вышестоящую инстанцию, минуя промежуточную нижестоящую, в официальных отношениях считается проступком и всячески осуждается. В языке вертикальную модель общественных отношений подтверждают данные фразеологии: 1) когда кто-либо, пользуясь своим положением, ведёт себя по отношению к нижестоящим авторитарно и надменно, с чувством собственного превосходства, о нём говорят, что он обращается к людям *z vysokého koňa*; 2) если дела не ладятся и ситуация становится всё хуже, говорят, что *všetko ide dolu kopcom* ('с горы вниз')¹⁹; 3) если ребёнок растёт беспризорным, говорят, что он *rastie ako drevo v hore* ('как деревья в лесу' – вертикаль); 4) если амбиции человека превышают его реальные возможности, говорят, что он *vysoko rúbe* ('высоко рубит'); 5) если человек не скупится на заманчивые обещания, о нём иронично говорят, что он *sľubuje hory dolu* ('обещает горы-долы') и т. д. (см. Таблицу 3).

Таб. 3. Доминантность вертикальных пространственных моделей в словацкой фразеологии по данным словарей²⁰.

Словацкая фразема	Русский эквивалент	Буквальный перевод словацкой фраземы
[ide] dolu kopcom	из рук вон (плохо)	«с горы вниз»
z vysokého koňa	со своей колокольни *** ²¹ [точное соответствие – свысока]	«с высокого коня»
sadať na vysokého koňa	не по Сеньке шапка	«сидиться на высокого коня»
posadiť niekoho na koňa	поднимать на щит***	«посадить кого-л. на коня»
rastie ako drevo v hore	растёт как трава в поле	«растёт как деревья в лесу»
vysoko rúbať/zaťať	широко размахнуться/далеко замахнуться	«высоко рубить/делать засечку»
sľubovať hory dolu	сказками кормить ²²	«обещать горы-долы»
byť čím hore, tým dolu	кверху дном/вверх тормашками	«быть чем вверх, тем и вниз»
byť hore koncom	быть в (полном) порядке /в ажуре	«быть кверху концом»
hore cesta, dolu cesta	хоть вдоль, хоть поперёк	«вверх дорога, вниз дорога»
hreší/cigáni, až sa hory zelenajú	ругается/врёт, аж уши вянут	«ругается/врёт, аж горы зеленеют»

¹⁹ Существует также распространённый синоним *dolu vodou* ('вниз по воде'), в котором хотя и нет явного выражения вертикальности, но, тем не менее, присутствует движение по направлению вниз.

²⁰ См.: Smiešková; SSJ – электронная версия (www.slex.sk).

²¹ Здесь и далее тремя звёздочками обозначается частичная синонимия (отсутствие в русском языке полного семантического эквивалента словацкой ФЕ).

²² В русском языке существует также формально близкий фразеологический синоним *сультить/обещать золотые горы*, однако здесь, в отличие от словацкого языка, компонент горы не имеет пространственной привязки, выступая как синоним к 'много' (гора золота = много золота). Ср. польск. *obiecywać złote góry* 'то же'.

hore si viesť	задирать нос; распирать от гордости***	«вести себя вверх»
nosiť/vozíť drevo do hory	ехать в Тулу со своим самоваром	«носить/возить дрова в лес» ²³
za horami, za dolami	за тридевять земель	«за горами, за долами»
ako sa do hory volá, tak sa z hory ozýva	как аукнется, так и откликнется	«как на гору кричишь, так с горы и отзывается»

Для некоторых употребительных словацких ФЕ, которые не зафиксированы в словарях, приведём примеры контекстов по данным СНК (через тире дан перевод автора):

1. ФЕ z *vysokého koňa*:

а) 'свысока':

- *Ako po každej, aj po východoslovenskej bielej vojne so snehom vynorí sa podistým za celý závej nových múdrych generálov. Z vysokého koňa odprednášajú, čo bolo treba robiť vo chvíľach, keď Košickému a Prešovskému kraju hrozila premena na biele Pompeje* [SNK/prim-5.0-public-sane/280514137] – Как после любой другой, так и после восточнословацкой белой войны со снегом несомненно возникнет целый сугроб новых умных генералов. Они свысока прочтут всем лекцию, что нужно было делать тогда, когда Кошицкому и Прешовскому краям грозило превращение в белые Помпеи;

- *Stále sa chvastajú, ako ich obletujú, na aké čurbesy pozývajú, ako sa tam bozkávajú. Na mňa hľadia z vysokého koňa. Všetky sú sakramentské potvory, také protivné, že by som ich najradšej vytáhala za vlasy* [SNK/prim-5.0-public-sane/489078594] – Они постоянно хвастаются, как вокруг них увиваются, на какие вечеринки их приглашают, как они там целуются. На меня они смотрят свысока. Все они изрядные паскуды, такие гадкие, что я с удовольствием оттаскала бы их за волосы;

- *Stal sa z neho veľký pán, ale z nosa mu ďalej kvapkalo. Márnosť, sprvu hľadel z vysokého koňa, ale potom sa s ním stalo čosi smiešne, ukázalo sa, čo znamená detstvo* [SNK/prim-5.0-public-sane/494048734] – Он стал большим господином, но из носа у него по-прежнему капало. Гляди-ка, сначала смотрел свысока, но потом с ним произошло нечто смешное – стало очевидно, что значит детство;

- *Tito sa permanentne škriepia, či kúpiť nové kreslo alebo celostennú tapetu s príbojom oceánu a loďou na obzore, či ísť v sobotu do kina alebo pozvať na večeru sestru a švagra – už dávno som sa odnaučil hľadiť z vysokého koňa na súlad v tejto prozaicky materiálnej sfére* [SNK/prim-5.0-public-sane/698124218] – Они постоянно ругаются, купить новое кресло или обои на всю стену с морским прибором и кораблём вдали, пойти в субботу в кино или

²³ Слово *hora* имеет в словацком языке также значение 'лес' (т. е. гора приравнена к лесу) в силу природно-климатических особенностей страны: леса в Словакии растут преимущественно на горных склонах.

пригласить на ужин сестру с мужем – я уже давно разучился смотреть свысока на согласие в этой прозаично-материальной сфере;

б) 'обезоружить, выбить из седла'

- *Napokon sa rozhodol pre Amáliu. Na jej prst chce dnes navliecť prsteň ako jarmo, z ktorého niet úniku. Ako pevne bol Michal Dulo presvedčený o takomto úmysle svojho soka, tak pevne veril, že ho zrazí z vysokého koňa a zmarí mu jeho výpočty* [SNK/prim-5.0-public-sane/6964900663] – Он решил всё-таки в пользу Амалии. Это на её палец он хочет сегодня надеть кольцо – как ярмо, из которого не убежишь. Насколько крепко Михал Дуло был уверен в этом умысле своего соперника, настолько же крепко он верил в то, что выбьет его из седла и пустит прахом его расчёты;

- *...pretvorenie Petra a ostatných apoštolov je dôkazom možnosti tohto zázraku. No najpresvedčivejšie sa javí na Šavlovi. Zrazený z vysokého koňa svojej neskrotnej energie a nesmierneho sebavedomia spoznal, že prehral, ale že mu víťaz dáva novú šancu* [SNK/prim-5.0-public-sane/403659721] – ...перевоплощение Петра и остальных апостолов является доказательством возможности подобного чуда. Однако убедительнее всего оно выглядит на Савелии. Низвергнутый с вершин своей неукротимой энергии и безграничной самоуверенности, он познал не только своё поражение, но и то, что победитель даёт ему ещё один шанс;

- *Neúspešne si lámal hlavu, ako tu zraziť rohy, ako sa na ňom vyvíšiť. Keď sa kde-tu už aj nazdal, že ho drapol do hrsti, aby ho strhol z vysokého koňa, vykĺzol sa mu ako ryba. Bol neslýchane opatrný vo všetkom, najmä v politike* [SNK/prim-5.0-public-sane/696488529] – Он напрасно ломал голову, как бы обломать ему рога, как бы отомстить ему. Когда ему уже казалось, что он поймал его, чтобы сбить с него спесь, тот выскользнул как уж. Он был невероятно осторожен во всём, и особенно в политике;

2. ФЕ *byť hore koncom* 'быть в полном порядке, в ажуре':

- *To sa už nedalo pokladať za odvahu, ale za tvrdohlavosť. Ved' keby som sa neudržal hore koncom, nebudem sa predsa motať po vonku* [SNK/prim-5.0-public-sane/344016846] – Это нельзя было считать смелостью, а, скорее, упрямством. Ведь если бы я не удержался в норме, я не болтался бы на свободе;

- *Nad uchom si našiel plytkú priehlbinku. „Ušiel som len o vlások, ale ešte sa držím hore koncom. Smoky Reed, ak sa dostaneš do mojich rúk ... beda ti!“ Poskladal si šatku a pevne si obviazal ranu* [SNK/prim-5.0-public-sane/388479942] – У себя над ухом он обнаружил неглубокую ямку. «Я увернулся в последний момент, но пока держусь молодцом. Смоки Рид, если ты попадёшь в мои руки ... горе тебе!» Он сложил платок в несколько раз и крепко перевязал рану;

- *...skupinka šesť – sedemročných detí testovala pružnosť a kvalitu odrazu novej čiernobielej hračky, ktorá zjavne nikomu nepatrila. Vraj, zázrak, že je ešte stále hore koncom* [SNK/prim-5.0-public-sane/442287318] – ...группа шести-семилетних детей проверяла на прочность и качество отскока новую

чёрно-белую игрушку, которая очевидно была ничьей. Мол, это просто чудо, что она ещё в порядке.

Доминантность высоты в словацкой фразеологии подтверждается и паремическим материалом, из которого мы позволили себе включить в таблицу вместе с фраземами одну наиболее показательную единицу (последнюю) *Ako sa do hory volá, tak sa z hory ozýva* 'как аукнется, так и откликнется', которая, в отличие от русской, содержит в себе не только вертикальную модель пространства, но и элемент пространственной детерминированности и конкретизации (см. Таблицу 3).

В русском социуме вертикаль не имеет доминантного значения, нарушения субординации зачастую воспринимаются положительно (надо же, какой ловкий – всех обошёл!), а вот горизонталь весьма значима: важно иметь широкие связи, широкое влияние, широкую популярность. Широта охвата важна для русского и потому, что в национальной системе ценностей коллективное преобладает над индивидуальным (соборность): в чем более широкий коллектив вписывается индивид, тем гармоничнее его существование в обществе.

Вышесказанное не означает, что вертикальная организация пространства чужда русской ментальности и языку, поскольку вертикально организованная социальная иерархия типична для человеческого общества в целом и присутствует практически у всех народов (отношения господин – слуга, начальник – подчинённый, старший – младший и т. п.). Вертикальное моделирование в русской языковой картине мира основано на универсальной семиотической оппозиции «верх – низ» и интерпретирует в первую очередь социальные отношения, отражающие дифференциацию общества в пропорциональной и многократной реализации: *вышестоящие/нижестоящие инстанции, высокий/низкий чин, высшее/низшее сословие, повысить/понизить в должности, высоко вознестись/низко опуститься, вертикаль власти, высшие силы* и т. д. [Порядина 2007: 32]. Однако данная оппозиция не является национально-специфичной доминантой с когнитивной точки зрения, она универсальна и свойственна человеческому сознанию в целом, а потому присутствует в любом естественном языке.

В силу преобладания горизонтальных пространственных моделей в русском мышлении социальная вертикаль не является доминирующей, её место в обществе ограничено т. н. вертикалью власти, о которой писали многие исследователи [Przeźrzeń w języku i kulturze 2005; Колесов 2004; Колесов 2008]. Не в последнюю очередь это связано и с тем, что «верхушка» вертикали власти для русской ментальности находится вне материальной, человеческой сферы, поскольку наивысшим авторитетом в традиционном русском мировосприятии многие века является Бог, а авторитеты человеческие весьма условны и не столь почитаемы, в отличие от рационально мыслящей Западной Европы. Где-то посередине

между ними находится царь-батюшка – приближенный к идеалу правитель, «отец народа», который частично обожещается и наделяется в сознании русского человека невиданной мощью, однако, как всякий человек, может быть низвергнут и попран в грязь, что не раз случалось в русской истории. Кроме того, приоритет горизонтальных пространственных моделей в русском языке подтверждается их гораздо большей структурной сложностью и разнообразием по сравнению с вертикальными моделями, обладающими более простым ментальным образом, на что указывают, в частности, представители Московской семантической школы [Апресян 1995: 640-641; Жуйкова 2005: 78-79 и др.].

Вертикальные модели в русском языковом сознании группируются, в частности, вокруг основного значения лексемы *высокий* как прилагательного, обозначающего вертикальное измерение и являющегося частотным средством выражения универсальной семиотической оппозиции «верх – низ». В словацком языке мы также без труда обнаружим сочетания типа *vysoká funkcia*, *vysoká pozícia* (высокий пост, высокое положение), которым будут соответствовать противопоставления *nižšia funkcia*, *nižšia pozícia* (см., в частности, последние 7 словацких эквивалентов в Таблице 2). Подобные естественные смысловые оппозиции не являются предметом нашего исследования, поскольку выражают универсальное в языке; мы же стремимся отыскать индивидуальное, выделить национально-специфичные когнитивные доминанты каждого из рассматриваемых языков.

Исходя из вышесказанного, следует ожидать, что в русской языковой картине мира обыденное понятие «высота» будет иметь иное семантическое наполнение, чем в словацкой. Это подтверждают данные параллельного русско-словацкого корпуса, из которых следует, что прилагательное «высокий» в русском языке выступает преимущественно как компонент универсальных оппозиций *высокий – низкий*, *высокий – глубокий* на базе вертикальной пространственной оппозиции «верх – низ» (в т. ч. «земля – небо») в разных значениях, включая переносные, а преобладающей семой понятия «высота» является 'возвышенный, неземной' с разными оттенками значения. В параллельных словацких текстах выступают соответственно синонимичные словацкие лексемы *vznešený*, *ušľachtilý*, *šľachetný* (возвышенный, благородный), иногда *veľký*, *vzácný* (великий, редкий). Исключение составляют два случая – высота как сила (*sila*) и особенно интересная межъязыковая русско-словацкая пространственная оппозиция *высота – глубина* (*hlbka*), что можно проследить по Таблице 4.

Таб. 4. Эквиваленты русских лексем *высота, высокий* в параллельном словацком тексте.

Русский текст	Словацкий текст
[вы совершили] высокий поступок прощения (Т)	ste odpustili – vznešený skutok
Каренина она любила /.../ за его высокую непонятую душу (Т)	Karenina miluje /.../ pre jeho vznešenú nepochopenú dušu
она же и сердца высокого (Д)	ona je však žena vznešeného srdca
он слишком чистый и высокой души человек (Т)	je prívelmi vznešený , stelesnená ušľachtilosť
устремить нас на высокую жизнь (Г)	usmernil náš život za ušľachtilým cieľom
высокая душа (Гр)	ušľachtilá duša
начинавший в нем строиться высокий внутренний человек (Г)	ušľachtilé city a pohnútky, ktoré sa začali hlásiť
[не может быть, чтобы я не заметил] высокой любви к добру (Г)	[neexistuje, aby mi unikla] šľachetná láska k dobru
уступил более высокому чувству (Гр)	ustúpil oveľa šľachetnejšiemu citu
чувствовал его высоту (Т)	videl jeho velkosť
признание « высоких истин» (Л)	uznávanie „ velkých právd“
высокий дар небес (БМ)	vzácný dar nebies
высокий гость (ДМ)	vzácný hosť
вы о ней не очень высокого мнения (ДМ)	nemáte o nej bohvieakú mienku
ум высокий (Т) – 2х, поэт.	um premúdry poet.
умиление перед высотой своего смирения (Т)	pohnutie nad silou svojej pokory
Что же касается описаний природы, то в них вы достигли, я бы сказал, почти тургеневской высоты! (Б)	A pokiaľ ide o opisy prírody, dosiahli ste v nich, povedal by som, priam turgenevovskú hĺbku!

Естественно предположить, что когнитивная структура, являющаяся национально-специфичной когнитивной доминантой ЯКМ какого-либо народа, будет иметь более обширный семный набор, чем её аналог в другом языке, не представляющий собой доминантного явления того же уровня. В отношении понятия «высота» это подтверждают сравнительные исследования материала разных европейских языков, проведённые Франциской Ахтерберг с акцентом на немецкий и польский [Achterberg 2000: 149-165]. Автор отмечает, что значения отражающего данное понятие прилагательного *высокий* имеют гораздо более разветвлённую структуру в германских языках (в частн., в немецком) по сравнению со славянскими, несмотря на то, что польский обширно заимствовал из немецкого [там же]. Но при рассмотрении приведённого автором материала мы обнаруживаем, что некоторые из указанных отличий (присутствующие в немецком и отсутствующие в польском) имеют аналогии в словацком и близкородственном чешском! Так, например, в польском языке (а также в восточнославянских) прилагательное *высокий* невозможно сочетать с существительным *возраст* (нельзя сказать **wysoki wiek* по-польски,

**высокий возраст* по-русски или **высокі ўзрост* по-белорусски), в то время как в словацком и чешском это совершенно естественно – слвц. *vysoký vek*, чеш. *vysoký věk* (ср. нем. *ein hohes Alter*). И если придерживаться гипотезы о географическом детерминизме как релевантном факторе формирования языковых картин мира европейских языков, то это вполне закономерное явление – ведь немецкий, словацкий и чешский языки формировались преимущественно в гористом ландшафте, а польский и восточнославянские – преимущественно в равнинном. Если рассматривать формирование ЯКМ в аспекте географической детерминированности, то своего рода переходные явления следует ожидать на «комбинированных» территориях, где и горные, и равнинные ландшафты присутствуют в определённом соотношении (напр., Польша и Украина). В этом плане любопытно наличие в польском языке ФЕ *najwyższy czas* ‘самое время, пора’, не имеющее эквивалентов в восточнославянских языках, однако широко присутствующее в словацком, чешском и немецком в том же значении: слвц. *najvyšší čas*, чеш. *nejvyšší čas*, нем. *höchste Zeit* (см. Таблицу 5).

Таб. 5. Специфичные значения прилагательного *высокий* в некоторых европейских языках, свидетельствующие о его связи с когнитивными доминантами.

СЛВЦ.	ЧЕШ.	ПОЛ.	РУС.	НЕМ.
«пожилой»				
<i>vysoký vek</i>	<i>vysoký věk</i>	–	–	<i>ein hohes Alter</i>
«наиболее подходящий»				
<i>najvyšší čas</i>	<i>nejvyšší čas</i>	<i>najwyższy czas</i>	–	<i>höchste Zeit</i>

При проведении подобных параллелей важно разграничивать универсальное и индивидуальное, всеобщее и национально-специфичное. Проявлением универсального могут быть такие соответствия, которые базируются на оппозициях *высокий* – *низкий*, *высокий* – *глубокий*. Так, в словацком языке является частотным выражение *výsostne/nanajvýš spokojný s niečím* ‘абсолютно, в высшей степени доволен чем-л.’, которому в русском языке, кроме основных нефразеологических значений («максимально доволен/удовлетворён», «доволен в высшей степени»), соответствует клише советского периода с чувством *глубокого* удовлетворения. И наоборот, устойчивое сочетание – формула вежливости, используемая в дипломатической корреспонденции в совершенно идентичном контексте, содержит в русском языке компонент *высокий*, а в словацком – *глубокий*: рус. *заверить в своём высоком уважении*, слвц. *uistiť o svojej hľbokej úcte*. Как видно из данных примеров, одно и то же значение пополняет в одном языке семный набор понятия «высота», а в другом – понятия «глубина», которые также имеют под собой пространственную подоплёку, но в её универсальном проявлении. Специфичные

же черты отражены в оппозиции *высота* – *широта*, которая не является общей семиотической закономерностью. Несомненно, происхождение основных семантических различий рассматриваемых явлений станет более ясным при диахронном анализе развития значений, однако это не является задачей нашего исследования.

Вышеприведённые примеры подтверждают различия в объёме и содержании семных наборов понятия «высота» в словацком и русском языках, которые являются выражением индивидуального, национально- и культурно-специфичного в каждом из рассматриваемых языков и обусловлены географически детерминированными различиями их когнитивных доминант.

Ещё более выразительными являются различия в объёме и содержании семных наборов понятия «широта» в словацком и русском языках, поскольку, как мы уже упоминали, в русской ментальности оно является одним из ключевых, безусловно когнитивно доминантных концептуальных образований, чего мы не наблюдаем в ментальности словацкой.

Понятие «широта» применительно к русской ментальности связывается прежде всего с душой, с широтой русской природы, являясь выражением безграничности, бесконечности, необъятности. Выходя за рамки пространственного ощущения, оно обладает высокой мерой абстракции. Именно в таком ракурсе связывал его с географией России Н.А. Бердяев, который неоднократно обращался к этой проблематике и которого мы позволим себе процитировать более пространно. В частности, в эссе «О власти пространства над русской душой», вошедшем в книгу «Судьба России» (1918), философ пишет: «С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактором русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это – география русской души» [Бердяев 2004]. Далее автор замечает, что «в русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчётливости, экономии пространства и времени, **интенсивности** культуры [выделение наше – Н.К.] /.../ Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону **экстенсивности** [выделение наше – Н.К.]. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры» [там же]. В работе «Русская идея» Бердяев добавляет: «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремлённость в бесконечность, как и в русской равнине. Поэтому русскому народу трудно было овладеть этими огромными пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила

стихий и сравнительная слабость формы. Русский народ не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности. У народов Западной Европы всё гораздо более детерминировано и оформлено, всё разделено на категории и конечно. Не так у русского народа, как менее детерминированного, как более обращённого к бесконечности и не желающего знать распределения по категориям» [Бердяев 1990].

Как видим, русский философ оперирует в основном абстрактными понятиями, самым частотным из которых является понятие «душа», теснейшим образом связанное с основополагающим универсальным концептом русской ментальности и обладающее высочайшей мерой абстракции (подробнее см. раздел 9.2.). Примечательно, что именно с «географии русской души» начинается своя «Историю России» и С.М. Соловьёв [Соловьёв 2005], ставя на первое место не материальное, а духовное, не конкретное, а абстрактное. Потому и понятие «широта» в русской ментальности синонимично безграничности, бесконечности и плохо поддаётся выражению средствами того языка, чья ментальность тяготеет к детерминированности. Так, в русско-словацком параллельном корпусе из 18 случаев употребления в русском тексте словоформ, однокоренных к «широкий», только в одном-единственном случае в словацком переводе тоже оказалось слово *широкий*, и то в культурно обусловленном контексте – отрывке из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» в словацком переводе: «... *ruskí ľudia majú vôbec širokú dušu, /.../ širokú, ako je ich krajina*» [<http://korpus.juls.savba.sk/parus/>].

Здесь в словацкий текст перенесено специфически русское лингвокультурное понятие «широта русской души», упомянутое нами выше. Оно наиболее показательно именно в силу его ключевого значения в русской культуре и не раз становилось предметом отдельных исследований. В статье А.Д. Шмелёва, так и озаглавленной – «Широта русской души» – раскрываются основополагающие характеристики данного понятия: «Прежде всего, *широта* – это само по себе название некоторого душевного качества, приписываемого русскому национальному характеру и родственного таким качествам, как хлебосольство и щедрость. *Широкий* человек – это человек, любящий *широкие* жесты, действующий с размахом и, может быть, даже живущий на *широкую* ногу. Иногда также употребляют выражение *человек широкой души*. Это щедрый и великодушный человек, не склонный *мелочиться*, готовый простить другим людям их мелкие проступки и прегрешения, не стремящийся «заработать», оказывая услугу. Его щедрость и хлебосольство иногда могут даже переходить в нерасчётливость и расточительность. Но существенно, что в системе этических оценок, свойственных русской языковой картине мира, *широта* в таком понимании – в целом положительное качество.

/.../ Однако выражение *широта души* может интерпретироваться и иначе, обозначая тягу к крайностям, к экстремальным проявлениям какого бы то ни было качества. Эта тяга к крайностям (всё или ничего), максимализм, отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций часто признаётся одной из самых характерных черт, традиционно приписываемых русским» [Шмелёв 2005]. С широтой традиционно связываются русская щедрость, хлебосољство, умение *угостить широкой рукой* [Семёнова 2009; Зимин, Спирип: 57]. Из вышесказанного очевидно, что «широта» является доминантным концептуальным образованием в национальной концептосфере русского языка.

Подтверждает доминантность понятия «широта» и материал русско-словацкого параллельного корпуса, где объём его семного набора отражён в выборе эквивалента в параллельных словацких текстах (в скобках дано число употреблений): *широкий* – *vysoký* (6), *veľký* (2), *plný* (2), *bujarý* (1), *mocný* (1), *všestranný* (1), *dalekosiahly* (1), *daleký* (1), *nepretržitý* (1), *dôkladný* (1), *široký* (2)²⁴, в которых преобладает русско-словацкая концептуальная оппозиция *широкий* – *высокий*.

Любопытно отметить, что большинство словосочетаний, содержащих компонент *широко/широкий*, является фразеологизмами с разной степенью семантической слитности компонентов (11 из 18), причем 6 из них содержат концептуальную оппозицию *широкий* – *высокий* в словацком тексте (см. Таблицу 6).

Таб. 6. Выбор эквивалента к сочетаниям с вербализованным понятием «широта».

Русский текст	Словацкий текст
жил на широкую ногу (ДМ)	žil na vysokej nohe
зажил на широкую ногу (ДМ)	žil na vysokej nohe
любит широко пожить (ДМ)	rád žije na vysokej nohe
разгул широкой жизни (Г)	voľnosť bujareho života
жил широко (Гр)	žil na vysokej nohe
чересчур широко размахнулись (ДМ)	príliš vysoko rúbali
широкие идеалы (Л)	vysoké ideály
широкие идеалы (Л)	dalekosiahle ideály
более широкие горизонты (ДМ)	väčšie horizonty
его всегда отличала /.../ глубина и широта суждений (БС)	vyznačoval sa hlbokými a všestrannými úsudkami
не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому (Г)	namiesto mocnej životnej vášne zbuynie úbohá náruživosť k čomuś celkom malichernému
под условием широкой свободы (Л)	v prípade plnej slobody

²⁴ высокий (6), большой (2), полный (1), удалой (1), сильный (1), всесторонний (1), далеко идущий (1), далёкий (1), непрерывный (1), всеобъемлющий (1), широкий (2) – перевод Н. К.

теперь у нас нет ни широкой , ни узкой свободы (Л)	teraz nemáme ani plnú ani obmedzenú slobodu
широкое развитие революции (Л)	nepretržité rozvíjanie revolúcie
широкий и неопределённый рынок (Л)	neznámy a ďaleký trh
по широкому пространству страны (Л)	po väčšej časti krajiny
поиск проведён недостаточно широко (БС)	nepátrali sme dost dôkladne
русские люди вообще широкие люди, /.../ широкие , как их земля	ruskí ľudia majú vôbec širokú dušu, /.../ širokú , ako je ich krajina

Проблема когнитивной доминантности определённых концептуальных образований в национальной картине мира непосредственно связана с установлением степени релевантности таких факторов, как происхождение, семантическое и образное наполнение, универсальные и национально-специфичные свойства доминантной структуры. В процессе обсуждения результатов нашего исследования нам приходилось, в частности, слышать такие возражения: словацкая фразема *z vysokého koňa* не несёт в себе никакой когнитивной доминантности и никакой «особой» вертикальности, поскольку это просто «картинка с природы» – ведь, находясь на коне, совершенно естественно смотреть на собеседника сверху вниз и возвышаться над ним, и данное выражение всего лишь отражает реальную ситуацию. Но это поверхностный, формальный взгляд, а мы стараемся проникнуть глубже. Ведь практически все народы мира пользовались для верховой езды разными видами животных, и как само возвышение всадника над пешим, так и его метафорический перенос в структуру языка естественны и понятны всем (теоретически это могло бы выглядеть как *с *высокого верблюда/слона/быка* и т. д.). Однако в языках других народов (по меньшей мере европейских, и прежде всего восточнославянских) такая фразема не прижилась! А в словацком, кроме уже упомянутой *z vysokého koňa*, есть и другая ФЕ с тем же компонентом – *sadať (si) na vysokého koňa* 'делать нечто, на что недостаёт сил и/или средств [SSJ] ('robiť niečo, na čo sily, prostriedky nestačia'), дословно «сидеть на высокого коня». В русском же языке есть «картинки с природы» в виде ФЕ *быть на коне*, *выбить из седла*, которые отражают универсальную семиотическую оппозицию «верх – низ» (быть на коне = находиться на вершине, высоко; выбить из седла = низвергнуть, ниспровергнуть), однако данные пространственные категории выражены **всей ФЕ в её целостности**, в то время как в вышеперечисленных словацких фраземах присутствует отдельный, но неизменный в данном случае лексический компонент, определяющий признак называемого явления – прилагательное *высокий*, а вся ФЕ в целом может вовсе не иметь семантики высоты или возвышенности.

Точно так же и ФЕ *жить на большую ногу* 'жить богато, роскошно, ни в чём себе не отказывая' (подробный анализ см. выше), которая изначально была одинаково заимствована всеми славянскими языками из

западноевропейских, трансформировалась в процессе исторического развития в отдельных языках в те варианты, которые наиболее соответствуют когнитивным приоритетам каждого из них и которые на современном этапе функционирования языка оцениваются как наиболее частотные (рус. *жить на широкую ногу*, словц. *žiť na vysokej nohe*). Исконная или заимствованная, копирующая реальность или вымышленная – в данном случае происхождение ФЕ нерелевантно, так же, как и диахронный аспект рассматриваемого явления. Здесь следует различать формирование языковой картины мира (ЯКМ) народа в целом, которая эволюционирует вместе с народом и его языком и для объективного анализа которой необходим диахронный аспект [ср., напр., Алефиренко – Степанова 2010], и селекцию национально-специфичных когнитивных доминант, возникающих в данной ЯКМ на определённом этапе её развития. Поэтому более важным нам представляется синхронный аспект – современное состояние явления как результат данного развития. Иными словами, **механизм возникновения фразеологической единицы является нерелевантным для оценки её когнитивной доминантности в синхронном разрезе, поскольку функционирование ФЕ на современном этапе развития языка обусловлено когнитивными приоритетами данного языка, свойственными национальной ментальности в целом и отражающими национально-специфичное в конкретной ЯКМ.**

При установлении межъязыковых параллелей не следует забывать и о том, что даже в кажущихся абсолютно тождественными ФЕ на первый план могут выступать разные семы: так, в русской ФЕ *обвести кого-л. вокруг пальца* 'обмануть, провести кого-л.' на первом плане находится сема обмана, а в формально аналогичных словацкой ФЕ *otovať niekoho okolo prsta* и чешской ФЕ *otočit kohosi kolem prstu* 'обманом или уловками заставить кого-л. делать то, что тебе нужно' на первый план выступает сема подчинения (данную проблематику затрагивает, в частности, Л.И. Степанова – сравн. [Степанова 2011]), хотя все три перечисленные ФЕ относятся к общему фразеосемантическому полю «Обман».

9.2. **Оппозиция категорий абстрактного и конкретного, или между Западом и Востоком**

Как известно, «формирование определённых представлений о мире является результатом взаимодействия трёх уровней психического отражения – уровня чувственного восприятия, уровня формирования представлений (элементарные обобщения и абстракции), уровня речемыслительных процессов. Вся эта суммарная информация составляет суть системы концептов» [Маслова 2005: 10 – 11]. Поэтому значительное место в концептосфере каждого языка занимают абстрактные структуры, связанные с особенностями национальной ментальности. Способность абстрагировать и обобщать присуща самой природе человеческого мышления, и благодаря ей у каждого народа возникают свои национальные

символы, связанные с культурно-историческими традициями, что находит своё непосредственное отражение в языке. «Способность индивида постичь язык как систему и как коммуникативный код основана на его способности воспринимать слово как символ, что обусловлено врождённой способностью к абстрагированию» [Kováčová 2011: 31, перевод Н. К.]. Для русской ментальности таким словом-символом и одним из базовых концептов является концепт «Душа», который, хотя и присутствует у всех славянских народов, однако имеет очень различную степень абстракции и участия в формировании национальной ментальности. Именно в русской ментальности он связывается практически со всеми сферами человеческой деятельности, достигая высочайшей степени метафоризации и абстракции.

О метафоризации и метафоре в филологии написано очень много, однако некоторые моменты хотелось бы подчеркнуть отдельно. Одна из наиболее выдающихся исследователей процессов метафоризации в русском языке, В.Н. Телия, отмечала, что метафоризация – это процесс такого взаимодействия сущностей и операций, который приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания [Телия 1988]. Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображённой в значении переосмысливаемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое, в свою очередь, «вплетается» в картину мира, выражаемую языком [Телия 1988; Надеина 2004]. Поскольку процесс познания действительности обусловлен особенностями пространственного восприятия, сформированного под влиянием естественного ландшафта среды обитания народа, то и метафоры в каждом языке будут иметь национально-культурную специфику и соответствовать его специфическим когнитивным приоритетам. В силу их особой роли в формировании ЯКМ Дж. Лакофф даже специально выделял т. н. ориентационные метафоры, связанные с пространственной ориентацией и основанные на базовых оппозициях типа «верх – низ», «перёд – зад» и т. п. Учёный подчёркивал, что данные метафоры обладают культурно-специфическими свойствами и различаются у разных народов: «Подобные метафорические ориентации отнюдь не произвольны – они опираются на наш физический и культурный опыт. Хотя полярные противопоставления «верх – низ», «внутри – снаружи» и т. п. имеют физическую природу, основанные на них ориентационные метафоры могут варьировать от культуры к культуре» [Лакофф 2008: 35].

Однако метафора, являясь продуктом образного мышления, формируется под влиянием тех же факторов, которые обуславливают специфику самого процесса мышления. Это в первую очередь культурная среда и система традиционных верований народа, а посему, говоря о ментальности, нам не обойти вниманием особенности русской и словацкой культур.

По одному из определений, «культура – это исторически развивающаяся многоликая, многослойная система созданных человеком духовных и материальных ценностей, социокультурных норм и способов их распространения и потребления, а также процесс самореализации и раскрытия творческого потенциала общества в различных сферах социальных отношений. Культура предстаёт как сотворённая человеком «вторая природа», надстроенная над естественной природой, как мир, созданный человеком, в отличие от девственной природы» [по материалам сайта «История русской культуры» – <http://historyculture.ru/>].

Большинство авторов, касавшихся вопросов эволюции русской культуры, отмечает, что её главной характерной чертой является синтез особенностей западной и восточной цивилизаций (Н.А. Бердяев, В.О. Ключевский, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, Д.С. Лихачёв, В.В. Кусков, Г.Д. Гачев, А.А. Радугин, В.В. Долгов, К.Д. Кавелин и др.). «Восточность» русской культуры проявляется прежде всего в преобладании духовных ценностей над материальными, в способности пожертвовать всем ради высокой идеи, немало примеров чему мы найдём и в истории, и в русской литературе, и в самой жизни. Но самое главное – всё это отражено в русском языке, который является выразителем культуры народа. И хотя проблематика связи языка и культуры, языка и мышления затрагивалась в трудах философов начиная с античности, в лингвистике о глубинных взаимосвязях языка и культуры заговорили ближе к середине XX века [Sapir 1949; Wierzbicka 1997 и др.], и, хотя наличие данных взаимосвязей очевидно, они до настоящего времени остаются недостаточно исследованными, поскольку они многообразны и динамичны так же, как и человеческая мысль, и не поддаются однозначной интерпретации и исчерпывающему описанию. Возникновение лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины восходит к традициям Э. Сепира, утверждавшего, что «язык [является] символическим руководством к пониманию культуры» [Sapir 1949: 162, цит. по: Wierzbicka 1997] и что языкознание «имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» [там же: 166].

Стержневая роль языка в функционировании человеческого общества обусловлена тем, что язык одновременно является как средством выражения ментальных процессов (когнитивный аспект), так и средством коммуникации (дискурсивный аспект), а все остальные его функции, по существу, следуют из этих двух или тесно с ними связаны. Национальная культура, неразрывно связанная с национальной ментальностью, проявляется прежде всего в когнитивных приоритетах языка, в особенностях его концептосферы, однако она так же неотделима и от процессов коммуникации как в пределах одного общества, так и в международном масштабе (проблематика диалога культур).

Вернувшись к предмету нашего изучения – лингвокогнитивной специфике русского и словацкого языков – мы обнаружим интересную

особенность: ментальности обоих народов являются по-своему переходными, они могут рассматриваться как своего рода связующее звено между разными мирами. Словацкая ментальность, как мы уже отмечали выше, находится посередине между русской (восточноевропейской) и западноевропейской, а русская – между европейской и азиатской, причём словацкая стоит ближе к западной (рациональность, конкретность, пространственная детерминированность и т. д.), а русская – к восточной (духовность, абстрактность, пространственная индетерминированность и т. д.). Проблеме «рациональность versus духовность» в русской ментальности и культуре посвящено множество исследований, поэтому мы не будем отдельно освещать данную тему. Добавим лишь, что применительно к словацкой ментальности и культуре данная проблематика затрагивалась преимущественно философами, из которых особенно интересными представляются труды Эмиля Палеша [Páleš 1990; 1995; 2007; 2010]. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что как русская, так и словацкая ментальности представляют собой переходное состояние между Западом и Востоком, причём со словацкой стороны преобладает западный компонент (*ratio*), а с русской – восточный (духовность). Обширные тому подтверждения мы найдём в художественной литературе обоих народов – так, например, в русской литературе образцом русской ментальности с её приоритетной ориентацией на духовные ценности давно стало творчество Ф.М. Достоевского. В словацкой литературе, пожалуй, нет автора, регулярно и эксплицитно выражающего ценностную основу национальной ментальности, однако образцом традиционной словацкой системы ценностей может служить творчество Яна Калинчяка, богато использовавшего в своих произведениях (прежде всего в хрестоматийной повести «Выборы»; оригинал J. Kalinčiak, *Reštavrácia*) сокровищницу народной мудрости – фразеологию и паремологию, которая отражает традиционную ценностную ориентацию народа. Богатый материал могут предоставить также собрания народных пословиц, поговорок, прибауток и прочих устных жанров народной словесности, но это тема для отдельного исследования (данной проблематике посвящены, в частности, работы Н.Н. Семененко). На уровне внутренних структур языка наше предположение подтверждают также культурно-специфичные особенности, проявляющиеся в когнитивных доминантах национальных языков и тесно связанные с теми концептами, которые А. Вежицка назвала «ключевыми словами культуры». Ярким тому примером является, напр., концепт «Пошлость» в русском языке, непосредственно связанный с духовными ценностями русского общества, чего не отражают переводные словари. Так, толковые словари русского языка при определении прилагательного *пошлый* ставят на первое место сему 'низкий в нравственном отношении человек' [Шведова 2007; Ожегов, Шведова 1999: 575; Лопатин, Лопатина 1990: 421 и др.], в то время как многие переводные словари сводят его семантику к вульгарности и

простоватости, снимая моральный акцент (данный вопрос подробно исследован у А. Вежбицкой [Wierzbicka 1997]).

«Восточный» приоритет духовного над телесным в русской культуре проявляется и в тяготении к абстрактным категориям, ярким примером чему может служить возведённое в абсолюте в русской ментальности понятие «душа», тесно связанное с понятиями широты и безграничности и часто выступающее в ставших стереотипными сочетаниях «широкая русская душа», «широта русской натуры», «широкой души/широкий человек».

Возникновение данных национальных стереотипов не случайно. Частично затронув вопрос о противопоставленности абстрактности в русской ментальности и конкретности в ментальности словацкой, выраженных на разных структурных уровнях языка, мы добавим, что с лексико-семантической точки зрения одним из наиболее ярких проявлений данной оппозиции являются особенности употребления лексемы *душа* в русском и словацком языках. Когнитивная структура, вербализованная лексемой *душа*, может выступать и как концепт (наивное представление о душе), и как понятие (определение души в теологии). Несомненно то, что она является одной из основополагающих концептуальных единиц русской ментальности, что даёт основания назвать её универсальным концептом (*культурная константа*, а также *метафизический концепт* в терминологии Ю.С. Степанова и *суперконцепт* в терминологии Л.Ю. Буяновой), достигающим в русском языковом сознании высочайшей меры абстракции, что проявляется не только в целом наборе национально-культурных стереотипов («загадочная русская душа», «разговор по душам» и проч.), но и весьма показательно представлено в русской фразеологии.

В словацком языке, отражающем переходную от западной к восточной ментальность с более выразительным западным компонентом, также присутствует душа как абстрактное понятие, однако оно занимает гораздо более скромное место в национальной ментальности, чем у русских. Наиболее очевидным данное соотношение становится при сравнении материала словацкой и русской фразеологии, а также национальных корпусов словацкого и русского языков.

Во-первых, при сравнении частотности употребления лексемы *душа* во всех значениях, в т. ч. в составе фразем и поговорок, мы обнаружим, что в основном корпусе Национального корпуса русского языка (по состоянию на февраль 2011 г.) фиксируется 94 234 употребления при общем объёме корпуса 192 840 904 слова (около 0,048% от всего корпуса), а в основном корпусе Словацкого национального корпуса того же периода – 69 654 употреблений при общем объёме корпуса около 719 000 000 слов (около 0,0097% от всего корпуса), т. е. в пять с лишним раз меньше, чем в русском языке [НКРЯ; SNK].

Во-вторых, об этом свидетельствует количество фразеологизмов с компонентом *душа*, фиксируемых различными словарями:

- в русском языке: *душа не лежит к чему-л., душа болит за кого/что-л., душа-человек, с открытой душой, тревожно на душе, душа не на месте, душу травить, беречь душу, душа нараспаику, душа жаждет чего-л., поговорить по душам, чист(а) душой, душа ушла в пятки, жить душа в душу, родная душа, широкая душа, добрая душа, отвести душу, душа не принимает, (сойдёт) за милую душу, плюнуть в душу, что-л./кто-л. не по душе, отдыхать душой, камень с души свалился, стоять над душой, [потрясти] до глубины души, ни души, душа просит чего-л., входить в душу, копеечная душа, кривить душой, лезть в душу, вдохнуть душу во что-л., всей душой, всеми фибрами души, чего душа пожелает, души не чаять в ком-л., [относиться] со всей душой к кому-л., душу (вы)мотать кому-л., вывернуть душу наизнанку перед кем-л. и т. д. [ФСРЯ; СФСРЯ.; СФСРЯ₂; Жуков; Мелерович, Мокиенко; Зимин, Спиринов] (см. Таблицу 7);*

- в словацком языке: *pohladiť dušu, dobrá duša, ani živej duše, s malou dušičkou, spriaznená duša, celou dušou, v kútiku duše, prehovárať/vraviať do duše, v hĺbke duše, z hĺbky duše/z (celej) duše, čo si duša zažiada/zaželá, vyraziť/vytriasť dušu z niekoho, ako bez duše, vypustiť/vydýchnuť dušu, mať dušu na jazyku, vidieť niekomu do duše, vylievať dušu, vkladať dušu do niečoho, chodí doňho/do nej duša spávať, skoro dušu vyplul(a)* и т. д. [SS; RSFS; Glovňá, Lindner, Obst; Smiešková; Habovštiaková, Krošlaková] (см. Таблицу 8).

В-третьих, большую по сравнению с русской «материальность», детерминированность словацкой ментальности подтверждают фразеологические параллели: во многих случаях русской фраземе с компонентом *душа* в словацком языке соответствует эквивалент с более конкретной лексемой *serdce*, соотносимой с материальным предметом – органом кровообращения, а в некоторых случаях словацкий эквивалент вовсе не имеет выражено абстрактного характера (см. Таблицу 7). Всего в таблицу включено 60 употребительных русских ФЕ с компонентом *душа*, которые выступают в следующих соотношениях:

- количество русских ФЕ с компонентом *душа*, которым в словацком языке соответствуют ФЕ с компонентом *serdce* (включая случаи с вариантным употреблением компонентов *душа* и *serdce*) – 16 из 60;

- количество русских ФЕ, в которых возможно синонимичное употребление компонентов *душа* и *serdce* с преобладанием компонента *душа* – 9 из 60 (преобладание компонента *serdce* не наблюдается);

- количество словацких ФЕ, в которых возможно синонимичное употребление компонентов *душа* и *serdce* с преобладанием компонента *serdce* – 4 из 60;

- количество словацких ФЕ, в которых возможно синонимичное употребление компонентов *душа* и *serdce* с преобладанием компонента *душа* – 2 из 60 (варианты употребления лексем *душа* и *serdce* в обоих

языках мы обозначили звёздочкой – см. более подробный комментарий под Таблицей 7);

- количество случаев, когда многозначная ФЕ русского языка с компонентом *душа* имеет фразеологический эквивалент лишь к одному из значений – 2 из 60;

- количество нефразеологических эквивалентов (кроме многозначных ФЕ, у которых только часть значений имеет фразеологические эквиваленты) – 12 из 60;

- количество словацких фразеологических эквивалентов без компонента *душа* (включая ФЕ с компонентом *сердце*, но не учитывая варианты ФЕ с возможным употреблением компонентов *душа* и *сердце*) – 23 из 60;

- количество идентичных или близких к идентичным ФЕ с компонентом *душа* (в т. ч. библейского происхождения) – 16 из 60.

Вышеуказанные соотношения свидетельствуют об определённой размытости границ между употреблением лексем *душа* и *сердце*, причём в русском языке очевидно тяготение к душе, а в словацком – к сердцу. Кроме того, там, где русская ФЕ содержит абстрактный компонент *душа*, словацкий эквивалент во многих случаях содержит конкретный (а иногда и весьма приземлённый) «телесный» компонент – *сердце, горло, желудок, задница* (см. Таблицу 7). Это косвенно подтверждает большую детерминированность и конкретность словацкой ментальности, а следовательно, может быть свидетельством её переходного состояния между русской и западноевропейской.

Таб. 7. Словацкие эквиваленты к русским ФЕ с компонентом *душа* (значения ФЕ даны по ФСРЯ и Зимин, Спирин).

	Русская фразеологическая единица	Словацкий фразеологический эквивалент	Буквальный перевод словацкой ФЕ	Значение ФЕ, примечания
1.	душа ушла в пятки	srdce spadlo do nohavic	«сердце упало в штаны»	'испытывать сильный страх'
2.	камень с души свалился [*]	kameň/balvan zo srdca spadol	«камень с сердца свалился»	'кто-л. испытывает чувство душевного облегчения, избавления от чего-л. гнетущего, тягостного, неприятного'
3.	душа/голова горит [*]	srdce buší niekomu/ celý horí niekto	«сердце стучит у кого-л./весь горит кто-л.»	'кто-л. сильно взволнован, возбуждён, взвинчен'

4.	брать/взять за душу	chytiť za srdce	«схватить за сердце»	¹ сильно, глубоко волновать, трогать, тревожить ¹
5.	вывернуть душу (наизнанку) перед кем-л.	otvoriť srdce niekomu/pred niekým	«открыть сердце кому-л./перед кем-л.»	¹ рассказать о себе всё, всю подноготную ¹
6.	кошки скребут на душе	ťažko na srdci/okolo srdca	«тяжело на сердце/около сердца»	¹ кому-л. грустно. тоскливо, беспокойно, тревожно ¹
7.	вырвать из души ^{*)} кого-л./что-л.	vytrhnúť (si) zo srdca niekoho/niečo	«вырвать из сердца кого-л./что-л.»	¹ заставлять себя совсем забыть кого-л./что-л. ¹
8.	с открытой душой ^{*)}	1. s otvoreným srdcom; 2. s otvoreným náručím	«с открытым сердцем»; «с открытыми объятиями» (сравн.: с <i>распростёртыми объятиями</i>)	¹ без предубеждений; искренне, доверчиво, откровенно (относиться к кому-л., делать что-л. и т. п.) ¹
9.	душа разрывается ^{*)} [на части]	srdce puká/ide puknúť niekomu ^{*)}	«сердце разрывается/идёт разорваться у кого-л.»	¹ кто-л. испытывает глубокую скорбь, печаль, тяжело переживает что-л. ¹
10.	душа-человек	[človek] s otvoreným srdcom	«[человек] с открытым сердцем»	¹ добрый, сердечный человек ¹
11.	душа болит ^{*)}	srdce bolí/krváca pre niekoho/niečo ^{*)}	«сердце болит/кровоточит для кого-л./чего-л.»	¹ кто-л. испытывает тревогу, беспокойство, душевные страдания ¹
12.	войти в душу ^{*)}	stať sa vecou srdca	«стать делом сердца»	¹ глубоко затрагивать, волновать; становиться предметом постоянных раздумий и т. п. ¹
13.	душа нараспашку	má srdce na dlani, úprimná/otvorená duša	«у него/неё сердце на ладони», «честная/открытая душа»	¹ чистосердечный, прямодушный, откровенный ¹
14.	читать в душе у кого-л.	čítať niekomu v srdci, dívať sa/vidieť niekomu do duše/ do srdca	«читать у кого-л. в сердце», «смотреть/видеть кому-л. в душу/в сердце»	¹ угадывать чьи-л. мысли, желания, настроения и т. п. ¹
15.	отвести душу	uľaviť si na duši, vyliť si srdce	«облегчить душу», «излить сердце»	¹ находить для себя утешение, успокоение, разрядку в чём-л. ¹

16.	бередить/травить душу	jatriť ranu/dušu	«бередить рану/душу»	¹ вызывать тягостные воспоминания; волновать, тревожить, беспокоить ¹
17.	с душой	s plným zaujatím, vkladajúc dušu/srdce do niečoho	«с полной заинтересованностью», «вкладывая душу/сердце во что-л.»	¹ с увлечением, подъемом (делать что-л.) ¹
18.	душа не принимает	ide/lezie (von) krkom niekomu niečo	«идёт/лезет через горло что-л. у кого-л.»	¹ совсем нет желания, не хочется или противно пить, есть что-л. ¹
19.	чернильная/бумажная душа	kancelárska krysa	«канцелярская крыса»	<i>preneбр.</i> ¹ бюрократ, чиновник, формалист ¹
20.	что-л./кто-л. не по душе	nie je po chuti	«не по вкусу»	¹ не нравится ¹
21.	тянуть за душу	liezť niekomu na nervy	«лезть кому-л. на нервы»	¹ изводить чем-л. нудным, неприятным и т. п. ¹
22.	с души воротит	dvíha sa niekomu žalúdok	«у кого-л. подымается желудок»	¹ противно, нет сил терпеть, выносить и т. п. ¹
23.	душа не на месте	byť (celý) nesvoj	«быть (весь) не свой»	¹ кто-л. встревожен, чувствует себя очень беспокойно ¹
24.	без мыла в душу лезть	pchať sa do zadku	«лезть в задницу»	¹ любыми средствами приобретать доверие, добиваться расположения кого-л. ¹
25.	вдохнуть душу во что-л.	vliat život do niekoho/niečo, prebudiť k životu niekoho/niečo	«вливать жизнь в кого-л./во что-л.», «пробудить к жизни кого-л./что-л.»	¹ оживить, возродить что-л. ¹
26.	души не чаять в ком-л.	vidieť sa v niekom, visieť na niekom	«видеть себя в ком-л.», «висеть на ком-л.»	¹ очень любить кого-л. ¹
27.	душу (вы)мотать/вытягивать кому-л.	piť krv niekomu	«пить кровь у кого-л.»	¹ изводить, терзать кого-л.; надоедать, досажать чем-л. неприятным, нудным и т. п. ¹
28.	закрыть душу на замок	uzavrieť sa do seba	«замкнуться в себе»	¹ стать замкнутым, скрытым ¹

29.	для души	pre (vlastné) potešenie	«для (собственного) удовольствия»	'для удовлетворения внутренних, духовных запросов, потребностей'
30.	брать грех на душу	brať si na svedomie	«брать на свою совесть»	1. 'нести моральную ответственность за предосудительные поступки, действия, совершаемые по принуждению или по своей воле'; 2. 'совершать предосудительный поступок, грешить'
31.	за милую душу	1. (s radosťou – нефразеологич. эквивалент); 2. (bez váhania – нефразеологич. эквивалент); 3. na môj dušu/veru, na betón	1. «с радостью»; 2. «без раздумий»; 3. «на мой душу/ веру», «на бетон»	1. 'с большим удовольствием, желанием, весьма охотно'; 2. 'не задумываясь, без долгих размышлений'; 3. 'вне всякого сомнения, наверняка'
32.	душа не лежит к кому-л./чему-л.	1. niečo nie je po chuti; (2. niekto je nesympatický niekomu – нефразеологич. эквивалент)	1. «что-л. не по вкусу»; 2. «кто-л. несимпатичен кому-л.»	'нет интереса, склонности, желаний, симпатии, доверия к кому-л. или к чему-л.'
33.	кривить душой	(hovoríť polopravdy, pretvarovať sa – нефразеологич. эквивалент)	«говорить полуправду, лицемерить»	'лгать, не говорить всей правды'
34.	копеечная душа	(lakomec – нефразеологич. эквивалент)	«жадина»	'алчный человек'
35.	[жить] душа в душу	(v úplnej zhode – нефразеологич. эквивалент)	«в полном согласии»	'в полном согласии, дружно'
36.	заячья душа	(zbačec – нефразеологич. эквивалент)	«трус»	'трусливый, робкий человек'
37.	от полноты души	(prekuřujúć citmi – нефразеологич. эквивалент)	«кипя чувствами»	'от избытка чувств'
38.	(приходить) по чью-л. душу	(prichádzať po niekoho – нефразеологич. эквивалент)	«приходить к кому-л, за кем-л.»	'за кем-л. или к кому-л. (приходить, являться и т.п.)'

39.	болеть душой за кого-л., что-л.	(trápiť sa pre niekoho, mať starosť o niekoho/niečo – нефразеологич. эквивалент)	«мучаться за кого-л., переживать за кого-л.»	¹ переживать, сочувствовать ¹
40.	как бог на душу положит	(ako príde – нефразеологич. эквивалент)	«как получится»	¹ (как, сколько, что) вздумается, захочется ¹
41.	[поговорить] по душам	(úprimne, srdečne – нефразеологич. эквивалент)	«искренне, сердечно»	¹ искренно, чистосердечно, откровенно ¹ (специфичная русская линвокультурная реалья, данное толкование не даёт всей полноты ассоциативных связей)
42.	за душой	(niekto má niečo – нефразеологич. эквивалент)	«у кого-л. есть что-л.»	¹ в наличии (иметься) ¹
43.	стоять над душой	(dotierať, domrúzať do niekoho – нефразеологич. эквивалент)	«докучать, надоедать»	¹ надоедать своим присутствием, докучать своей назойливостью ¹
44.	отлегло на душе ^{*)}	(uľavilo sa – нефразеологич. эквивалент)	«облегчилось»	¹ кто-л. испытывает чувство облегчения, успокоения ¹
45.	плюнуть в душу кому-л.	uraziť do hĺbky duše	«обидеть до глубины души»	¹ оскорбить самое дорогое для кого-л., самое сокровенное в ком-л. ¹
46.	в чём (только) душа держится	(už len) duša chodí doňho/do nej spávať	«(уже лишь) душа ходит в него/неё спать»	¹ хилый, слабый, едва живой (о человеке) ¹
47.	еле-еле душа в теле	mať dušu na jazyku	«иметь душу на языке»	¹ едва, чуть жив (о слабом, больном или уставшем человеке) ¹
48.	сколько душе угодно	koľko si duša/srdce žiada	«сколько душа/сердце пожелает»	¹ вволю, вдоволь, без каких-л. ограничений ¹
49.	как душе угодно	ako len duša zažiada/ráči	«как только душа пожелает»	¹ как только хочется, как нравится ¹
50.	ни (одной/единой) души	ani živej duše, ani noha	«ни живой души», «ни ноги»	¹ никого, ни одного человека ¹
51.	от (всей) души ^{*)}	z (celej) duše ^{*)} , z hĺbky duše	«от (всей) души», «из глубины души»	¹ совершенно искренне; с полной откровенностью, непосредственностью ¹

52.	всеми фибрами души	z duše, celou dušou/ celým srdcom	«от души», «всей душой/всем сердцем»	¹ очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать и т. п.) ¹
53.	всей душой ^{*)}	celou dušou	«всей душой»	¹ безгранично, беспредельно, искренне, горячо (любить, верить и т. п.) ¹
54.	закрадываться в душу	vkraďať sa do duše	«вкрадываться в душу»	¹ незаметно, исподволь, непроизвольно появляться, возникать (о чувствах, мыслях) ¹
55.	широкая душа/ натура	široká duša	«широкая душа»	¹ щедрый человек ¹
56.	добрая душа	dobrá duša	«добрая душа»	1. ¹ «добрый человек»; 2. <i>перен., ирон.</i> ¹ подлый человек ¹
57.	отдыхать душой	okrievať/pookriať na duši	«исцелиться душой»	¹ обратить душевный покой ¹
58.	вышибить душу из кого-л.	vyraziť dušu z niekoho	«выбить душу из кого-л.»	<i>груб.-прост.</i> ¹ «убивать ударом» ¹
59.	загубить (свою) душу	zatratiť svoju dušu	«загубить свою душу»	<i>прост.</i> ¹ отягчить совесть, сознание преступлением, тяжкими проступками ¹
60.	душой и телом	telom a dušou	«телом и душой»	¹ целиком, всем существом ¹

^{*)} Звёздочкой в таблице обозначены ФЕ с вариантным употреблением компонентов *душа* и *сердце*, однако по частотности данные варианты неравноправны. В таблице указывается наиболее частотный вариант для каждого из языков в соответствии с данными словарей (ФСРЯ; СФСРЯ; Зимин, Спирин; RSFS; SSSJ; Smiešková). При составлении таблицы не принимались во внимание ФЕ с пометой «устаревшее», а также некоторые просторечные значения.

Хотя данная таблица представляет далеко не полный перечень ФЕ с компонентом *душа*, она отражает общие тенденции употребления данного компонента в русской и словацкой фразеологии. Только в 21 из 60 случаев словацкий эквивалент также содержит компонент *душа*, причём лишь в 12 из них – без вариантов, что является ещё одним подтверждением его меньшего значения для национальной ментальности и системы ценностей по сравнению с русской лингвокультурой. Указывает на это и факт, что в тех случаях, когда в русском языке возможно вариантное употребление в составе ФЕ компонентов *душа* и *сердце*, словацкий эквивалент содержит только компонент *сердце* без возможности замены (примеры 2-3, 7-9, 11-12). Это свидетельствует о том, что даже при

заимствовании или калькировании ФЕ каждый из языков в процессе своего исторического развития селекционировал и сделал преимущественным или единственным тот компонент, который наиболее соответствует его когнитивным приоритетам и соотносится с национально-специфичными когнитивными доминантами ЯКМ (данный процесс мы подробно проиллюстрировали выше на примере ФЕ *жить на широкую ногу*).

Семантическое и когнитивное «неравноправие» понятий «душа» и «сердце» в русском языке наглядно иллюстрирует «Новый объяснительный словарь синонимов» под ред. Ю.Д. Апресяна, в котором они чётко разграничиваются: «Синонимы различаются по следующим смысловым признакам: 1) функция представляемого органа (**душа** представляется органом внутренней жизни человека вообще, **сердце** – органом чувств как таковых); 2) связь представляемого органа с каким-либо реальным органом человеческого тела (**сердце**, в отличие от **души**, ассоциируется с реальным органом кровообращения); 3) место представляемого органа в системе всего человека (**душа** противопоставляется телу, **сердце** – голове, разуму)» [НОСС: 190].

Отдельно отметим, что семантическое наполнение концепта «Душа» в значительной степени связано с религиозными убеждениями и традиционными верованиями народа. Русский и словацкий народы с IX – X в. исповедуют христианство (по данным последней переписи населения (2011 г.), в настоящий момент в Словакии преобладает римо-католическое вероисповедание, на втором месте протестантизм (прежде всего кальвинизм), а третьим по численности верующих является греко-католицизм; в России традиционно доминирует православие), что наложило отпечаток на национальное мировосприятие и, как следствие, на формирование национальной ЯКМ. Поскольку учение о душе и её бессмертии является одним из столпов христианской доктрины, естественно предположить, что частотность употребления лексемы *душа* в корпусах возрастёт за счёт текстов религиозной тематики, в которых будут наблюдаться регулярные схождения, а полностью семантически идентичными окажутся прежде всего библеизмы. Количество данных схождений, безусловно, повлияет на общую статистику параллельных явлений, однако на данном этапе исследования мы не в состоянии однозначно исключить библеизмы из общего числа схождений, поскольку, как показала практика составления словарей фразеологизмов библейского происхождения (см. прежде всего «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» К.Н. Дубровиной, М.: Флинта, 2010), кроме «явных», общеизвестных библеизмов типа *запретный плод, душой и телом, метать бисер перед свиньями* или *не хлебом единым*, существует огромное количество т. н. скрытых библеизмов, идентифицировать которые могут лишь знатоки библейских текстов.

Религиозно-философское значение понятия «душа» определяет его особое место в системе национальных ценностей, поскольку это «то

единственное в человеке, что является объектом особого философского размышления. С религиозной точки зрения **душа** связывает человека с высшим духовным началом – это тот орган, с помощью которого человек ощущает мистический, потусторонний мир» [НОСС: 191]. Именно поэтому «синоним **душа** может употребляться расширительно, обозначая высшее духовное начало мировой жизни, своего рода духовный орган Вселенной, ср. *мировая душа*» [там же].

Вследствие пиетета перед этическим идеалом, которым является душа для русского человека, в русском языке практически не наблюдается переносов понятия «душа» в материальную сферу повседневного быта, приравнивания её к предмету. В словацком языке такой перенос имеет место, что косвенно свидетельствует о более утилитарном подходе: семантическое поле лексемы *duša* включает технический термин *duša* 'камера (шины)', созданный на основе метафорического переноса (ср.: *bezdušové pneumatiky* 'бескамерные шины'). В русском языке столь утилитарного применения лексемы *душа* нет именно в силу абсолютности, возвышенности, духовного значения понятия «душа» (так, напр., русскому вряд ли придёт в голову отнести выражение *испустить дух* к выходу воздуха из камеры проткнутой шины).

В силу своей универсальности и исключительной важности в русском языковом сознании концепт «Душа» как наивное представление о душе тесно связан с такими национально-специфичными когнитивными доминантами русской ЯКМ, как пространственная индетерминированность, открытость и абстрактность (ярко выраженное нематериальное начало), что широко отражено в народных пословицах и поговорках с компонентом *душа*, напр., *Душа простор любит, Гуляй душа нараспашку!*, *Душа чиста, как слеза ребёнка; Был бы милый по душе, проживёшь и в шалаше; Душа нараспашку и язык на плечо; Душа и редькой питается, а тело масло любит* [Зимин, Спиринов: 43, 52, 56, 157, 269] и др. Несомненная доминантность концепта «Душа» в русском языковом сознании подтверждается также популярностью упоминавшихся выше национальных стереотипов русского народа – *широкая русская душа, загадочная русская душа, поговорить по душам* и т. д., ему посвящён целый ряд исследований [Wierzbicka 1990; Шмелёв 2006; Буянова 2002; Стернин, Прохоров 2007; Сергеева 2005 и др.].

В словацкой ЯКМ душа занимает гораздо более скромное место, чем в русской, что подтверждается данными СНК (см. Таблицу 8). Из общего количества употреблений лексемы *душа* в разных словоформах мы зафиксировали употребление данной лексемы в составе только лишь 24 фразеологических единиц (частотный анализ употребления отдельных ФЕ, в составе которых она выступала, нами не проводился). Любопытно, что одна из ФЕ с компонентом *duša*, зафиксированная в словацко-немецко-русском фразеологическом словаре, в корпусе отсутствует – *skoro*

dušu vyplul(a) «еле-еле душа в теле; в чём только душа держится» [Glovňa, Lindner, Obst: 32].

Таб. 8. Русские эквиваленты к словацким ФЕ с компонентом душа, зафиксированным Словацким национальным корпусом на февраль 2011 г.

	Словацкая фразеологическая единица	Русский фразеологический эквивалент	Буквальный перевод словацкой ФЕ	Примечания к словацким ФЕ
1.	prehovárať/vravieť (niekomu) do duše	учить уму-разуму	«обращаться/ говорить к душе (кому-л.)»	
2.	ako bez duše	как в воду опущенный	«как без души»	
3.	o dušu (bežať; dokazovať atď.)	что есть сил	«о душу»	
4.	vidieť niekomu do duše/do žalúdka	видеть кого-л. насквозь	«видеть кого-л. до самой души/до желудка»	
5.	chodí doňho/do nej duša (iba) spávať	дышать на ладан	«в него/неё душа (только) спать ходит»	
6.	s malou dušičkou	с замиранием сердца	«с маленькой душечкой»	структурно аналогичный эквивалент с компонентом <i>serdce</i>
7.	vypustiť/vydýchnuť dušu	испустить дух	«испустить/ выдохнуть душу»	
8.	z hĺbky duše	от всей души (любить)	«из глубины души»	
9.	celou dušou	всей душой (верить, любить)	«целой/всей душой»	
10.	z (celej) duše	всей душой (ненавидеть)	«из (целой/всей) души»	
11.	(kdesi) v kútiku duše (veriť, dúfať)	(где-то) в глубине души (верить, надеяться)	«(где-то) в уголке души (верить, надеяться)»	отличие от ФЕ №15: преобладает сема надежды
12.	mať ľahkú dušu/s ľahkou dušou (niečo robiť)	легко на душе	«иметь лёгкую душу/с лёгкой душой (делать что-л.)»	
13.	mať dušu na jazyku	еле-еле душа в теле; в чём только душа держится	«иметь душу на языке»	
14.	pohladiť dušu	(как) бальзам на душу	«погладить душу»	
15.	ani živej duše	ни души	«ни живой души»	

16.	spriaznená duša	обычно мн. ч. родственные души (сравн.: родная душа)	«среднённая душа»	полная эквивалентность
17.	dobrá duša	добрая душа	«добрая душа»	полная эквивалентность
18.	v hĺbke/hĺbinách duše	в глубине души	«в глубине/ глубинах души»	отличие от ФЕ №9: преобладает сема недостигаемости
19.	ťažko na duši	тяжело на душе	«тяжело на душе»	полная эквивалентность
20.	čo si duša zažiada/zaželá	чего душа пожелает	«чего только душа потребует/ пожелает»	полная эквивалентность
21.	vyraziť/vytriasť dušu z niekoho	вытрясти душу из кого-л.	«вышибить/ вытрясти душу из кого-л.»	полная эквивалентность
22.	vylievať dušu	изливать душу	«изливать душу»	полная эквивалентность
23.	vkładať dušu do niečoho	вкладывать душу во что-л.	«вкладывать душу во что-л.»	полная эквивалентность
24.	telom a dušou	душой и телом	«телом и душой»	полная эквивалентность

Разнообразие зафиксированных в СНК фразем с компонентом *душа* (24) свидетельствует о далёком от приоритетного значении концепта «Душа» в словацкой национальной ЯКМ, особенно если учесть, что общий объём корпуса в феврале 2011 г. составлял около 719 000 000 слов.

Скромность отведённого душе места в словацкой ментальности вербализована, в частности, в одной из приведённых в таблице ФЕ *s malou dušičkou* 'с замиранием сердца' (досл. «с маленькой душечкой»), где и определение *malá* («маленькая»), и деминутивная форма существительного *dušička* («душечка») подчёркивают робость, боязнь негативного результата каких-либо действий, встречи с кем-либо и т. п. В русском языке это состояние связано с более «физиологичным» компонентом *сердце*, а деминутивные формы лексемы *душа* во фразеологии практически не встречаются – это понятие настолько безгранично и широко, что уменьшению не подлежит (формы ласкового обращения типа *душенька моя* к фразеологии не относятся). Другое дело – употребление пейоративного деривата *душонка*: если моральные качества человека не соответствуют общественной морали и противоречат высокому идеалу, заложенному в понятие «душа», мы говорим о таком человеке *ничтожная* (*мелкая, низкая, жалкая*) *душонка*, усиливая презрительную оценку адъективным компонентом с соответствующим значением.

Степень конкретности и абстрактности в когнитивной специфике русского и словацкого языков во многом обусловлена культурными и религиозными традициями обоих народов, а также уровнем развития языка и степенью его стилистической дифференцированности. Литературный

русский язык с его богатыми традициями и непрерывной эволюцией обладает значительными стилистическими ресурсами по сравнению со словацким языком, который сформировался только в XIX веке и гораздо менее стилистически дифференцирован (см., напр., труды историков словацкого литературного языка С. Цамбела, Э. Паулини, Я. Станислава и ведущих современных словацких стилистов Й. Мистрика и Я. Финдры). В лингвокультурном аспекте это проявляется, в частности, в объёме и способах эвфемизации при описании физиологических потребностей человека, что подтверждается данными национальных корпусов словацкого и русского языков. Так, при описании своих выделительных потребностей (мочеиспускания и дефекации) русский человек в быту крайне редко пользуется прямыми наименованиями процесса типа *покакать* и *пописать* (не говоря уже о вульгарных), заменяя их целым рядом общеупотребительных эвфемизмов типа *сходить по-маленькому/по-большому, по большой/малой нужде* и т. д., зачастую вовсе не именуя сам процесс и выражая свою потребность имплицитно (*Подождите, я на минутку; Пойду 21 секунду подумаю* и т. д.), причём словари, как правило, не фиксируют даже нейтральные наименования данного типа²⁵. В словацком языке подобные эвфемизмы также существуют (*ísť na malú/veľkú potrebu, odskočiť si* и т. д.), однако в быту гораздо чаще встречаются прямые наименования процесса (особенно при обозначении малой нужды), обладающие более широкой синонимией по сравнению с русским языком и фиксируемые в словарях [SSJ; SS; KSSJ]. При сравнении материала корпусов мы обнаружим, что если в русском языке нейтральная лексема *мочиться* в разных словоформах фиксируется 78 раз, (*no*) *писать* – 112 раз, а грубо-просторечная *сцать* – 2 раза (по состоянию на февраль 2011 г.), то в словацком нейтральная лексема *močiť* фиксируется 845 раз, близкая к нейтральной (в словарях обычно даётся с пометой *detск.*, но является широко употребительной) лексема *cikať* фиксируется 264 раза, разговорно-просторечная лексема *čurať* – 19 раз, а грубо-просторечная лексема *šťať* – 97 раз. Данное явление имеет также культурно-специфичное отражение в словацком поведенческом и речевом этикете: так, совершенно нейтральным и распространённым является заявление типа *Idem sa vycikať* (= Пойду пописаю), которое может прозвучать и в официальной обстановке (напр., при посещении какого-либо учреждения посетитель может услышать это от чиновника как обоснование необходимости его кратковременного отсутствия), что в русском речевом этикете недопустимо.

Указанная особенность является одним из подтверждений большей близости словацкой ментальности к западноевропейской – подобные

²⁵ Как правило, вульгарные наименования физиологических процессов в русском языке применяются по отношению к другим лицам и крайне редко – по отношению к себе. В словацком же это совершенно обыденное распространённое явление.

«физиологизмы» типичны, например, для немецкого языка, причём в гораздо более грубой и неприкрытой форме, на что обращает внимание, в частности, проф. Х. Вальтер: даже известный латинский афоризм *Cogito, ergo sum* («Я мыслю, следовательно, существую») в современном немецком языке известен в модификации «Я *** /грубо-просторечное наименование акта дефекации/, следовательно, существую» [Вальтер 2011].

9.3. Оппозиция категорий открытости и закрытости

Географическая детерминированность приоритетных пространственных моделей русской и словацкой ментальности обусловила преобладание в них таких пространственно-детерминирующих категорий, как открытость, естественная для равнинного ландшафта, и закрытость, естественная для горного ландшафта, формирующего мировидение в чётких видимых границах и закрывающего заключённые в нём территории от окружающего мира.

Противопоставленность открытости русской ментальности и закрытости ментальности словацкой уже была нами частично продемонстрирована на материале русской и словацкой фразеологии в Таблице 1. Открытость характерна для русской ментальности в целом и относится к числу её национально-специфичных когнитивных доминант, на которых основаны многие базовые концепты русской ЯКМ (во фразеологии данная когнитивная доминанта выражается, в частности, такими ФЕ, как *душа нараспашку, весь наружу, рубаха-парень* и др. [Алефиренко, Золотых: 118]).

В словацкой лингвоментальности доминирует закрытость, сокрытость от постороннего взгляда, причём категория закрытости образует бинарную когнитивную оппозицию к русской открытости. При этом важно подчеркнуть, что данные национально-специфичные доминанты словацкой и русской ментальности существуют в синхронном аспекте независимо от происхождения и формирования фразеологических единиц (ФЕ) в каждом из языков, поскольку – что особенно важно в свете нашего исследования – **утрата фоновых знаний о ФЕ (В.Н. Телия) не приводит к изменению её концептуальной сущности.**

В этом смысле интересно развитие в русском языке ФЕ *зарубить себе на носу* 'запомнить крепко-накрепко, навсегда', происхождение которой многие лингвисты связывают с дощечкой под названием «нос» (от *носить*), которую носили с собой неграмотные люди, чтобы делать на ней зарубки на память [Михельсон; Алефиренко, Золотых: 250; Лепешау₁: 53 и др.]. А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко с данной версией не согласны, настаивая на соматическом (связанном с частями тела) происхождении образности данной ФЕ, что подкрепляют аналогичными примерами из славянской и западноевропейской фразеологии [Мелерович, Мокиенко: 458-459]. Однако для целей нашего исследования истинное происхождение данной ФЕ нерелевантно, а релевантна её связь с открытым

пространством, видимостью и доступностью объекта, которая в случае соматического происхождения ФЕ становится даже более очевидной и подтверждает присутствие в её концептуальной структуре категории открытости. В отличие от неё параллельная словацкая ФЕ *zapísať si za uši* однозначно указывает на скрытость, труднодоступность целевого пространства (за ушами). Иными словами, русскому для действенного напоминания необходимо поместить данный предмет на видное, открытое место, где оно постоянно попадалось бы на глаза, а словаку – внедрить в тело, чтобы он постоянно чувствовался и таким образом о себе напоминал.

Тяготение словацкой ментальности к закрытости, ограждению себя от окружающего мира проявляется и в такой ФЕ, как *pod lampou je najväčšia tma* (досл. «под лампой (фонарём) темнее всего»), глубинный смысл которой заключается в отторжении очевидного, предостережении о том, что многое в жизни может иметь скрытую подоплёку, тайные, никому не видимые механизмы, которые незаметны на первый взгляд, неочевидны, но коренным образом влияют на ситуацию. Словак не раскроет свою душу перед первым встречным, даже если этот человек ему симпатичен – ведь последствия могут быть самыми непредсказуемыми... С этим связана ещё одна частотная словацкая ФЕ *človek nikdy nevie* (досл. «человек никогда не знает»), предостерегающая от излишней доверчивости и открытости. О популярности данной ФЕ свидетельствуют данные Интернета (www.google.sk), где она встречается 5 670 000 раз по состоянию на февраль 2011 г. В русском языке, конечно, тоже найдутся высказывания типа «В жизни никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь», однако они не имеют такого весомого значения в народной ментальности, и в практике повседневного общения русский человек, как правило, над этим не задумывается. Отсюда и такое типичное явление русского коммуникативного поведения, как тенденция раскрывать всю свою подноготную совершенно постороннему человеку – например, попутчику в поезде (ср.: [Стернин, Прохоров 2002]).

Открытость русской ментальности связана не только с естественным восприятием пространства преимущественно на горизонтальной оси, но и с приоритетом духовного (безграничного, бесконечного, как русский простор, абстрактного) над материальным (ограниченным, детерминированным, конкретным), что обусловлено восточным компонентом русской культуры. Закрытость и детерминированность словацкой ментальности ближе к западноевропейскому индивидуализму, рациональности, стремлению подвергнуть окружающий мир строгой классификации и ранжированию, о чём свидетельствует, в частности, и частотное в словацком языке понятие *zaškatuľkovať niekoho/niečo* (от *škatuľka* 'коробочка, ящик') с общим значением 'определить кому-л. или чему-л. место в определённой системе или иерархии', см. примеры из Словацкого национального корпуса (через тире дан русский перевод автора):

- *Automobilový priemysel sa stáva hnacím motorom rastu ekonomiky v kraji. Žilinu si však netreba zaškatulkovať len ako výrobcu áut* [SNK/prim-5.0-public-sane/11255469] – Автомобильная промышленность становится движущей силой экономического роста области. Однако не стоит наклеивать на Жилину ярлык только лишь производителя автомобилей;

- *Nemôže byť nič horšie, ako keď sa architekt nechá zaškatulkovať tým, že robí len jeden typ stavby* [SNK/prim-5.0-public-sane/13965896] – Нет ничего хуже, чем когда архитектор позволяет поставить на себе клеймо разработчика только одного типа зданий;

- *Dolár sa posilňuje oproti euru a spolu s eurom sa oslabujú aj satelitné meny eura, medzi ktoré sa dajú s trochu zveličovania zaškatulkovať stredoeurópske meny* [SNK/prim-5.0-public-sane/16545162] – Доллар крепнет по отношению к евро, а вместе с евро слабеют и остальные сопутствующие евро валюты, к которым с небольшим преувеличением можно отнести центральноевропейские валюты;

- *Druhých sa snažím brať takých, akí sú, no nie som fanúšik ľudí, ktorí vás napríklad zaškatulkujú ako arogantného, pričom o vás absolútne nič nevedia* [SNK/prim-5.0-public-sane/26138951] – Я стараюсь воспринимать других такими, как они есть, однако я не фанат людей, которые поставят на вас, например, клеймо хама, совершенно ничего о вас не зная.

Словацкое понятие *zaškatulkovať niekoho/niečo* имеет в русском языке частичную семантическую параллель *разложить что-л. по полочкам*, однако его семный набор значительно шире, как и сфера употребления; по своей семантике оно приближается скорее к русскому выражению *наклеить ярлык (поставить клеймо) на кого-л./что-л.* В русском языковом обиходе *разложить по полочкам* 'привести в порядок, систематизировать' можно только нечто неодушевлённое, хотя в том числе и абстрактное – от вещей до знаний (от прямого значения к переносному), однако невозможно произвести данное действие над человеком. В словацком языке это совершенно естественно: *zaškatulkovať niekoho* значит раз и навсегда отнести человека к определённой сфере деятельности, социальной группе, поведенческому типу и т. п., присвоить ему постоянную характеристику.

О типичности данного выражения в словацком языке говорит и характер его стилистической маркированности: если в словацком языке оценка колеблется на шкале от нейтральной до негативной, то русский эквивалент *наклеить ярлык на кого-л./что-л.* не имеет нейтрального употребления и содержит однозначно негативную оценку – любая жёсткая детерминированность вызывает у русского человека чувство внутреннего протеста. Кроме того, сама лексема *škatulka* уже содержит сему закрытости, спрятанности от посторонних глаз, в отличие от русской лексемы *полочка* в частичном эквиваленте, которая по определению

представляет собой открытое место (даже застеклённые полки не нарушают видимости) по сравнению с той же шкатулкой или ящиком.

Вышеприведённые примеры наглядно иллюстрируют приоритетность открытости в русской ЯКМ и закрытости в словацкой ЯКМ, что свидетельствует о доминантном характере данных категорий.

9.4. Оппозиция категорий пространственной детерминированности и пространственной индетерминированности

Данная оппозиция неразрывно связана с открытостью и закрытостью, рассмотренными в предыдущем разделе, причём провести чёткую границу между этими категориями довольно сложно. Различие между ними состоит прежде всего в эксплицитном присутствии или отсутствии пространственного компонента в сопоставляемых языковых фактах, который отличает русскую лингвоментальность от словацкой.

Живя в горных районах, словаки привыкли воспринимать окружающий мир в точных границах, обозначенных горами. Поэтому одно из наиболее важных требований общественной морали – каждый должен точно знать свои границы (*človek musí poznať/vedieť odkiaľ pôkiaľ*), о чём подробнее говорилось в разделе 8.2.2. Русские, наоборот, привыкли ни в чём себя морально не ограничивать и жить так же безбрежно, каковы бесконечные равнины вокруг. Для русского типично, например, *жить не по средствам*. Там, где границы чётко обозначены, русский человек начинает ощущать потерю свободы. Поэтому и во фразеологии в тех случаях, когда словацкий эквивалент содержит элемент пространственного ограничения, русский либо содержит элемент пространственной неограниченности, либо вовсе не эксплицирует пространственный компонент, что можно продемонстрировать на нескольких наиболее показательных примерах, взятых из существующих словарей [RSFS; SSJ и др.] (см. Таблицу 9).

Таб. 9. Наличие или отсутствие пространственной ограниченности в параллельных явлениях русской и словацкой фразеологии.

Русская ФЕ	Связь русской ФЕ с пространством	Словацкая ФЕ	Связь словацкой ФЕ с пространством	Значение ФЕ по ФСРЯ
<i>(принять кого-л.) с открытой душой</i>	неограниченность, у души границ нет	<i>(prijať) s otvorenou náručou</i>	пространство ограничено объёмом	‘искренне, доверчиво, открыто’
<i>попасть в переплёт/переделку</i>	нет пространственной привязки	<i>tečie mu/jej za golier</i>	ограниченное пространство («течёт за воротник»)	‘оказаться в сложном, трудном, опасном или неприятном положении’

<i>сорить деньгами</i>	нет пространственной привязки	<i>nosit' deravú kapsu</i>	ограниченное пространство («носить дырявый мешец»)	'тратиться много, не раздумывая'
<i>верёвки вить из кого-л.</i>	нет пространственной привязки	<i>omotať si niekoho okolo prsta^{*)}</i>	ограниченное пространство («обмотать вокруг пальца»)	'полностью подчинить себе кого-л., заставить кого-л. делать всё, что ему прикажут'
<i>близок локоть, да не укусишь</i>	нет эксплицитного пространственного ограничения	<i>cez sklo med lízat'</i>	пространственная ограниченность, барьер на пути	'недостижимость цели'
<i>взяться за ум</i>	нет пространственной привязки	<i>vziať rozum do hrsti</i>	ограниченное пространство («собрать ум в горсть»)	'становится благоразумнее, рассудительнее; образумливаться'
<i>перебиваться с хлеба на квас</i>	нет пространственной привязки	<i>žiť z ruky do úst</i>	ограниченное пространство, причём сведённое практически к линейности	'жить очень бедно, терпеть нужду, лишения'
<i>на широкую руку/ широкой рукой (платить и т. д.)</i>	нет пространственной привязки	<i>buchnúť/liapnúť (sa) po vrecku</i> (ср. также <i>[rozdávať] plným priehrštím</i>)	ограниченное, конкретно локализованное пространство («ударить по карману»)	'щедро, с размахом (делать что-л.)'
<i>класть зубы на полку</i>	открытое, минимально (только снизу) ограниченное пространство	<i>prítahovať/ zatahovať si opasok</i>	ограниченное, постепенно сужаемое пространство («затягивать ремень»)	'испытывая нужду, ограничить себя в самом необходимом; голодать'

^{*)} В русском языке существует формально подобная ФЕ *обвести кого-л. вокруг пальца*, но её семантика расходится со словацкой: в русском языке преобладает сема обмана, а в словацком – сема подчинения (подробнее об этом см., напр., [Степанова 2011]).

По поводу последнего примера многие наверняка возразят, что и в русском языке есть общеизвестная ФЕ *затягивать ремень потуже (на последнюю дырку)* с тем же значением, которая точно так же обозначает ограниченное пространство. И это будет правильно, но только частично, поскольку сам визуальный образ затягивания ремня как следствие исхудания от голода и лишений – универсальная «картинка с натуры», так же, как и в случае со словацкой лексемой *z vysokého koňa*, которую мы рассматривали выше. Как всё универсальное, данный образ имеет место в целом ряде языков. Однако с точки зрения национально-специфичных когнитивных приоритетов для нас важно то, что в словацком языке

функционирует только этот образ, а в русском вариантах больше, причём приведённый русский эквивалент имеет совершенно другую пространственную привязку. Это означает, что вышеуказанный образ наиболее полно соответствует когнитивным приоритетам словацкого языкового сознания, вследствие чего словацкая фразеология не выработала (или не сохранила в процессе естественного отбора) других вариантов данной ФЕ, в то время как русское языковое сознание воспринимает данный образ как неполный и восполняет семный набор соответствующей ему ФЕ ещё одним образом, соотносённым с национальными когнитивными приоритетами. Универсальное есть и будет, а национальная специфика может проявляться в разной мере и в разных ситуациях, что мы и наблюдаем в данном случае. Иными словами, **присутствие в разных языках универсальных когнитивных моделей и образов только обогащает их национальное своеобразие, поскольку на фоне универсального ярче проступает национально-специфичное.**

Именно такой спецификой и являются русская широта, неограниченность, открытость, поддерживаемые восточной ориентацией на духовность. Не случайно «знаток русской души» Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» вложил в уста Мити такие ставшие хрестоматийными высказывания, как «...русские люди вообще широкие люди, /.../ широкие, как их земля» и «широк русский человек, я бы сузил». Потому русского человека исторически больше занимали проблемы души и совести, чем прав и свобод в обществе, которые традиционно воспринимались в России как (западно)европейские, о чём писал Л.Н. Шестов: «Посмотрите на немца, который внёс свою лепту в общество подаяния помощи бедным! Он больше ни гроша не даст нищему – хоть умри тот с голоду на его глазах – и чувствует себя правым. Это – символ справедливости: уплатить умеренную пошлину за право всегда пользоваться санкцией высшего начала. Оттого справедливость в ходу у культурных, расчётливых народов. Русские до этого ещё не дошли. /.../ У русского – вечные дела с совестью, которые ему обходятся во много раз дороже, чем самому нравственному немцу или даже англичанину его справедливость» [Шестов 1991: 30]. В этом – обратная сторона русской широты, которая, будучи одной из базовых национально-специфичных доминант русского языкового сознания, может, как любая крайность, проявляться как со знаком плюс, так и со знаком минус [ср. Шмелёв 2005]. Безусловно одно: именно с русской широтой связана пространственная индетерминированность русской ЯКМ, выступающая по отношению к ней в функции субконцепта.

Структура и степень детерминированности пространства в сознании человека определяют характер метафоризации смыслов в его языке, поскольку географически детерминированное мировосприятие проявляется на всех уровнях процессов мышления и речепорождения. А потому не случайно и преобладание абстрактного или конкретного в способах выражения эмоций и психических состояний,

продемонстрированное нами выше на примере употребления ФЕ с компонентом *душа* в русском и словацком языках. В этой связи приведём следующее замечание Н.Д. Арутюновой: «Поскольку внутренний мир человека моделируется по образцу внешнего, материального мира, основным источником психологической лексики является лексика «физическая», используемая во вторичных, метафорических смыслах» [Арутюнова 1976: 95]. В данном отношении особенно показательным использование лексемы *сердце*, что применительно к русскому языку обстоятельно и наглядно описано у Ю.Д. Апресяна [НОСС: 190 – 197]. Таким образом, мы убеждаемся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости национально-специфичных когнитивных доминант русской и словацкой ЯКМ соответственно.

Начиная с 60-х гг. XX века проблемы пространственной детерминированности языковых фактов активно исследуются американской, немецкой, российской, польской научными школами (см. труды Э. Ланга и М. Шварц, вроцлавско-люблинской школы Я. Анусевича, Е. Бартминьского и др., этнолингвистической школы Н.И. и С.М. Толстых, Московской семантической школы Ю.Д. Апресяна и многих других), однако словацкая наука к данной проблематике систематически не обращалась, что вынуждает нас применительно к словацким языковым фактам опираться исключительно на практический сопоставительный материал в нашей авторской интерпретации. Надеемся, что с дальнейшим развитием когнитивно ориентированных исследований в Словакии наши предварительные результаты смогут получить более весомое теоретическое обоснование и подтверждение.

Глава 10

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧНЫХ КОГНИТИВНЫХ ДОМИНАНТ В СПОСОБАХ НОМИНАЦИИ РУССКОГО И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКОВ

Несмотря на то, что теория номинации имеет устойчивые традиции и сформированную научную методологию, проблематика языковой номинации и сегодня заслуживает не одного специального исследования, поскольку является невероятно разнообразной и многоаспектной. Не углубляясь в теорию, мы коснёмся лишь тех аспектов номинации, которые имеют непосредственное отношение к проявлению в языке национально-специфичных когнитивных доминант.

В.В. Колесов отмечает, что «мы живём в логике категорий, выраженных в языке частями речи. Имя существительное – предметность, имя прилагательное – качество, глагол – состояние или действие и т. д.» [Колесов 2007: 45]. Преобладание той или иной категории в языке является отражением его когнитивных приоритетов, способа восприятия и познания окружающей действительности, а следовательно, несёт на себе печать его национальной специфики.

Вследствие тяготения русской ментальности к абстрактности, а словацкой – к конкретности в данных языках стали приоритетными способы номинации различного характера: для русской номинации более характерна атрибутивность, ориентация на внешние (открытые, видимые) признаки и свойства предмета в противовес предметности (или процессуальности) словацкой номинации, ориентированной на назначение предмета и сферу его применения, следующие из его внутренних (закрытых, невидимых) свойств. Эта особенность проявляется не только на лексико-семантическом, но и на словообразовательном уровне и имеет непосредственное отношение к характеристике национальных ЯКМ, поскольку соединённые в лексико-семантические ряды слова «открывают перед нами то, что можно назвать «картинкой жизни»: они именуют её определённый узкий участок, о нём информируют и его живописуют» [Рус. сем. сл.: I, X]. Как справедливо отмечает И.С. Улуханов, это не пассивная информация о существующем, она так или иначе интерпретирована, а потому не вполне одинакова для разных языков [Улуханов 2009: 68], из чего следует, что к числу значений, подлежащих описанию и анализу с точки зрения ЯКМ, относятся и словообразовательные значения. «Словообразование позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они

удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [Вендина 1998: 9].

Проанализированный нами языковой материал показывает, что продуктивность словообразовательных моделей находится в тесной взаимосвязи с национально-специфичными когнитивными доминантами русского и словацкого языков. Это проявляется в следующих особенностях номинации.

1. Значительно более высокая степень продуктивности функциональных формантов -dlo и -isko в словацких словообразовательных моделях по сравнению с аналогичными русскими суффиксами. В словацком языке (а также в близкородственном чешском) чрезвычайно продуктивна деривация с функциональными суффиксами *-dlo* и *-isko* с общим значением инструмента (средства выполнения действия): *lietadlo* 'самолет' (то, что летает), *divadlo* 'театр' (то, на что дивятся/смотрят), *čerpadlo* 'насос' (то, чем начёрпывают), *tlačidlo* 'кнопка' (то, что нажимают), *vozidlo* 'машина, сухопутное транспортное средство' (то, на чём ездят), *plavidlo* 'судно, водное транспортное средство' (то, на чём плавают), *tienidlo* 'абажур' (то, что затеняет), *škrtidlo* '(медицинский) жгут' (то, чем передавливают), *klzisko* 'каток' (то, на чём катаются), *schodisko* 'лестница' (то, по чему ходят), *bojisko* 'поле боя' (то, на чём сражаются), *pracovisko* 'место работы' (то, на чём работают) и т. п. (см. Таблицу 10). Их генетически родственные аналоги в русском языке – суффиксы *-ло* и *-ище* – являются гораздо менее продуктивными (*шило, мыло, жало, зеркало, хранилище, пастбище* и т. п.) и свойственны скорее архаичной и книжной лексике (*опахало, орало, детище, побоище, вместилище* и др.), хотя используются также в разговорно-просторечной лексике (*рыло, хлебало, позорище* и др.) – иными словами, чаще встречаются в лексике стилистически окрашенной в отличие от абсолютно нейтрального употребления родственных суффиксов словацкого языка. Данную тенденцию иллюстрирует Таблица 10, в которую мы поместили 70 общеупотребительных словацких наименований с продуктивным функциональным суффиксом *-dlo* (по данным СНК) и их русские эквиваленты. Звёздочкой отмечены слова, утратившие в современном языке свою первичную мотивацию, которую можно восстановить по этимологическому словарю (связь между крыло и крыть, маятник и маяться и т. п.).

Таб. 10. Русские эквиваленты словацких функциональных наименований с формантом *-dlo* и их мотивированность.

№ п/п	Слвц.	Рус.	Мотивация словацкого слова	Наличие мотивации у русского эквивалента	Структура русского эквивалента (словообразовательная модель)
1.	mydlo	мыло	то, чем моют	+	-ло
2.	šidlo	шило	то, чем шьют	+	-ло
3.	žihadlo	жало	то, чем жалят	+	-ло
4.	zrkadlo*	зеркало*	–	–	-ло
5.	kadidlo*	кадило*	то, чем кадят	–	-ло
6.	pravido*	правило*	то, чем направляют	–	-ло
7.	kridlo*	крыло*	–	–	-ло
8.	strašidlo	пугало, страшилище, чудовище	то, чем пугают	+	-ищ/-ло
9.	sedadlo	сиденье	то, на чём сидят	+	-ень(й)
10.	ležadlo	лежанка	то, на чём лежат	+	-анк-
11.	vešadlo	вешалка (петля на одежде для её вешания на крючок)	то, за что вешают	+	-алк-
12.	nosidlo, обычн. мн. – nosidlá	носилки	то, на чём носят	+	-илк-
13.	tykadlo	усик, обычно мн. усики (орган осязания насекомых)	то, чем тычут	+	-ик
14.	čerpadlo	насос	то, чем черпают	+	на-
15.	chápadlo	1. хватательный орган низших животных (клешня рака, щупальце осьминога); 2. захват (приспособление, напр., у башенного крана)	то, чем хватают	+	за- (2)
16.	preháňadlo	слабительное	то, чем «прогоняют» (вызывают понос)	+	субстантивация
17.	držadlo	держатель	то, за что держат	+	-тель
18.	rozpúšťadlo	растворитель	то, чем растворяют	+	-тель

19.	riedidlo	разбавитель	то, чем разбавляют	+	-тель
20.	sluchadlo	наушник	то, через что слушают	+	на-...-ник
21.	vodidlo	поводок	то, на чём водят	+	по-...-ок
22.	porekadlo	поговорка	то, что говорят	+	по-...-к
23.	operadlo	спинка (стула)	то, на что опираются	-	метафорический перенос
24.	madlo*	ручка (для придерживания, напр., на стене туалета в поезде)	-	-	метафорический перенос
25.	švihadlo	скакалка	то, чем быстро крутят	+	-к
26.	vnadidlo	приманка	то, чем заманивают	+	при-...-к
27.	mieridlo	прицел	то, чем целяются	+	при-
28.	počítadlo	счётчик	то, что считает	+	-чик
29.	špáradlo	зубочистка	то, чем ковыряются	+	образовано сложением
30.	lietadlo	самолёт	то, на чём летают	+	образовано сложением
31.	plavidlo	плавсредство	то, на чём плавают	+	образовано сложением
32.	vozidlo	транспортное средство	то, на чём ездят	-	терминологическое сочетание
33.	platidlo	средство платежа	то, чем платят	+	терминологическое сочетание
34.	leštadlo	средство для полировки	то, чем наводят блеск	-	терминологическое сочетание
35.	mučidlo	орудие пыток	то, чем мучают	+	терминологическое сочетание
36.	odpočívadlo	место для отдыха	то, где отдыхают	+	терминологическое сочетание
37.	sladidlo	заменитель сахара	то, чем солодят	+	терминологическое сочетание
38.	vznášadlo	транспорт на воздушной подушке	то, что возносит (отрывает от земли)	-	терминологическое сочетание
39.	klopadlo	дверное кольцо; на Руси дверные кольца в функции звонка изначально не использовались, но постепенно под влиянием Европы вошли в моду	то, чем стучат	-	терминологическое сочетание
40.	zvodidlo, чаще мн. – zvodidlá	дорожное ограждение	то, что уводит (возвращает) обратно	-	терминологическое сочетание

41.	rodidlo, обычно мн. – rodidlá	родовые пути	то, через что рожают	+	терминологическое сочетание
42.	kecadlo/ táradlo <i>разг., экспр.</i>	болтун	тот, кто болтает	+	-ун
43.	škrekadlo <i>разг., экспр.</i>	скрипун	тот, у кого скрипит голос	+	-ун
44.	trdlo <i>грубо- прост.</i>	точный эквивалент отсутствует; ругательство	мотивация аналогична рус. вульг. <i>вы**ыш</i> с меньшей степенью пейоративности производящего глагола	–	–
45.	škrtidlo	жгут*	то, чем передавливают	–	-∅
46.	napájadlo	источник* (в разн. знач.)	то, что питает	–	(-ник)
47.	kyvadlo	маятник*	то, что качается	–	(-ник)
48.	chodidlo	стопа*	то, чем ходят	–	-∅
49.	lákadlo	соблазн*	то, чем привлекают	–	(со-)
50.	zubadlo	удила* (лошади) <i>pl. t.</i>	то, что (крепится) у зубов	–	(-ил)
51.	pradlo	бельё*	то, что стирают	–	-j
52.	pátradlo (zubné)	зонд (стоматологиче- ский)	то, чем ищут	–	–
53.	kormidlo*	руль (корабельный; <i>уст.</i> кормило)	–	–	–
54.	meradlo	масштаб (<i>уст.</i> мерило)	то, чем меряют	–	–
55.	tužidlo	мусс (для волос)	то, чем укрепляют	–	-к
56.	ťažidlo	1. балласт; 2. пресс-папье	то, чем нагружают	–	–
57.	tlačidlo	кнопка	то, что нажимают	–	-к
58.	baranidlo	таран	то, чем пробивают	–	–
59.	vzdúvadlo	шлюз	то, что возносит	–	–
60.	tienidlo	абажур	то, чем затеняют	–	–
61.	divadlo	театр	то, на что смотрят (дивятся)	–	–

62.	líčidlo	грим	то, что наносят на щёки (лицо)	–	–
63.	činidlo	реагент <i>хим.</i>	то, что вызывает действие	–	–
64.	lepidlo	клей	то, чем склеивают (слепляют)	–	–
65.	rydlo	штихель (инструмент для гравировки)	то, чем делают борозды	–	–
66.	cedidlo	дуршлаг	то, через что процеживают	–	–
67.	krúžidlo	циркуль	то, что делает круги (кружит)	–	–
68.	chránidlo	точный эквивалент отсутствует; в слвц. используется как гипероним для наименования различного рода защитных щитков или вставок , вшиваемых в одежду или укрепляемых прямо на теле человека для защиты суставов от повреждений (ср. рус. наколенник, налокотник и т. п.)	то, что защищает	–	–
69.	stúpadlo	точный эквивалент отсутствует; в слвц. используется как гипероним для общего наименования вертикально расположенных лестниц , подножек и проч. приспособлений для подъёма по отвесным поверхностям (напр., на локомотив, трубу, стену и т. п.)	то, по чему поднимаются вверх	–	–

70.	kľačadlo/ kľakadlo	точный эквивалент отсутствует; 1) в католическом храме – специальная лавка с обитой мягкой тканью перекладной, на которую следует вставить на колени во время определённых молитв; 2) специальный стул с подставкой для упора колен (для разных видов упражнений)	то, на что становятся на колени	–	–
-----	-----------------------	---	---------------------------------	---	---

Как видно из таблицы, функциональная мотивированность словацких лексем является совершенно прозрачной, а модель на *-dlo* широко употребляется в самых разных пластах лексики (обиходная лексика, терминология) и, соответственно, в словах с разной степенью стилистической маркированности (нейтральная и экспрессивная лексика вплоть до грубо-просторечной). Очевидно и то, что русский язык при создании функционально мотивированных наименований пользуется гораздо большим набором суффиксов, продуктивность каждого из которых по отдельности является, таким образом, более низкой по отношению к словообразовательному инструментарию языка в целом (см. данные корпусов). Значительная расчленённость функциональных наименований в русском языке усложняется также наличием большого числа немотивированных заимствований (*абажур, циркуль, театр, экскаватор, грейдер, бойлер* и т. д.), не имеющих непосредственной связи с продуктивными словообразовательными моделями, в то время как в словацком языке количество подобных заимствований оказалось гораздо меньшим в силу выразительных пуристических тенденций, которые кульминировали в 1960-70-е гг. (см., в частн., Kačala; Stanislav; Krajčovič) и ослабли к концу 1980-х гг., открыв дорогу потоку заимствований, прежде всего из английского и немецкого языков. Особенно ярко демонстрирует эволюцию словацкого языкового пуризма развитие компьютерной терминологии, при формировании которой в 1960-е – 70-е гг. (в разгар пуристических дискуссий) словацкий язык строго придерживался исконных наименований, но появившиеся позднее наименования новых технологий и оборудования уже «без зазрения совести» заимствовал из английского языка – так же, как и русский язык, который пошёл по этому пути с самого начала. Сравните: рус. *компьютер* – словц. *počítač* (англ. *computer*), рус. *принтер* – словц. *tlačiareň* (англ. *printer*), рус. *монитор*

– слвц. *obrazovka* (англ. *monitor*), рус. *драйвер* – слвц. *ovládač* (англ. *driver*), но позднее рус. *модем* – слвц. *modém* (англ. *modem*), рус. *сканер* – слвц. *skener* (англ. *scanner*), рус. *веб-камера* – слвц. *webová kamera* (англ. *WEB-camera/web-camera*) и т. д. Здесь проявилась общая тенденция: языки «больших» народов всегда были открыты для заимствований, не боясь их (и даже в какой-то степени находясь «выше» всей этой проблематики), а «малые» народы активно блюли чистоту своего языка и берегли его от чужих влияний. Однако глобализация, охватившая мир в конце XX века, вкупе с гигантскими темпами развития технологий привела к открытию всех языков навстречу потоку новых наименований, которые практически сразу же стали интернационалистами.

Если проследить наличие или отсутствие мотивации у словацких слов и их русских эквивалентов, то мы обнаружим, что в словацком языке мотивация отсутствует только у 6 из 70 слов (*zrkadlo, kadidlo, pravidlo, krídlo, madlo, kormidlo*), причём они относятся преимущественно к древнему пласту общеславянской лексики, из чего можно заключить, что в данном случае мы имеем дело с изначально мотивированной лексикой, утратившей со временем первичную мотивацию (что подтверждается материалами этимологических словарей). Остальные 64 из 70 словацких лексем имеют прозрачную функциональную мотивацию. Иная ситуация с русскими эквивалентами, где эксплицитная мотивация отсутствует в 38 случаях из 70 (свыше 50%), из которых 16 являются иноязычными заимствованиями (№№ 52 – 67 по таблице), в 10 случаях первичная мотивация утрачена (*зеркало, кадило, правило, крыло, жгут, источник, матица, стопа, соблазн, бельё*), 2 возникли в результате метафорического переноса (*ручка, спинка*), а 10 случаев представляют собой двусловные (многословные) термины (№№ 32 – 41 по таблице), в трёх из которых (*транспортное средство, транспорт на воздушной подушке и средство для полировки*) несущий семантический компонент является немотивированным заимствованием, что лишает мотивации всё терминологическое сочетание. В 4 случаях точный русский эквивалент отсутствует, но причины его отсутствия разные: №44 – разная структура пласта пейоративной лексики, №70 – отсутствие в русском быту реалии, являющейся мотивантом словацкого наименования, №№ 68 и 69 – разная структура гиперонимических отношений в русской и словацкой лексике (отсутствии гиперонима).

Отдельно отметим, что в словацком языке как в «молодом» литературном языке (о типичных свойствах «молодых» и «старых» литературных языков см., напр., [Цыхун 1993; Киселёва 2002] и др.) более выразительно сказались пуристические тенденции, результатом чего стало преобладание исконной лексики и приоритет косвенно-производной номинации определённого типа не только в пласте общеупотребительной лексики, но и в терминологии, в отличие от русского языка, который не противится проникновению иноязычной лексики. В заимствованиях

мотивация лексем неочевидна для носителя языка (непрозрачна), а их словообразовательные модели, как правило, не входят в арсенал языка-реципиента: лексемы *абажур, театр, дуршлаг, штихель* носитель русского языка воспринимает как немотивированные, в то время как их словацкие эквиваленты *tienidlo, divadlo, cedidlo, rydlo* для носителя словацкого языка имеют совершенно прозрачную мотивацию (см. примеры выше). Значительное количество немотивированных единиц, которые не были образованы по русским словообразовательным моделям либо в силу утраты первичной мотивации потеряли прозрачность данных моделей, делает нецелесообразным проведение сравнительного частотного анализа вышеупомянутых словообразовательных моделей в русском и словацком языках.

2. Функциональная мотивированность двухсловных родо-видовых наименований в словацком языке в противовес атрибутивной мотивированности в русском. Преобладающая функциональность словацкой номинации и атрибутивность русской хорошо просматривается на примере родо-видовых наименований – двухсловных адъективно-субстантивных сочетаний, где существительные (родовые понятия) в русском и словацком языках идентичны, а прилагательные (видовые характеристики) характеризуют их с разных сторон: словацкие – по функциональному признаку (цели, назначению), а русские – по принадлежности, свойству, сфере использования:

- рус. *столовая ложка* (свойство: принадлежность к столу и столованию) – слвц. *polievková lyžica* (назначение: ложка для супа);

- рус. *безопасная бритва* (свойство: надёжность) – слвц. *holiaci strojček* (назначение: прибор для бритья);

- рус. *белый медведь* (свойство: окраска) – слвц. *ľadový medveď* (среда обитания, т. е. сфера функциональности: медведь, живущий во льдах);

- рус. *заграничный паспорт* (свойство: используемый за границей) – слвц. *cestovný pas* (назначение: паспорт, используемый для поездок) и т. д.

О подобных сочетаниях с различным дифференцирующим компонентом в русском и словацком языках см. также работы М. Рогалья [Соколова Я. – Рогаль М. и др., 2003: 209 – 228] и Н.Б. Киселёвой [Киселёва 2008].

Функциональная мотивированность словацких наименований проявляется и в терминологической лексике: напр., отрасль стоматологии, занимающаяся протезированием и выравниванием зубов, называется *čelústná ortopédia* (назначение: работа с челюстью), а специалист в данной области соответственно *čelústný ortopéd*, в то время как в русском языке для наименования врача данной специальности используется только моноксемный латинизм *ортодонт*. Вообще в словацких наименованиях из области медицины наблюдается яркая тенденция разграничения общеупотребительного и узкоспециального названий, первое из которых представляет собой билексемное (родо-видовое)

наименование исконного (словацкого) происхождения, а второе – монолексемный латинизм, зачастую понятный только специалисту, в то время как в русском языке более распространены монолексемные названия латинского происхождения, которые после детерминологизации вошли в обиход и параллельно с которыми в разговорной речи иногда употребляются исконные (русские) наименования. Сравните: слвц. *ušný a krčný lekár* – *otorinolaryngológ*, рус. *отоларинголог, ЛОР(-врач), разг. ухогорлонос*; слвц. *praktický lekár* – *terapeut*, рус. *терапевт*; слвц. *zubný lekár* – *stomatológ*, рус. *стоматолог, дантист, разг. зубной (врач)*; слвц. *zápal priedušiek* – *bronchitída*, рус. *бронхит*; слвц. *(zubné) pátradlo* – *sonda*, рус. *(стоматологический) зонд* и т. д. В словацкой общеупотребительной лексике распространены также двухсловные адъективно-субстантивные наименования отдельных врачебных специальностей, в которых адъективный компонент выражает назначение (специализацию), а субстантивным компонентом является гипероним *врач* (слвц. *lekár*): *ušný (krčný) lekár, zubný lekár, praktický lekár, očný lekár* и т. д. По закону языковой экономии в разговорной речи гипероним *lekár* часто опускается, практически субстантивируя соответствующий адъективный компонент, что типично для всех славянских языков.

Все вышеперечисленные наименования обозначают понятия, содержание которых воплощено в эпитете, различном в русском и словацком языках. Через определение аналитически даётся признак содержания понятия, а объём понятия даётся синтетически через семантическое расширение слова, поэтому роль определения чрезвычайно важна [ср. Колесов 2004]. «Содержание понятия – это уже **признак различения или сходства**, он выделяется сознанием идеально, привносится в определение вещи извне, а потому преимущественно и выражается с помощью отдельного слова, специально выработанной в языке частью речи, полным именем прилагательным. /.../ Слово направляет движение мысли в сторону концепта, который выявляется путём логически строгого воссоздания каждый раз нового, каждый раз нужного понятия» [Колесов 2004: 75]. Таким образом происходит семантическое обогащение слова, расширяется объём понятия, и данное расширение несёт в себе национально-культурную специфику.

3. Мотивация на основе внешних (РЯ) и внутренних (СЯ) свойств объекта. В русском языке преобладают атрибутивные суффиксы *-ник, -овик/-евик* с общим значением 'относящийся к чему-л., предназначенный для чего-л.', которые характеризуют предметы по их внешним признакам (свойствам): *чайник, бумажник, светильник, грузовик, половик, пуховик, дробовик, (плащ-)дождевик*; по этим же моделям активно образуются универбализованные понятия, которые обозначают принадлежность и используются преимущественно в разговорной лексике, напр., *гаишник, киношник, силовик, биржевик*. Показательным примером данных отличий

могут служить, в частности, названия грибов, которые в русском языке носят преимущественно атрибутивный характер, соотнося наименование гриба с типичной средой его обитания (деревом, рядом с которым он чаще всего растёт, типом леса или почвы): *подосиновик*, *подберезовик*, *поддубовик*, *моховик*, *боровик*, *дождевик*, *навозник* и т. д., в то время как в словацком языке мотивация наименований грибов связывает их не со средой обитания, а скорее с их собственными свойствами (цветом, формой и т. д.): *ušiak*, *kuriatko*, *pôvabnica*, *rydzík*, *šťavnáčka* и т. д. Из наиболее популярных съедобных грибов соотнесены с местом произрастания только *dubák* 'белый гриб, боровик' (растёт около дубов) и *podpŕovka* 'опёнок' (растёт у подножия пней).

Различия в привлечении словообразовательных средств для косвенно-производной номинации различных предметов и явлений в русском и словацком языках обусловлены не в последнюю очередь тем, что они, как правило, используются для означивания «только тех реалий, которые *могут оцениваться*, когда необходимо актуализировать признаки, имеющие практическое значение для человека в его освоении мира, причём не только такие, которые имеют хозяйственно важные значения, но и такие, которые помогают ему ориентироваться в сложном и многоликом мире природы» [Вендина 1998: 203]. Вышеприведённые примеры указывают на то, что для русской ментальности важнее соотнесённость предмета с определёнными реалиями, в то время как для словацкой ментальности важнее внутренние свойства предмета. Обобщённо говоря, русская ментальность тяготеет к коллективности (соборность), а словацкая – к индивидуальности, что не противоречит их географической детерминированности: чтобы не затеряться в бескрайних просторах, нужно объединяться, а разделённые горами небольшие долины прививают восприятие изоляции как естественного состояния, поддерживаемого самой природой... Жители горных районов зачастую чувствуют себя уютно на огромных открытых пространствах, они более привычны к уединению, в то время как жители равнин иногда чувствуют себя стеснёнными в горах. Очень часто от русского человека можно услышать такую оценку данной ситуации: «Развернуться негде...». Коллективизм русских и индивидуализм словаков характеризуют, в частности, пословицы и поговорки, которые во многих существующих сборниках и словарях объединены по тематическому признаку [Зимин, Спиринов 2006; Даль 1991; Dobšinský 1874; Záturecký 2005; Habovštiaková, Krošláková 1996 и др.].

Здесь коллективность тесно переплетена с открытостью, пространственной индетерминированностью, а индивидуальность – с закрытостью, пространственной детерминированностью. В этом плане любопытно наблюдение, сделанное Н.Н. Семеновым при общении с филологами из Италии. Жители этой горной страны, ландшафт которой предполагает многие сходные со словацкими черты национальной ментальности, как известно, отличаются очень живым темпераментом и, как следствие,

многословной эмоциональной речью. Группу итальянских филологов-русистов повезли на экскурсию по Белгородской области, и российские коллеги обратили внимание на то, что самый разговорчивый итальянец затих и, глядя в окно автобуса, почти полчаса не издавал ни звука. На вопрос, что случилось, он задумчиво ответил: «Много неба...». Если бы каждый из нас при общении с иностранцами фиксировал подобные факты различного мировосприятия, наверняка набралось бы очень много иллюстративного материала, но, к сожалению, бытовые коммуникативные ситуации часто остаются вне поля зрения науки, хотя могли бы дать ценный материал для многих исследований подобного рода.

4. Преобладание статичности (имплицитности действия) в частотных структурных моделях русских фразеологических наименований в противовес динамичности (эксплицитности действия или характеристики) в словацких фразеологических наименованиях. Набор структурных моделей фразем также отражает национальную специфику языка. Каждая фразема состоит как минимум из двух компонентов, один из которых – смысловая доминанта – определяет структурный тип фраземы (субстантивные, вербо-номинальные, адвербиальные и т. д.). При сравнении словацкой и русской фразеологии мы обнаруживаем, что в русском языке гораздо чаще, чем в словацком, встречаются субстантивные фразеологизмы, в которых действие только подразумевается (выражено имплицитно), а потому глагол в них эксплицитно не присутствует: *не в бровь, а в глаз; ни рожи, ни кожи; не мытьём, так катаньем; ни кола ни двора; после дождичка в четверг; у чёрта на куличках; ни рыба ни мясо* и т. д., в то время как в семантически эквивалентных словацких фразеологизмах чаще присутствует само действие (глагол), его атрибут (причастие) или качественная характеристика (прилагательное): рус. *не в бровь, а в глаз* – словц. *trafiť klinec po hlavičke/trafiť do čierneho*; рус. *ни рожи, ни кожи* – словц. *škaredý ako nos*; рус. *не мытьём, так катаньем* – словц. *nepôjde to podobrotky, pôjde pozlotky*; рус. *ни кола ни двора* – словц. *chudobný ako kostolná myš*; рус. *после дождичка в четверг* – словц. *na svätého Dindy, čo nebude nikdy*; рус. *у чёрта на куличках* – словц. *kde líšky dávajú dobrú nos*; рус. *ни рыба ни мясо* – словц. *nemastný neslaný* и т. д. Сразу оговоримся, что мы не пытаемся абсолютизировать отдельно взятые примеры, а приводим иллюстрацию частотности употребления определённых структурных моделей, обладающих национально-специфическими свойствами. Общеизвестен факт, что фразеология любого языка богата сравнительными конструкциями, и в русском языке присутствуют как синонимы-сравнения к приведённым сочетаниям (напр., *ни кола ни двора* – *беден как церковная мышь, гол как сокол*), так и синонимы с эксплицитным выражением действия (напр., *не в бровь, а в глаз* – *попасть в (самую) точку* и т. п.). Однако в данном случае нашей целью было подчеркнуть не факт присутствия фразеологизма в языке вообще,

а соотношение указанных структурных типов фразеологизмов (глагольные – именные).

Данная особенность связана с тем, что для русского важнее выразить не само действие как функциональный процесс, а его характеристику, отличительные черты, что типично для способов номинации в русском языке в целом, в то время как в словацком языке доминирует «прямая» функциональность номинации. Данная тенденция проявляется и в однословных наименованиях, хотя и не так явно в силу различных условий исторического развития языков и особенностей заимствования в них (см. пункт 1 данного параграфа).

Как видно из вышеприведённых примеров, русский язык оценивает предметы преимущественно по свойствам, а словацкий – по функции, хотя в каждом из языков присутствуют оба типа оценки. И хотя избранные нами для иллюстрации фрагменты не дают полной картины внутриязыковых взаимодействий, даже из представленных здесь иллюстраций очевидно, что словацкий язык более склонен к функциональной мотивированности, в то время как русский – к атрибутивной, что отражает национально-специфичные когнитивные доминанты обоих языков – русскую абстрактность и словацкую конкретность.

Данные выводы, сделанные на основании сопоставительного анализа языковых фактов, созвучны мыслям русского историка середины XIX в. А.П. Шапова, который развил применительно к русской ментальности следующее толкование концептуализации действительности англичанами: если в процессе познания получается одновременно несколько представлений (запах, цвет, вкус и т. п.), возникает идея *предмета*, если же их последовательность – то идея *движения*, т. е. воспринимается не факт, а событие. Шапов отмечает, что для русских важнее второе – идея движения, которую историк связывает с коллективной ценностной ориентацией (соборностью) русского народа. Для русского имеют значение «чувства семейной, родовой или племенной родственности или связи, чувство общинных предрасположений и стремлений», потому что «им органически присущ *коллективизм*» (А.П. Шапов, цит. по [Колесов 2007: 15]). А разграничивать события в условиях коллективности гораздо проще, если присвоить им определённые атрибуты, которые будут различать данные события по их свойствам. Иными словами, для русского естественно присвоение предметам и явлениям определённых атрибутов на основании их внешних признаков.

Словацкое языковое сознание в силу закрытости и пространственной детерминированности словацкой ЯКМ ориентировано на внутренние свойства предметов – образно говоря, на собственные внутренние ресурсы. С этим может быть связана и такая любопытная особенность словацкого словообразования, как возможность образования деминутивных форм практически от любых частей речи, причём весьма активно и от глаголов: *sadať – sadkať, lahnúť – lažkať, bežať – bežkať, papať – papkať*,

spat' – *spinkat'* и т. п. и даже специфическая форма *tojkat'* 'утешать, проявлять сочувствие', образованная от притяжательного местоимения *môj/toja*, которое, произнесённое с восклицательной интонацией, используется для выражения сочувствия. Здесь проявляется не только скрытый словообразовательный потенциал словацкого глагола, но и склонность словацкой ментальности как ментальности «малого народа» переводить окружающую действительность в более мелкий, т. е. более привычный, масштаб, на уровне действия. Это естественно для народа, мыслящего в интенциях пространственной детерминированности. В русском языке деминутив для обозначения действия используется лишь маргинально и формально не является глаголом (напр., *пойдём баиньки/спатиньки*), явно преобладают предметные деминутивы, что типично для естественного языка.

Для сравнения: в других славянских языках, например, в польском и белорусском, деминутивные формы также являются преимущественно предметными, а не глагольными [Czułe słowka; Шкраба 1994].

Поскольку, как справедливо отмечает И.М. Кобозева, «свойства знаков естественного языка обусловлены теми целями, для которых они используются» [Кобозева 2009: 32], становится очевидным, что один и тот же знак (слово) в разных лингвокультурах будет иметь разные свойства в силу отличия в целях его употребления, обусловленных ментальностью, традициями, культурой.

Перечисленные нами национально-специфичные когнитивные доминанты словацкой и русской ЯКМ являются оязыковлёнными структурными элементами народного сознания, его неотъемлемой составной частью. Они подчёркивают важность Слова в жизни человека, поскольку именно слово, выражая образное, понятийное и символическое значения, становится концептом и средоточием целого спектра смыслов – тем, что В.В. Колесов назвал «концептом национальной речемысли, содержащимся в слове» [Колесов 2004: 71]. Слово как носитель содержательных форм концепта находится в ментальном поле народного сознания [там же], а потому проявляется во всей системе языка. Поэтому и оязыковлённая национальная специфика когнитивных доминант русской и словацкой ЯКМ проявляется на всех структурных уровнях языка вплоть до микроструктуры (внутренние ресурсы отдельных уровней), на фоне универсального, общечеловеческого сохраняя то уникальное, чем богата национальная ментальность. «Язык не изменяется слишком резко, он – хранитель концептов, содержательные формы которого сохраняют ментальность во времени и в пространстве» [Колесов 2004: 72]. И наша задача – разглядеть её национальные особенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фактор географического детерминизма является одним из базовых факторов, влияющих на формирование национальной ЯКМ. Поэтому совершенно естественным является приоритетное положение когнитивных структур, сформированных под непосредственным воздействием данного фактора – «широта» в русском языке и «высота» в словацком – и тесно связанных с приоритетными пространственными моделями мировосприятия данных народов. Остальные перечисленные нами национально-специфичные доминанты русской и словацкой ЯКМ (открытость – закрытость, пространственная детерминированность – индетерминированность и т. д.) обусловлены данными приоритетными когнитивными структурами и тесно взаимосвязаны с ними, а потому выступают по отношению к ним в функции субконцептов – компонентов их структурной организации.

Подводя итог сказанному о национально-специфичных когнитивных доминантах в русской и словацкой ЯКМ, ещё раз подчеркнём, что рассмотренные нами географически детерминированные когнитивные (лингвоментальные) оппозиции русской и словацкой ЯКМ нельзя приравнивать к ЯКМ во всей её комплексности. В ЯКМ каждого народа в значительной степени присутствуют универсальные схемы, обусловленные самой структурой человеческого мышления и сознания, и национально-специфичные черты зачастую проявляются не в виде самостоятельных схем, отличных от универсальных, а в виде уникальных, присущих только данному народу комбинаций универсальных схем или их отдельных компонентов, создавая неповторимую национально-специфичную интерпретацию явлений окружающей действительности в национальной концептосфере. Именно здесь наиболее полно проявляется интерпретационная природа концептов [Алефиренко 2008в], составляющих национальную концептосферу и отражающих особенности мировосприятия конкретного народа. Данное явление наблюдается как в языке в целом, так и на его отдельных структурных уровнях. Применительно к фразеологии, которая использовалась нами как основной источник сопоставительного материала, Н.Ф. Алефиренко отмечает: «Интерпретационная природа концептов и фреймов выражается в одинаковом наборе минимальных смысловых элементов – сем. Однако в каждом из языков они (семы) подвергаются неповторимой комбинации. Именно индивидуальность семных комбинаций создаёт этнокультурное своеобразие фразеологических значений, определяя тем самым специфику глубинных ярусов фразеосемантического пространства разных языков» [Алефиренко 2008в: 163].

Не умаляя значения универсального в языке, мы исключили его из поля нашего рассмотрения для того, чтобы как можно более ярко и ошутимо выделить национально-специфичное, присущее конкретному языку (в нашем случае – русскому и словацкому). Поэтому в тех случаях, когда универсальное выступало параллельно национально-специфичному или пересекалось с ним, мы ограничивались лишь кратким упоминанием о его существовании, сосредоточивая приоритетное внимание на специфичном. Так, универсальная семиотическая оппозиция «верх – низ», лежащая в основе пространственных моделей восприятия, обуславливает вертикальное структурирование действительности в любой ЯКМ, так же, как и оппозиция «спереди – сзади» обуславливает горизонтальное пространственное восприятие, однако объём, степень разнообразия и характер (а соответственно, и когнитивная приоритетность) данных структур неодинаковы и обусловлены национальной спецификой ЯКМ, в основе которой зачастую находятся географически детерминированные факторы, в первую очередь ландшафт традиционной среды обитания. Рассматривая выражение национально-специфичного во фразеологии, мы также не касались универсального механизма заимствования и калькирования фразеологических единиц, поскольку в свете целей нашего исследования важен синхронный аспект, современное состояние языковых фактов независимо от их происхождения, т. е. **результаты естественного отбора, производимого языком на протяжении его исторического развития, которые и являются наилучшим показателем его когнитивных приоритетов.**

Всё вышесказанное можно свести к следующим основным выводам.

1. Русская и словацкая ментальность по своей когнитивной структуре являются ментальностями своего рода переходными между западноевропейской и восточной, причём в словацкой ментальности преобладает западный компонент, а в русской – восточный.

2. Данная переходность обуславливает как общие черты, характерные для русской и словацкой ментальности в отличие от остальных народов, так и их культурно-специфичные когнитивные различия.

3. Различия русской и словацкой ментальности отражены в языковой картине мира (ЯКМ) каждого из народов в виде национально-специфичных когнитивных доминант, которые, являясь по форме универсальными когнитивными структурами, отражают в своём содержании (семном наборе) индивидуальные лингвоментальные особенности каждого из народов. Данные национально-специфичные различия проявляются как в языке в целом, так и на его отдельных структурных уровнях.

4. Фактор географического детерминизма обуславливает формирование пространственных моделей восприятия, лежащих в основе национальной ментальности.

5. Национально-специфичные когнитивные доминанты русского и словацкого языков образуют географически и культурно

детерминированные бинарные оппозиции: высота – широта, пространственная детерминированность – пространственная индетерминированность, закрытость – открытость, конкретность – абстрактность, что проявляется на разных структурных уровнях.

6. Особенно ярко вышеперечисленные когнитивные (лингвоментальные) оппозиции проявляются во фразеологии, отражающей древнейшие представления народа об окружающей действительности, причём с этой точки зрения на первый план выступают два аспекта:

а) Механизм возникновения фразеологической единицы (ФЕ) является нерелевантным для оценки её когнитивной доминантности в синхронном разрезе, поскольку функционирование ФЕ на современном этапе развития языка обусловлено когнитивными приоритетами данного языка, свойственными национальной ментальности в целом и отражающими национально-специфичное в конкретной ЯКМ;

б) Утрата фоновых знаний о ФЕ (В.Н. Телия) не приводит к изменению её концептуальной сущности.

7. Присутствие в разных языках универсальных когнитивных моделей и образов только обогащает их национальное своеобразие, поскольку на фоне универсального ярче проступает национально-специфичное.

Полученные нами данные могут послужить не только более глубокому изучению когнитивной специфики славянских языков и культур и определению их ментальных и культурных сходств и различий, но и выработки на этой базе стратегий диалога культур, ведущих к успешной межкультурной коммуникации. Таким образом, область применения полученных нами результатов выходит далеко за рамки лингвистики, что является закономерным воплощением современного комплексного междисциплинарного научного подхода.

В заключение хотим подчеркнуть, что данное исследование не претендует на полноту охвата затронутой проблематики, оно является лишь фрагментом, одним из первых шагов на пути масштабного междисциплинарного исследования, которое для получения как можно более объективных результатов нуждается в создании репрезентативного международного исследовательского коллектива с постепенным привлечением фактов широкого спектра языков и разработкой отмеченных явлений на разных структурных уровнях. По существу, глубокое изучение намеченной проблематики требует создания самостоятельного исследовательского направления с привлечением обширных персональных и временных ресурсов. Предполагаем, что по мере получения новых результатов некоторые теоретические положения будут уточнены и в значительной степени дополнены, поэтому данной публикацией мы только открываем комплекс исследований, направленных на изучение взаимосвязей и

взаимозависимостей ландшафта традиционной среды обитания народа (географического детерминизма) и особенностей формирования языковой картины мира, проявляющихся на всех структурных уровнях языка и находящихся своё отражение в традиционной культуре и верованиях.

* * *

Человек, будучи сложнейшей синергетически целостной системой систем, причём систем разноаспектных и динамических – биологической, психической, социальной, культурной – находится с каждой из субсистем и со всеми ими вместе взятыми в постоянном взаимодействии [см.: Васильев 2004: 48-49]. В этом контексте вполне допустимой и логически оправданной представляется наша гипотеза, согласно которой взаимоотношение человека с семантическим пространством лингвокультуры является таким же синергетически сложным и многоаспектным системным взаимодействием.

Столь вероятностная, хотя и имплицитно выраженная, сложность обуславливается тем, что синергетическое пространство лингвокультуры конституируется наномасштабным множеством достаточно мобильных компонентов и многообразных связей между ними. Более того, органичность и многоаспектность такого рода взаимосвязей предопределена изоморфной организацией анализируемой системы и её субсистем. Дело в том, что сетевая организация семантического пространства как бы наследует «сетевидную» структуру всей жизнедеятельной системы человека. Такого рода системный изоморфизм порождается *синергетикой*, обеспечивающей единую комбинаторную жизнедеятельность человека как социокультурного феномена. Именно системная синергетика лежит в основе слаженной «работы» всего когнитивно-семиологического механизма: 1) актуализация любого элемента семантической сети автоматически приводит к выполнению функциональных «обязанностей» всех других элементов единой синергетической системы; 2) результаты синергетического взаимодействия человека с семантическими сетями, пройдя фильтрацию в кратковременной памяти, закрепляются в аналах *памяти долговременной*.

Синергетическое взаимодействие, по определению основоположника синергетики Г. Хакена, – это «совместное действие многих подсистем, в результате которого на макроскопическом уровне возникает структура и соответствующее функционирование» [Хакен 1980: 16].

Понятие взаимодействия в лингвокультуре разных ценностно-смысловых явлений существенно обогатилось за счёт включения в него таких синергетических процессов, как:

- нелинейной эволюции сложных динамических подсистем (языка, дискурса, культуры),

- явлений, вызываемых закономерной необходимостью или случайностью,

- процессов бифуркации (*бифуркация* – зона разветвления путей перехода системы в новое качественное состояние; точка ветвления возможных путей эволюции системно организованного явления лингвокультуры),

- самообразование диссипативных структур (после завершения бифуркации возникновение из ранее неупорядоченных образований относительно устойчивых структур той или иной лингвокультуры). Диссипативность – особое динамическое состояние лингвокультуры в результате активного взаимодействия открытых неравновесных систем. Данное понятие охватывает динамику *самоорганизации сложных открытых неравновесных, неустойчивых, нелинейных систем, которые спонтанно, путём взаимодействия внутренних факторов их эволюции, создают в ходе бифуркаций качественно новые структуры лингвокультуры*. Причём завершение бифуркационного перехода локальной системы в новое качество полностью исключает возможность её возвращения к прежнему состоянию. Процесс становится необратимым. Такие необратимые процессы и приводят к возникновению нового типа динамических состояний материи, названных И. Пригожиным *диссипативными структурами*. Так, слово *яблоко*, например, в первом значении – ‘плод яблони’ – лишено этнокультурного компонента. В составе же фраземы *яблоко раздора* оно, обогатившись дискурсивно-синергетическими смыслами, приобретает культурно значимое значение – ‘то, что порождает ссору, раздор’. Обратный процесс лингвогенезиса невозможен.

Культурно маркированное слово всегда несёт информационную синергию. Даже если мы её не до конца осознаём, она подсознательно проявляется в сущностном и звуковом виде. С другой стороны, смысловое содержание концепта, обозначенного таким словом, также синергетично (энергетика самого звукоряда, обобщённого образа предмета, дискурса, опыта и т.п.).

Синергетическое взаимодействие на современном этапе развития науки играет системообразующую роль главной основы постмодернистской концепции [Алефиренко 2008] лингвокультурологии – когнитивно-дискурсивной. Интегрируясь с другими динамическими процессами сложных систем, оно кладёт начало радикальному сдвигу лингвистического мышления от исследований статики состояния явлений лингвокультуры к постижению процессов их эволюционной динамики. В отличие от классических парадигм, теория синергетического взаимодействия нацеливает на исследование не столько устоявшегося в лингвокультуре, сколько *становящегося*, не на бытие «культуры в языке», а на *динамику* процессов его эволюции. Такой подход, можно надеяться, позволит увидеть мир лингвокультуры из другой, динамической, системы координат.

Сетевой принцип присущ организации когнитивно-дискурсивных структур как в системе языка, так и в тексте, рассматриваемых в комплексе взаимодействующих языковых, внеязыковых и интеллектуальных факторов. В системе языка сетевой принцип лежит в основе организации словарного состава языка в целом и лексикона отдельной языковой личности. Ю.Н. Караулов относит лексикон к ассоциативно-семантическому уровню структуры языковой личности. В его концепции данный уровень представляет «ассоциативно-семантическую сеть с включенной в неё и в значительной мере лексикализованной грамматикой» [Караулов 1987: 87]. Такое понимание сетевой организации лексикона оказывается особо перспективным при когнитивно-дискурсивном анализе функционирующего в дискурсе слова. Дело в том, что слово в дискурсе «живёт» не столько как языковой знак, кодирующий ту или иную информацию, сколько как «номинативная единица лексикона: компонент общей структуры памяти, связанный через своё лексическое значение с другими компонентами того же уровня ассоциативными связями и образующий семантическую сеть индивидуального лексикона» [Яценко 1999: 109]. Напомним, что в психолингвистике под индивидуальным лексиконом понимается невербализованная часть внутреннего лексикона человека в общей структуре его долговременной памяти.

Слово же, как оперативный элемент долговременной памяти, через своё лексическое значение находится в системно-ассоциативной связи с другими элементами того же уровня, образуя семантическую сеть индивидуального лексикона.

Семантическая сеть каждого языка плетётся посредством этнокультурной системы значений, свойственной каждому отдельному языку. Такой системно-синергетический принцип ассоциативно-смысловой организации семантической сети обеспечивает её доступность каждому носителю языка, несмотря на различия в их языковых компетенциях и в фоновых знаниях. Такая организация семантической сети предопределяет своеобразие предмета когнитивно-дискурсивного исследования. Для первой части когнитивной семиологии основополагающим является весьма ёмкое положение, сформулированное Н.Д. Арутюновой: «Теория значения, – пишет автор, – занята выяснением того, как язык структурирует и систематизирует внеязыковую данность, какие типы признаков (параметры объектов) в ней выделяет, какими средствами описания физического и духовного мира (материального и идеального) обладает и как его оценивает. В системе значений закреплены все те понятия, которые сложились у каждого народа в ходе его познавательной, трудовой, социальной и духовной активности» [Арутюнова 1982: 10–11]. Ассоциативно-смысловая структура семантической сети не только не противоречит, но и непосредственно проецирует необходимость второй части нашего подхода – семиологического анализа слова в дискурсе. Наоборот, когнитивно-семиологическая теория слова ориентирована на

осмысление взаимосвязей системной и дискурсивной семантики культурно мотивированных номинаций.

Данная теория исходит из положения о том, что система значений конкретного языка благодаря своей ассоциативной организации (а) способствует адекватному пониманию и интерпретации концептуальной информации, передаваемой с помощью текста, и (б) обеспечивает стабильность языковой системы в целом [ср.: Kiklewicz 2004: 41]. В процессе выбора слова для построения вербальной формы текста активируется система значений языка, которая, в свою очередь, активирует лежащую в её основе концептуальную сеть соответствующей культуры. В результате происходит ассоциирование фрагментов языковой и внеязыковой информации с конкретными лексическими единицами. А.М. Шахнарович выделяет в процессе вербализации понятийного содержания следующие этапы: «...между фрагментом действительности и отражающим его высказыванием лежит процесс структурирования действительности с особой целью – обозначить выделенные элементы ситуации при помощи языковых средств. Именно этот процесс и находится в основе овладения семантикой, формирования семантических структур. По всей видимости, этот процесс характерен и для порождения речевого высказывания» [Шахнарович 1990: 51].

На этапе вербализации, которая определяется как переход от коммуникативной потребности к тексту (Б.Ю. Городецкий), часть неязыковой информации ассоциируется в рамках соответствующего фрейма с языковой. Надо полагать, что механизмы, описанные А.М. Шахнаровичем, универсальны, т. е. присущи всем видам коммуникации: моноэтнокультурной, моноэтноязыковой и межъязыковой. Однако этого нельзя сказать о механизме семиологической интерпретации смыслового содержания слова, реализуемого в условиях разных дискурсов. Это объясняется тем, что дискурс – категория лингвокультурологическая [см.: Алефиренко 2003: 9]. Семиологический анализ слова показывает, что разные «дискурсные идеологии» порождают разные аксиологические коннотации, в результате чего в семантике слова развиваются специфические культурно мотивированные семы. Причём в процессе такой культурно мотивированной номинации из общекультурного фонда соответствующий объект действительности выделяется классифицирующей деятельностью этноязыкового сознания не отдельного субъекта речи, а всем этнокультурным коллективом в ходе его исторического развития. В итоге семантика таких знакообозначений, несмотря на изначальную вариативность, в пределах одного и того же лексикона характеризуется инвариантной структурой.

При когнитивно-дискурсивном подходе основным предметом лингвистических исследований становятся не отдельные лексемы с их системными значениями, а те синергетические потоки, которые выстраивают иерархию культурно мотивированных номинаций в целостной

семантической сети соответствующего дискурса [Алефиренко 2007]. Факторами, определяющими статус культурно мотивированных номинаций в иерархии дискурсивных единиц, являются мотивы и установки субъектов речевого общения, оценка ими экстралингвистических условий коммуникации (познаваемой действительности, пресуппозиций, принятых в нашей культуре способов мифологизации отдельных объектов в рамках познаваемой действительности) [Sławiński 1974]. Благодаря такого рода синергетическим факторам кодируемые в дискурсе объекты обретают статус инвариантных культурно мотивированных номинаций.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н.Ф. (2004а). Когнитивная лингвокультурология (знаково-символическая репрезентация этнокультурного сознания) // Язык и культура. Киев, 2004.
- Алефиренко Н.Ф. (2004б). Когнитивно-дискурсивные аспекты косвенной номинации (на материале восточнославянских языков) // *Słowo. Tekst. Czas. Nowe środki nominacji językowej w nowej Europie*. Red. prof. dr hab. Michail Aleksiejenko. Szczecin, 2004.
- Алефиренко Н.Ф. (2008а). Когнитивно-лингвистические механизмы семиозиса // *Лингвистични дискурси*. Научни трудове, т. 43, кн. 1, сб. А. Пловдив: Пловдивски университет «Паисии Хилендарски», 2008. С. 185–192.
- Алефиренко Н.Ф. (2007). Когнитивные основания лингвосомиозиса // *Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag*. Herausgegeben von P. Deutschmann. Wien (Австрия): Praesens Verlag, 2007. S. 379–395.
- Алефиренко Н.Ф. (2005а). Культурные концепты в языке и тексте: Сборник научных трудов. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005.
- Алефиренко Н.Ф. (2005б). Синергетика культурного концепта и знака в системе языка и тексте. In: Алефиренко 2005. С. 8–21.
- Алефиренко Н.Ф. (2005в). Спорные проблемы семантики. Москва: Гнозис, 2005.
- Алефиренко Н.Ф. (2008б). Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.
- Алефиренко Н.Ф. (2008в). Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва: Элпис, 2008.
- Алефиренко Н.Ф. (2004в). Этноэпидемический концепт и внутренняя форма языкового знака // *Вопросы когнитивной лингвистики*, 1/2004. С. 70–82.
- Алефиренко Н. Ф. (2006). Язык, познание и культура. Волгоград, 2006.
- Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жуны И.И. (2011). Текст и дискурс. Учебн. пособие. Москва: Флинта: Наука, 2011.
- Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. (2009). Фразеология и паремиология. Москва: Флинта, 2009.
- Алефиренко Н.Ф., Степанова Л.И. (2010). Динамика фразеологической картины мира // *Areálová slavistika a dnešní svět. Monografie z filologicko-areálových studií*. Ed. Ivo Pospíšil. Brno: Tribun EU, 2010. S. 231 – 238.
- Апресян Ю.Д. (1995а). Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Языки русской культуры, 1995.
- Апресян Ю.Д. (1995б). Избранные труды: В 2-х т. Москва, 1995.

-
- Арутюнова, Н.Д. (1982). Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М.: Радуга, 1982. С. 5-40.
- Арутюнова Н.Д. (2000). О стыде и совести // Логический анализ языка: Языки этики. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 54 – 78.
- Арутюнова Н.Д. (1976). Предложение и его смысл. Москва: Наука, 1976.
- Арутюнова Н.Д. (1999). Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999.
- Архипов И.К. (2001). Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия // Филология и культура. Ч. 1. Тамбов, 2001. С. 13–15.
- Аскольдов С.А. (1997). Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Москва, 1997. С. 267–279.
- Бабушкин А.П. (1996). Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996.
- Бабушкин А.П. (2005). Типы языковых знаков в семиотическом аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики, № 2/2005. С. 5-11.
- Баранов А.Г. (2010). Моделирование применения корпусных методов для локальных лингвистических исследований. Материалы международной конференции «Диалог 2010». Доступно по ссылке: <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/pdf/Baranov.pdf>
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2008). Аспекты теории фразеологии. Москва: Знак, 2008.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. (2003). Понятие речевой формулы: определение и типология // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей. М.: «Азбуковник», 2003. С. 39–55.
- Бахтин М.М. (1986). К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984-1985. М., 1986. С. 80-160.
- Белова О.В. (2008). Восприятие «чужого» языка в народной культуре славян (этнолингвистический аспект) // In: XIV меѓународен славистички конгрес. Охрид, 10-16 септември 2008. Зборник на резимеа. I том. Лингвистика. Скопје: Македонски славистички комитет, 2008. С. 144.
- Белоусова Р. (2004). К вопросу о менталитете русской культуры // Hľadanie ekvivalentnosti II. Zborník príspevkov z medzinárodnej konferencie rusistov. Prešov: FF PU, 2004. S. 377-381.
- Бердяев Н.А. (2004). О власти пространства над русской душой // Судьба России. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2004.
- Бердяев Н.А. (1990). Русская идея. Москва, 1990.
- Березович Е.Л. (2005). О способах выражения оппозиции «далеко – близко» в русской народной языковой традиции // Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin: UMCS, 2005. С. 41-59.
- Березович Е.Л. (2010). Ценности в русском языке начала XXI века: новые темы в семантике старых слов // Балканская русистика. Исследования

-
- по языку, литературе и культуре. Октябрь 2010. <http://www.russian.slavica.org/index.htm>
- Бессонова Л.Е. (2000). Когнитивный анализ фразеологической единицы // *Frazeografia słowiańska. Teoria i praktyka, tradycje, terażniejszość, przyszłość. Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej. Opole, 6-8 września 2000 r.* Pod red. Mieczysława Balowskiego i Wojciecha Chlebdy. Opole, 2000.
- Блинова О.И. (2007). Мотивология и её аспекты. 2-е изд., стереотип. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007.
- Бодуэн де Куртенэ И.А. (1963). Избранные труды по общему языкознанию. Тт. 1-2. Москва: Наука, 1963.
- Болдырев Н.Н. (2005а). Категории как форма репрезентации знаний в языке // *Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. Посвящается юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева.* Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 16-39.
- Болдырев Н.Н. (2002). Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002.
- Болдырев Н.Н. (2001а). Концепт и значение слова // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание.* Воронеж, 2001. С. 25-36.
- Болдырев Н.Н. (2001б). Концепт и языковое значение. Лексические и грамматические концепты // *Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии).* Тамбов: Изд-во Тамб.ун-та, 2001.
- Болдырев Н.Н. (2005б). Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // *Концептуальное пространство языка.* Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 505-518.
- Болдырев Н.Н. (1999). Концептуальные структуры и значения языковых единиц // *Филология и культура.* Тамбов, 1999. Ч. 1. С. 15-18.
- Бондарко А.В. (2008). Дифференциация и интеграция в системе категориальных единств // *Рефераты на македонските слависти за XIV-от меѓународен славистички конгрес во Охрид, 10-16 септември 2008 година.* Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2008, с. 477 – 491.
- Бондарко А.В. (2002). Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. Москва: Языки славянской культуры, 2002.
- Борботько В.Г. (1989). Языковое сознание: теоретические подходы // *Представление и использование знаний.* М., 1989.
- Борискина О.О., Кретов А.А. (2003). Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003.
- Булычёв Ю.Ю. (2005). История русской культуры. Материалы лекционного курса. Пособие для студентов. http://www.pokrov-forum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2004-2005/txt/bulichev.php

-
- Буянова Л.Ю. (2002). Концепт «душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации // Культура, № 2 (80), 2002 (http://www.relga.rsu.ru/n80/cult80_1.htm).
- Вальтер Х. (2011). Немецкая фразеология под историко-этимологическим микроскопом // Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie. Greifswald: Universitat Greifswald, Philosophische Fakultat, 2011. S. 5-12.
- Васильев И.А. (2004). Взаимодействие человека со сложной динамической системой // Первая российская конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов / Казанский ун-т. Казань, 2004. С. 48–49.
- Вежибцкая А. (1997). Язык, познание, культура. М., 1997.
- Вежибцкая А. (2001). Понимание культуры через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. Москва: Языки славянской культуры, 2001.
- Величковский Б.М. (1987). Функциональная организация познавательных процессов: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1987.
- Вендина Т.И. (1998). Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). Москва: Наука, 1998.
- Вепрева И.Т. (2004). Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
- Виноградов В.А. (1991): Иерархия категорий в грамматической типологии. In: Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists. Berlin, 1991. С. 238-247.
- Воркачёв С.Г. (2002). Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. С. 79-95.
- Всеволодова (2007). М.В. Грамматика как средство отображения национальной языковой картины мира // Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków. Opole (Польша), 2007. С. 357-364.
- Гачев Г.Д. (1992). Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к познанию). Ростов-на-Дону: Феникс, 1992.
- Гийом Гюстав (1990). Принципы теоретической лингвистики. Москва, 1990.
- Гумбольдт В. фон (1984). Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1984.
- Гумилёв Л.Н. (1990). Этногенез и биосфера земли. Ленинград, 1990.
- Гынгазова Л.Г. (2002). Словарь диалектной языковой личности как отражение концептуализации мира // От Словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века. Владивосток, 2002. С. 136-145.
- Гынгазова Л.Г. (2007). Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. / Р.Н. Порядина, Л.Г.

-
- Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Отв. ред. – проф. З.И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007. С. 78-109.
- Дейк ван Т. А. (1989). Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петров. Под ред. В.И. Герасимова. Москва: Прогресс, 1989.
- Делёз Ж. (1998). Различие и повторение. Санкт-Петербург, 1998.
- Добровольский Д.О. (1997). Национально-культурная специфика во фразеологии (1) // Вопросы языкознания, 1997, № 6. С. 37-48.
- Дубровина К.Н. (2010). Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. Москва: Флинта, 2010.
- Евин И.А. (2004). Искусство и синергетика. Москва: Эдиториал УРСС, 2004.
- Ельмслев Л. (1960): Язык и речь // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Москва: Учпедгиз, 1960. С. 52-136.
- Ермакова О.П., Земская Е.А. (1993). К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. Москва, 1993. С. 36-64.
- Жак Деррида в Москве (1993). Пер. с фр. и англ./ Предисл. М. К. Рыклина. Москва: РИК «Культура», 1993.
- Жинкин Н.И. (1982). Речь как проводник информации. Москва: Наука, 1982.
- Жуйкова М.Б. (2005). Особенности структурирования вертикального пространства в восточнославянских языках // *Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych*. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin: UMCS, 2005. С. 73-80.
- Жуков В.П., Жуков А.В. (2006). Русская фразеология. Москва: Прогресс, 2006.
- Звегинцев В.А. (2009): История языкознания XIX-XXвеков в очерках и извлечениях. Т. 2. Москва: Эдиториал УРСС, 2009.
- Зинченко В.П. (1997). Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. Москва, 1997.
- Ивашко Л.А. (1980). Пространственные фразеологические единицы в псковских говорах // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980. С. 127-131.
- Ильин И.П. (1996). Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва, 1996.
- Карасик В.И. (1996). Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск. 1996. С. 3-16.
- Карасик В.И. (2001). О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3-16.
- Карасик В.И. (2002). Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

-
- Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте (2007). / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Отв. ред. – проф. З.И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007.
- Караулов Ю.Н. (2006). Русский язык и языковая личность. Изд.5-е, стер. Москва: КомКнига, 2006.
- Кацнельсон С.Д. (2001). Категории языка и мышления: Из научного наследия / Отв. ред. Л.Ю. Брауде. Москва: Языки славянской культуры, 2001.
- Кацнельсон С.Д. (1972). Типология языка и речевое мышление. Ленинград: Наука, 1972.
- Кибрик А.Е. и др. (2002): Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. Москва, 2002.
- Киселёва Н.Б. (2009). Когнитивные аспекты словацко-русского языкового параллелизма. In: Dialog kultur V. Sborník materiálů z mezinárodní vědecké konference, která se konala ve dnech 20. – 21.1.2009 na katedře slavistiky Pedagogické fakulty Univerzity Hradec Králové. O. Richterek, M. Půža (eds.). Ústí na Orlicích: Oftis, 2009. S. 112-125.
- Киселёва Н.Б. (2008). К проблематике сопоставительного анализа этнокультурных концептов во фразеологии западных и восточных славян // Фразеология и когнитивистика: Матер. 1-й междунар. науч. конф. В 2-х тт. Отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. С. 305-308.
- Клобуков Е.В. (2002). Роль универсально-логического концепта «актант» в языковой категоризации действительности // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Сб. ст. Часть 1. Под ред. доц. д-р Д. Митева и доц. д-р А. Николовой. Шумен: Шуменски университет «Епископ Константин Преславски», 2002. С. 7-19.
- Ключевский В.О. (2001). Полное собрание сочинений в 8 тт. Т. 1. Москва: Классика, 2001.
- Кобозева И.М. (2010). Категории интенциональности и когнитивности в современной лингвистике // Электронный ресурс http://pi.sfedu.ru/rsru/resources/forlinguists/kobozeva/koboz_uchebposob.doc 87
- Кобозева И.М. (2009). Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. 4-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Колесов В.В. (2006). Русская ментальность в языке и тексте. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2006.
- Колесов В.В. (2002). Философия русского слова. Санкт-Петербург: ЮНА, 2002.
- Колесов В.В. (2004). Язык и ментальность. / Серия Slavica Petropolitana. Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение», 2004.
- Кошарная С.А. (2008). Мифологическая картина мира в зеркале фразеологии // Фразеология и когнитивистика: матер. 1-й междунар. науч. конф. В 2-х тт. Отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. С. 223-227.

-
- Корина Н.Б. (2011). Когнитивные аспекты словацко-русского языкового параллелизма // *Dialog kultur VI. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference konané ve dnech 18.-19. ledne 2011 v Hradci Králové*. М. Půža, J. Konečný (eds.). Brno: Tribun EU, 2011. S. 1-13.
- Которова Е.Г. (1984). Метафора в различных функциональных стилях // *Лингвистические категории в синхронии и диахронии*. Сб. науч. трудов / Том. гос. пед. институт. Томск, 1984.
- Кравченко А.В. (2001): *Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка*. Иркутск, 2001.
- Красина Е.А. (2001). Дискурс, высказывание, речевой акт // *Филология и культура*. Ч. 1. Тамбов, 2001. С. 21-25.
- Кубрякова Е.С. (2000). О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, дискурсивная деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН*. Москва, 2000. С. 7-25.
- Кубрякова Е.С. (1991). Обеспечение внутренней деятельности и проблемы внутреннего лексикона // *Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи*. Москва, 1991.
- Кубрякова Е.С. (2001). Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // *Вопросы филологии*. 2001. №1.
- Кубрякова Е.С. (2008). *Типы языковых значений: семантика производного слова*. Изд. 2-е, доп. Москва: ЛКИ, 2008.
- Кубрякова, Е.С. (2004). *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры, 2004.
- Купина Н.А. (2000). Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // *Русский язык сегодня*. Москва, 2000. С. 182-189.
- Лакан Ж. (1995). *Функция и поле речи и языка в психоанализе*. Москва, 1995.
- Лакофф Д., Джонсон М. (1990). *Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры*. Москва: Прогресс, 1990.
- Лакофф Дж., Джонсон М. (2008). *Метафоры, которыми мы живём*. Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. Изд. 2-е. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Леонтьев А.А. (1983). *Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики*. Москва, 1983.
- Литература и культура Древней Руси: словарь-справочник (1994)*. / [О. М. Анисимова и др.]; под ред. В.В. Кускова. Москва: Высшая школа, 1994.
- Лихачёв Д.С. (1993). *Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология*. Москва, 1993. С. 147-165.
- Логический анализ языка. Культурные концепты (1991)*. Отв. ред. Арутюнова Н.Д. Москва, 1991.
- Лосев А.Ф. (1990). *Философия имени*. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

-
- Лосев А.Ф. (1982): Знак. Символ. Миф. Москва, 1982.
- Лузина Л.Г. (2000). Виды информации в дискурсе // Дискурс, речь, дискурсивная деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Москва, 2000. С. 137-151.
- Лукина А.В. (2004). Новые подходы к исследованию национальной идентичности // Известия Уральского государственного университета. № 33/2004. С. 238-246.
- Макаров М.Л. (1998). Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
- Малышев В.Н. (2009). Пространство мысли и истоки национального характера. Санкт-Петербург: Алетейя, 2009.
- Маслова В.Н. (2005). Когнитивная лингвистика. 2-е изд. Минск: «ТетраСистемс», 2005.
- Мельчук И.А. (1999). Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». 2-е изд. Москва: Наука, 1999.
- Метафора в языке и тексте (1988). (В.Г. Гак, В.Н. Телия, Е.М. Вольф и др.). Москва: Наука, 1988.
- Мечковская Н.Б. (2010). Когнитивная лингвистика в СНГ: разнообразие программ и методологические коллизии // Die slavischen Sprachen im Licht der kognitiven Linguistik. Славянские языки в когнитивном аспекте / Hrsg. von T. Anstatt und B. Norman. (= Slavistische Studien Bücher. Neue Folge, Bd. 22). Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. S. 13-36.
- Мечковская Н.Б. (2007). Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. 2-е изд., испр. Москва: Издательский центр «Академия», 2007.
- Микешина Л.А. (2002). Философия познания. Poleмические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002.
- Михальчук И.П. (1997). Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56, № 4. С. 29–39.
- Мокиенко В.М. (2001). Фразеологические теории в зеркале лексикографической практики // Frazeografia słowiańska: księga pamiątkowa poświęcona prof. dr hab. Haline A. Lilicz. Opole, 2001. S. 35-53.
- Надеина Л.В. (2005). Проблемы метафорического моделирования этнокультурных концептов (на материале глаголов вращательного движения в русских народных говорах) // Картина мира. Вып. 1. (34) Картина мира: язык, литература, культура: Сборник научных статей / Отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2005. 248 с.
- Нерознак В.П. (1998). От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. С. 80-85.
- Никитин М.В. (2003). Основы когнитивной семантики. Санкт-Петербург, 2003.
- Никитин М.В. (1996): Курс лингвистической семантики. Санкт-Петербург, 1996.

-
- Никитина Т.Г. (2011). Русские фразеологизмы в лингвострановедческом и лингвокраеведческом аспекте: Учеб. пособие. Псков: Логос, 2011.
- Перелыгина Е.М. (1993). Катартическая функция текста: АКД. Тверь, 1993.
- Петрова В.В., Герасимова В.И. (1999). На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Москва: Прогресс, 1999.
- Пименова М.В. (1999). Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово, 1999.
- Попова З.Д., Стернин И.А. (2009). Когнитивная лингвистика. Москва: Запад – Восток, 2009.
- Попова З.Д., Стернин И.А. (2001). Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.
- Попова З.Д., Стернин И.А. (1999). Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Воронежский ГУ, 1999.
- Порядина Р.Н. (2007). Духовный мир в образах пространства // Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Отв. ред. – проф. З.И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007. С. 11-77.
- Потебня А.А. (1958). Из записок по русской грамматике. Москва, 1958. Т.1-2.
- Потебня А.А. (1976). Эстетика и поэтика. Москва, 1976.
- Потебня А. А. (1999): Собрание трудов. Мысль и язык. Москва, 1999.
- Почепцов О.Г. (1990). Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 111-122.
- Принципы и методы когнитивных исследований языка (2008). Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008.
- Расулић К. (2006). Тако близу, а тако далеко: О метафоричкој концептуализацији заснованој на појмовима близу и далеко // П. Пипер (ред.) Когнитивнолингвистичка проучавања српског језика. Београд: САНУ, 2006. С. 233-259.
- Резанова З.И. (2010). Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания // Вестник Томского государственного университета, 2010, № 334. С. 195-199.
- Резанова З.И. (2007а). Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2007, № 1. С. 18-29.
- Резанова З.И. (2007б). Пространственные метафоры в лингвистическом тексте // Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Отв. ред. – проф. З.И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007. С. 326-356.
- Ривера Н.И. (2004). Культурно-исторический тип русского национального самосознания // В поисках эквивалентности II. Hľadanie ekvivalentnosti II. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie rusistov,

-
- ktorá sa konala dňa 17. až 19. júna 2004 v Prešove. Prešov: FF PU, 2004. S. 473-478.
- Рогаль М. (2003). Лексика с позиций билингвизма // Соколова, Я. и др.: Лексика современного русского литературного языка. Теоретический и практический курс. Nitra: FF UKF, 2003. С. 185-230.
- Семененко Н.Н. (2010). Когнитивная основа семантики поговорок как паремического жанра // <http://forum.aspu.ru/viewtopic.php?f=51&t=2816&view=print>
- Семёнова Н.В. (2009). Щедрость широкой русской души // Acta Nitriensiae 11. Zborník Filozofickej fakulty UKF v Nitre. Zodp. red. E. Fandelová. Nitra: FF UKF, 2009. S. 233-249.
- Сепир Э. (1993). Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва, 1993.
- Сергеева А.В. (2005). Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. Москва: Флинта – Наука, 2005.
- Сергеева Л.А., Хисамова Г.Г., Шаймиев В.А., Яковлева Е.А. (2007). Антропосфера дискурса. Уфа: Гилем, 2007.
- Серебрянников Б.А. (1988). Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. Москва: Наука, 1988.
- Симонов П.В. (2001). Лекции о работе мозга. Москва: Наука, 2001.
- Снитко Т.Н. (1999). Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. Пятигорск, 1999.
- Соколова Я. и др. (2003). Лексика современного русского литературного языка. Теоретический и практический курс. Nitra: FF UKF, 2003.
- Соловьёв С.М. (2005). История России с древнейших времён. В двадцати девяти томах. В 15 книгах. Т. 1. Русь изначальная. Москва: АСТ, Фолио, 2005.
- Степанов Ю.С. (1997). Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва, 1997.
- Степанов Ю.С. (2007). Концепты. Тонкая пленка цивилизации. Москва: Языки славянских культур, 2007.
- Степанов Ю.С. (1995). Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. Москва, 1995.
- Степанов Ю.С. (1976): Семиологический принцип описания языка. In: Принципы описания языков мира. Москва, 1976. С. 238-257.
- Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. (1993). Смена «культурных парадигм» и её внутренние механизмы // Философия языка: в границах и вне границ. Харьков, 1993. С. 13-36.
- Степанова Л.И. (2011). Обман в русской и чешской фразеологических картинах мира // Dialog kultur VI. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference konané ve dnech 18.-19. ledne 2011 v Hradci Králové. M. Půža, J. Konečný (eds.). Brno: Tribun EU, 2011. S. 1-6.
- Степанова Л.И. (2007). К динамике фразеологической картины мира (по материалам словаря М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Своё и

-
- чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» // *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków*. Opole 2007. S. 75-81.
- Степанова Л.И. (2002). Универсальное и индивидуальное во фразеологической картине мира // *Rossica Olomucensia XL*, č. 2, 2002. S. 361-370.
- Стернин И.А. (2001). Методика исследования структуры концепта // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание*. Воронеж, 2001. С. 58-65.
- Стернин И.А., Прохоров Ю.Е. (2007). Русские: Коммуникативное поведение. Москва: Флинта – Наука, 2007.
- Сулименко Н.Е. (2006). Синергетические мотивы в когнитивистике и лексической организации текста // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2006. № 1. С. 23-28.
- Телия В.Н. (1986). Коннотативный аспект семантики номи-нативных единиц. Москва, 1986.
- Телия В.Н. (1988). Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. Под ред. Б.А. Серебренникова. Москва, 1988. С. 175-189.
- Телия В.Н. (1996). Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996.
- Тер-Минасова С.Г. (2008). Война и мир языков и культур. Москва: Слово, 2008.
- Топоров В.Н. (1995). Миф. Ритуал. Символ. Образ. Москва, 1995.
- Улуханов И.С. (2009). Мотивация в словообразовательной системе русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Книжный дом «Либроком», 2009.
- Уорф Б. (1960). Лингвистика и логика // *Новое в лингвистике*. Москва, 1960, вып. 1.
- Уорф Б. (1957). Язык, мышление и реальность. Москва: Наука, 1957.
- Уфимцева А.А. (1986). Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. Москва, 1986.
- Федотов Г.П. (псевд. Е. Богданов) (1926). Три столицы // *Вёрсты*, 1926, № 1, Париж. С. 147-163.
- Филлмор Ч. (1988). Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. Москва, 1988. С. 52-92.
- Флоренский П.А. (1990). У водоразделов мысли. Т. 2. Москва, 1990.
- Хакен Г. (1980). Сирнергетика. Москва: Мир, 1980.
- Хахалова С.А. (1986). Нетрадиционная метафора в тексте: Автореф. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1986.
- Хлебда В. (2000). К вопросу о ментальной карте мира современных россиян // *Przegląd Rusycystyczny*, 1, 2000. С. 74-81.
- Хомский Н. (1972). Язык и мышление. Москва: Наука, 1972.

-
- Цвейг С. (1957). Избранные произведения. Куйбышев, 1957.
- Ченки А. (2002): Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления /Под ред. А.А.Кибрика, И.М.Кобозевой и И.А.Секериной. Москва: Едиториал УРСС, 2002 С. 340-366.
- Шафф А. (1963): Введение в семантику. Москва, 1963.
- Шахнарович А.М. (1990). Психолингвистический анализ семантики и грамматики. Москва: Наука, 1990.
- Шелестюк Е.В. (2006). Семиотика. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006.
- Шестов Л. (1991). Апофеоз беспочвенности. Ленинград, 1991.
- Шкраба І.Р.(1994).Самабытнае слова.Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні). Мінск: БелЭн, 1994.
- Шмелёв А.Д. (2000). Широта русской души // Арутюнова Н. Д., Левонтина И. Б. (отв. ред.). Логический анализ языка: Языки пространств. Москва: Языки русской культуры, 2000. http://www.modernlib.ru/books/shmelev_a/shirota_russkoy_dushi/read/
- Шмелёв А.Д. (2005). «Широта русской души» //Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва: Языки славянской культуры, 2005. С. 51-54.
- Шпет Г.Г. (1989). Сочинения. Москва: Наука, 1989.
- Эко У. (1998). Отсутствующая структура. Санкт-Петербург: «Петрополис», 1998.
- Эмер Ю.А. (2007). Фольклорный текст: пространственная организация жанра // Картины русского мира: Пространственные модели в языке и тексте. / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Отв. ред. – проф. З.И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007. С. 110-151.
- Юдин А.В. (1999). Русская народная духовная культура. Москва: Высшая школа, 1999.
- Яковлева Е.С. (1998). О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания, 1998, №3. С. 43-73.
- Яковлева Е.С. (1994). Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени, восприятия. Москва: Гнозис, 1994.
- Яценко Е.Ю. (1999). Культурологические механизмы адаптации концепта к лексической системе языка // Реальность, язык и сознание: Межвуз. сб. науч. трудов. – Тамбов, 1999. С. 109-113.
- Adamowski J. (1999). Kategoria przestrzeni w folklorze. Studium etnolingwistyczne. Lublin: UMCS, 1999.
- Awdziejew A. (2001). Problemy wyodrębniania i klasyfikacji frazemów In: Frazeografia słowiańska. Księga pamiątkowa poświęcona prof. dr. hab. Halinie A. Lilicz. Red. naukowa Mieczysław Bałowski i Wojciech Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski, 2001. S. 195-201.
- Bahner W., Schildt J., Viehweger D. (1991): Proceedings of the Fourteenth International Congress of Linguists. Berlin, 1991.

-
- Bartmiński J. (2009). *Językowe podstawy obrazu świata*. Wydanie trzecie. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2009.
- Bartmiński J. (1999). *Językowy obraz świata*. Lublin: Uniwersytet Lubelski, 1999.
- Bartmiński J. (2005). Czy językowy jest tylko stereotyp „formalny”? (W odpowiedzi Profesor Swietłanie Tołstojowej). In: *Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych*. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin: UMCS, 2005. S. 105-108.
- Beňušková Ľ., Černý V., Kanovský M. (eds.) (2000). *Hľadanie spoločného jazyka v kognitívnych vedách*. Bratislava: IRIS, 2000.
- Brown B., Yule G. (1983). *Discourse analysis*. Cambridge, 1983.
- Eismann W. (1998): Einige Probleme und Perspektiven der kontrastiven Phraseologie. In: *Europhras 95. Europäische Phraseologie im Vergleich. Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt*. Bochum, 1998. S. 1-30.
- Evans V. (2007). *A Glossary of Cognitive Linguistics*. Edinburgh University Press, 2007.
- Evans V. (2009). *Leksykon językoznawstwa kognitywnego*. Kraków: Universitas, 2009.
- Fenomén slovanstva I. (2004). Eds. Viera Bilasová, Rudolf Dupkala, Viera Žemberová. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2004.
- Fleischer M. (1998). Współczesna polska symbolika kolektywna (wyniki badań empirycznych). In: *Język a Kultura*, t. 12, 1998. S. 308-335.
- Furdal A. (2008). Linguistic and semiotic basis of the identity of Slavic nations. In: XIV меѓународен славистички конгрес. Охрид, 10-16 септември 2008. Зборник на резимеа. I том. Лингвистика. Скопје: Македонски славистички комитет, 2008. С. 150.
- Gajda S. (2008). Language(s) and Slavic Identities. In: XIV меѓународен славистички конгрес. Охрид, 10-16 септември 2008. Зборник на резимеа. I том. Лингвистика. Скопје: Македонски славистички комитет, 2008. С. 120-121.
- Genette G. (1976). *Przestrzeń i język*. In: *Pamiętnik Literacki*, 1976, z. 1. S. 227-232.
- Grzegorzczak R. (2005). Nazwy wymiarów jako określenia cech psychicznych człowieka. In: *Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych*. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin: UMCS, 2005. S. 27-40.
- Grzegorzczak R. (1999). Opozycja wierzch-spód jako składnik językowej konceptualizacji przestrzeni. In: *Prace Filologiczne*, 44, 1999. S. 185-191.
- Herrmann Th. (1982): Über begriffliche Schwächen kognitiver Kognitionstheorien: Begriffsinflation und Akteur-System-Kontamination. In: *Sprache & Kognition* (2), 1982. S. 23-32.
- Herskovits A. (1986). *Language and Spatial Cognition*. Cambridge, 1986.
- Humboldt Wilhelm von (1990). *Briefe an Friedrich Wolf*. Ed. Ph. Matson. Berlin – New York, de Gruyter 1990.

-
- Humboldt Wilhelm von (2000). O rozmanitosti stavby ľudských jazykov a jej vplyve na duchovný rozvoj ľudského rodu. Preklad do slovenčiny Slavomír Ondrejovič. Bratislava: Veda, 2000.
- Chafe W. (1994). *Discourse, consciousness and time*. Chicago, 1994.
- Chlebda W. (1998). Stereotyp jako jedność języka, myślenia i działania. In: *Język a Kultura*, tom 12. Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne. Pod red. Janusza Anusiewicza i Jerzego Bartmińskiego. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998. S. 31-41.
- Chomsky N. (1986). *Knowledge of Language: Its Nature, Origins and Use*. New York, 1986.
- Chomsky N. (1981). *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht, 1981.
- Johnson M., Lakoff G. (2002). Why Cognitive Linguistics Required Embodied Realism. In: *Cognitive Linguistics*, No. 13 (3), 2002.
- Kiklewicz A. (2004). Znaczenie i konceptualizacja w semantyce kognitywnej // *Prace językoznawcze*. VI. Olsztyn, 2004. S. 41-58.
- Kosecki K. (2005). Metafory i metonimie czasoprzestrzeni. In: *Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych*. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin: UMCS, 2005. S. 91-100.
- Kováčová Z. (2007). Percepcia textu a komunikačná kompetencia. In: *Veda – vzdelávanie – prax*. 3. diel. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie. Nitra: UKF, 2007. S. 231-235.
- Kováčová Z. (2011). *Reč a jazyk v škole. Kapitoly z teórie vyučovania slovenčiny*. Nitra: Enigma, 2011.
- Kováčová Z. (2010). Význam jazykovej analýzy textu pre formovanie komunikačnej kompetencie. Nitra: FF UKF, 2010.
- Kramer Ch. (2008). Border Crossings: Language Standartization and Language Shift. In: XIV меѓународен славистички конгрес. Охрид, 10-16 септември 2008. Зборник на резимеа. I том. Лингвистика. Скопје: Македонски славистички комитет, 2008. С. 93.
- Lakoff G., Johnson M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago – London, 1980.
- Lakoff J. (1988). *Cognitive semantics [Text]* / J. Lakoff // *Meaning and mental representations*. Bloomington, 1988. P. 78-106.
- Lang E. (1995). Basic dimension terms: A first look at universal features and typological variation // *FAS Papers in Linguistics*. Ed. E. Lang. Berlin, 1995. S. 66-100.
- Lang E. (1993). The meaning of German projective prepositions: A two level approach // *The Semantics of Prepositions. From Mental Processing to Natural Language Processing*. Ed. C. Zelinsky-Wibbelt. Berlin, 1993. S. 249-261.
- Lang E. (1989). The Semantics of Dimensional Designation of Spatial Objects // *Dimension Adjectives: Grammatical Structure and Conceptual Interpretation*. Ed. M. Bierwisch, E. Lang. Berlin, 1989. S. 263-418.

-
- Lang E., Carstensen K.-U. (1990). OSKAR – A PROLOG Program for Modelling Dimensional Designation and Positional Variation for Objects in Space. Berlin, 1990.
- Langacker R.W. (1991): Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar. Berlin, New York, 1991.
- Langacker R.W. (1987). Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.
- Łaziński M., Szewczyk M. (2006). Słowa-kucze w semantyce i statystyce. Słowa tygodnia „Rzeczypospolitej”. In: Biuletyn polskiego towarzystwa językoznawczego. Zeszyt LXII. Kraków: Universitas, 2006. S. 57-68.
- Lipiec J. (1992). W przestrzeni wartości. Studia z ontologii wartości. Kraków, 1992.
- Maciejewski W. (1996). O przestrzeni w języku. Studium typologiczne z językiem polskim w centrum. Poznań, 1996.
- Matoré G. (1962). L'espace humain. Paris: La Colombe, 1962.
- Mlacek J., Baláková D., Kováčová V. (2009). Vývin súčasnej frazeológie: východiská, podoby, uplatňovanie, akceptácia. Ružomberok: Vyd-vo Michala Vaška, 2009.
- Nebeská I. (2002). Úvod do psycholingvistiky. Praha: H&H, 2002.
- Nikitina S. (2005). Stereotypy jako bariery kulturowe. In: Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin: UMCS, 2005. S. 155-160.
- Pajdzińska A. (1991). Wartościowanie we frazeologii. In: Język i kultura, t. 3, red. J. Puzyrnia, J. Anusiewicz. Wrocław, 1991. S. 15-28.
- Páleš E. (1990). Cooperation of Syntax and Semantics in Flexive Languages. In: Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence, No. 2 (1990), p. 1-24.
- Páleš E. (1995). Duchovná úloha Strednej Európy alebo ako súvisia rozprávky s politikou. Bratislava: Sophia, 1995.
- Páleš E. (2007). Sedem archanjelov. Rytmy inšpirácie v dejinách kultúry a prírody. Bratislava: Sophia, 2007.
- Páleš E. (2010). Štúrovská koncepcia slovanskej vedy – romantický prežitok alebo predzvesť budúcnosti? Trendy v metodológii a filozofii vedy, ktoré dávajú za pravdu Štúrovcom. Konferencia Nové kontexty života a diela Ľudovíta Štúra. Modra, 2010.
- Piętkowa R. (2001). O aksjologizacji przestrzeni w języku i poezji. In: Język i kultura. T. 2. Pod red. A. Pajdzińskiej, R. Tokarskiego. Lublin: UMCS, 2001. S. 149-161.
- Przestrzeń w języku i kulturze (2005). Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin: UMCS, 2005.
- Rasulić K. (2004): Jezik i prostorno iskustvo: Konceptualizacija vertikalne dimenzije u engleskom i srpskohrvatskom jeziku. Beograd: Filološki fakultet, 2004.

-
- Rasulić K. (2006): Tako blizu, a tako daleko: O metaforičkoj konceptualizaciji zasnovanoj na pojmovima blizu i daleko. In: P. Piper (ed.) Kognitivnolingvistička proučavanja srpskog jezika. Beograd: SANU, 2006. S. 231-260.
- Rosch E., Lloyd B.B. (eds.) (1978). *Cognition and Categorization*. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1978.
- Rybár J., Kvasnička V., Farkaš I. (eds.) (2005). *Jazyk a kognícia*. Bratislava: Kalligram, 2005.
- Tokarski R. (1990). Językowy obraz świata w metaforach potocznych. In: *Językowy obraz świata*. Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin: UMCS, 1990. S. 69-86.
- Sawicka G. (2005). Funkcje stereotypu w nominacji językowej. In: *Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych*. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin: UMCS, 2005. S. 146-154.
- Sepir E. (1929). The status of linguistics as science // *Language*, 1929, No. 5, p. 207-214.
- Schank R.C., Abelson R.P. (1977). *Scripts, Plans, And Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures*. Hillsdale, 1977.
- Schank R.C. (1978). *Dynamic Memory // Cognition and categorization*. Hillsdale, 1978.
- Schwarzová M. (2009). *Úvod do kognitivní lingvistiky*. Praha: Dauphin, 2009.
- Sipko J. (2011). *Teoretické a sociálno-komunikačné východiská lingvokulturológie*. Prešov: FF PU, 2011.
- Sławiński J. (1974). *Dzieło. Język. Tradycja*. Warszawa, 1974.
- Stereotypy mieszczą w języku. *Studia etnolingwistyczne* (2009). Pod red. J. Bartmińskiego. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2009.
- Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne* (2000). Pod red. R. Grzegorzycowej i K. Waszakowej. Część 1. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2000.
- Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne* (2003). Pod red. R. Grzegorzycowej i K. Waszakowej. Część 2. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2003.
- Štefanko M (2006). Metodologický obsah filozofických kategórií. In: *Acta Nitriensia 8. Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre*, 2006. S. 156-163.
- Talmy L. (1983). How language structures space // *Spatial Orientation*. Ed. H. Pick & L. Acredolo. New York, 1983. S. 255-319.
- Taylor J.R. (1989). *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- Telijska W. (2005). Frazjeologizmy-idiomy jako stereotyp kultury. In: *Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych*. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin: UMCS, 2005. S. 160-168.

- Tołstaja S. (2005). Stereotyp w „języku kultury“. In: Przestrzeń w języku i kulturze. Problemy teoretyczne. Interpretacje tekstów religijnych. Pod red. J. Adamowskiego. Lublin: UMCS, 2005. S. 99-104.
- Ungerer F., Schmid H.-J. (1996). An Introduction to Cognitive Linguistics. London, New York. 1996.
- Vaňková I. (2007). Nádoba plná řeči: Člověk, řeč a přirozený svět. Praha: Karolinum, 2007.
- Whorf B.L. (1956). Language, Thought and Reality. New York: The Technology Press, 1956.
- Wierzbicka A. (1990). Duša (≈soul), toska (≈yearning), sud'ba (≈fate): three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne w opisie języków słowiańskich. Pod red. Żygmunta Saloniego. Białystok, 1990. S. 7-32.
- Wierzbicka A. (1992). Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York: Oxford University Press, 1992.
- Wierzbicka A. (2010). Semantyka. Jednostki elementarne i uniwersalne. Lublin: UMCS, 2010.
- Wierzbicka A. (1997). Understanding Cultures Through Their Key Words. English, Russian, Polish, German, Japanese. New York: Oxford University Press, 1997.

Сокращения в названиях словарей и источников

- Czułe słowa – Bańko M., Zygmunt A. Czułe słowa: Słownik afektonimów. Warszawa: PWN, 2011.
- Dobšinský – Dobšinský P. Sborník slovenských národných piesní, povestí, prísloví, porekadiel, hádok, hier, obyčajov a povier. Martin, 1874.
- Glovňa, Lindner, Obst – Glovňa J., Lindner J., Obst U.: Slovakische, russische und deutsche Phraseologismen. Ein Handbuch für Studierende. Nümbrecht: Kirsch Verlag, 2007. 284 s.
- Habovštiaková, Krošláková – Habovštiaková K., Krošláková E.: Frazelogický slovník. Človek a príroda vo frazeológii. Bratislava: Veda, 1996. 176 s.
- RSFS – Rusko-slovenský frazeologický slovník. Pod red. V. Dorotjakovej. Bratislava: SPN, 1998.
- RSPK – Rusko-slovenský paralelný korpus: <http://korpus.juls.savba.sk/parus/>
- Smiešková – Smiešková E.: Malý frazeologický slovník. Bratislava: SPN, 1974. 296 s.
- SNK – Slovenský národný korpus: <http://korpus.juls.savba.sk>
- SS – Synonymický slovník slovenčiny. Kolektív autorov. Bratislava: Veda, 2000. Dostupen takže v elektronickej verzii na www.slovníky.korpus.sk.
- SSJ – Slovník slovenského jazyka. Elektronickej verzii jednotomného akademického vydania tolkového slovarja slovačského jazyka – Krátky

-
- slovník slovenského jazyka. Bratislava: Veda, 1987, доступна на www.slex.sk.
- Záturecký – Záturecký A.P. Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Povaha, mravy a duševné prejavy. Bratislava: Slovenský Tatran, 2005.
- Алефиренко, Золотых – Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г.: Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. Москва: ЭЛПИС, 2008. 472 с.
- Берков – Берков В.П. Большой словарь крылатых слов русского языка / В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова. Москва: Изд-ва «Рус. словари», «Астрель» и АСТ, 2000.
- БЭС – Большой энциклопедический словарь. Серия Современная энциклопедия. Москва: АСТ: Астрель, 2008.
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. Санкт-Петербург: ТОО «Диамант», 1991.
- Жуков – Жуков А.В.: Лексико-фразеологический словарь русского языка. Москва: Астрель: АСТ, 2007. 603 с.
- Зимин, Спирин – Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь / В.А. Зимин, А.С. Спирин. Изд. 3-е, стереотипное. Ростов-на-Дону: Феникс; Москва: Цитадель-трейд, 2006.
- ККРГ – Компьютерный корпус русских газет конца XX века. Доступен по ссылке: <http://www.philol.msu.ru/~lex/corpus/>
- КСКТ – Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва: Изд-во МГУ, 1996.
- КФЭ – Краткая философская энциклопедия, 1994.
- Лепешаў1 – Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Частка 1. Мінск: Народная асвета, 1981. 160 с.
- Лепешаў2 – Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Частка 2. Мінск: Народная асвета, 1993. 200 с.
- Лопатин, Лопатина – Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Малый толковый словарь русского языка: Ок. 35 000 слов. Москва: Русский язык, 1990. 704 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Сов. энциклопедия, 1990.
- Михельсон – Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Предисловие и комментарии В.М. Мокиенко. Т. 1-2. Москва: Русские словари, 1994.
- Мокиенко, Мелерович – Мокиенко В.М., Мелерович А.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. 2-е изд., стер. Москва: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. 853 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru
- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. / Авт. Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В.

-
- Урысон. Под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна. Москва: "Русские словари", 1995.
- Ожегов, Шведова – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. Москва, 1999.
- Рус. сем. сл. – Русский семантический словарь. Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I, II. Москва: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2000.
- СМК – Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И., Рябов Г.П. Словарь по межкультурной коммуникации. Понятия и персоналии. Москва: Флинта – Наука, 2010.
- СФСРЯ1 – Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Под ред. В.П. Жукова. Москва: Русский язык, 1987.
- СФСРЯ2 – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Словари XXI века. Москва: Изд-во АСТ-Пресс Книга, 2009. 448 с.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1978. 543 с.
- Шведова – Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Москва: ИРЯ РАН, 2007.

RESUMÉ

Vznik každej novej vedy je spojený s pokusom ľudstva o elimináciu nejasností v určitej oblasti poznania, ktoré prekážajú človeku v dosiahnutí jeho cieľov. Jednou z takýchto vedných disciplín sa stala kognitívna lingvistika, ktorá sa z pozície modernej vedy snaží pochopiť nielen ľudské myslenie, ale aj jeho nástroj, jazyk.

Vo všeobecnosti môžeme hovoriť o formovaní kognitívnej lingvistiky ako vednej disciplíny v posledných dvoch desaťročiach 20. storočia, hoci už v prvých teoretických prácach lingvistov 19. storočia bol naznačený predmet jej výskumu, a to špecifiká osvojovania si a spracovania informácií pomocou jazykových znakov. Základom dnešnej kognitívnej lingvistiky sa stali diela W. von Humboldta o národnom duchu. Humboldtovu koncepciu svojrázne rozvinul A. A. Potebňa, ktorý otázky pôvodu jazyka spájal s javmi duchovného života predchádzajúceho jazyku. Venoval sa zákonitostiam formovania a vývinu jazyka, ale aj jeho vplyvu na duševnú činnosť [Потебня 1999: 38].

Predmet kognitívnej lingvistiky ešte viac ozrejmil významný poľský a ruský vedec J. A. Baudouin de Courtenay. Uvažoval, že výskum jazykového myslenia otvára cestu k poznaniu tzv. jazykových vedomostí o vonkajšom a vnútornom svete človeka, k prehodnoteniu všetkých prejavov skutočnosti – materiálnych, individuálno-psychologických a sociálnych [Бодуэн де Куртенэ 1963: 312]. Vo svetovej vede môžeme úvahy o úlohe jazyka v poznaní nájsť v koncepciách významných mysliteľov všetkých čias.

Americká lingvistika sa týmto otázkam zo známych dôvodov vyhýbala, pretože v nej dominovalo štrukturalistické chápanie jazyka. Avšak v poslednej štvrtine 20. storočia urobila v osobe J. Lakoffa, R. Langackera, R. Jackendoffa a i. veľký skok dopredu. Práce americkej školy podrobne analyzuje okrem iných významná ruská lingvistka E. S. Kubrjakova [Кубрякова 2004], ktorej dielo sa stalo základom ruskej kognitívnej lingvistiky 20. – 21. st. V tomto období začína kognitívna lingvistika nadobúdať celistvosť a metodologickú jednotnosť.

Proces formovania základov a pojmového aparátu kognitívnej lingvistiky je spojený predovšetkým s hľadaním bádateľských metód. Osobitosťou ruskej kognitívnej lingvistiky je v tomto smere jej úzka spätosť s bádáním sémantických procesov, s teóriou významu slova na základe komponentovej analýzy (Ju. D. Apresjan, I. A. Melčuk, A. K. Žolkovskij). Okrem toho predstavitelia ruskej kognitívnej lingvistiky využívajú metódu lingvistického experimentu L. V. Ščerbu.

V poslednej dobe sa hľadajú nové metódy lingvokognitívneho výskumu rozmanitých jazykových (langue) a rečových (parole) oblastí. Významným prínosom pre rozvoj kognitívno-sémantickej subparadigmy sa stala štruktúra

asociatívno-verbálnej siete ako spôsobu reprezentácie jazykových a mimojazykových vedomostí, ktorú vypracoval Ju. N. Karaulov. V súčasnosti je mimoriadne produktívny aj výskum z aspektu jazykového obrazu sveta, ktorý sa realizuje predovšetkým v Rusku a v Poľsku (V. I. Postovalova, E. S. Kubrjakova, B. A. Serebrennikov, J. Bartmiński, J. Anusiewicz, J. Puzynina, R. Grzegorzycowa a i.). Autori vymedzujú jazykový obraz sveta ako spôsob štrukturácie poznatkov o skutočnosti a nástroj jej poznania.

Bádatelia tambovskej školy pod vedením prof. N. N. Boldyreva vydali v Rusku špeciálny zborník venovaný tejto problematike, *Zásady a metódy kognitívneho výskumu jazyka* (2008). Jeho obsahovú náplň tvorí konfrontácia tradičného a kognitívneho prístupu k lexikálnej sémantike (E. G. Beľajevskaja), syntaxi (L. A. Furs), textu (V. A. Piščalnikova, E. I. Davydova – kognitívne modelovanie), ako aj uplatnenie možnosti kognitívno-matričnej analýzy (V. G. Kulikov). Belgorodská škola pod vedením prof. N. F. Alefirenka rozpracúva metodiku kognitívno-pragmatickej a kognitívno-hermeneutickej analýzy znakov nepriamej nominácie a textu (N. F. Alefirenko, M. A. Golovaneva, E. G. Ozerova, I. I. Čumak-Žuň a i.).

Každý z vymenovaných prístupov akcentuje vlastné priority, avšak je zrejmé, že ľudský rozum sa môže napájať na štruktúry vnútornej reprezentácie sveta iba cez jazyk, ktorý je hlavným reprezentantom kognitívnych štruktúr. Kognitívna lingvistika vníma jazykovú činnosť ako jednu z variant ľudského poznania. Jej predmetom je okrem iného problematika verbalizácie poznatkov o svete, mechanizmy rečovej činnosti a komunikácie, motivácia kognitívnej činnosti človeka.

V predkladanej monografii sa snažíme ozrejmiť základné teoretické a metodologické východiská súčasnej kognitívnej lingvistiky s oporou o ruskú kognitívnu vedu (N. Alefirenko – úvod, kapitola 1 časť 1.1, kapitoly 2 – 6, záver časť 2). Ďalej tieto aspekty z kontrastívneho hľadiska aplikujeme na problematiku určovania národných kognitívnych špecifik jazykového obrazu sveta v príbuzných jazykoch (N. Korina – kapitola 1 časť 1.2, kapitoly 8 – 10, záver časť 1).

Dôraz kladieme na čo najprecíznejšie vymedzenie základných pojmov kognitívnej lingvistiky vo vzťahu k jej ústrednému pojmu koncept, ktorý vnímame ako globálnu jednotku myslenia, ako kvantum štruktúrovaných poznatkov človeka a národa o okolitej skutočnosti, alebo, ako sa obrazne vyjadril V. V. Kolesov, „výhonok praobrazu“ a „zárodok pojmu“ [Колесов 2002; Колесов 2004]. Na tomto základe rozlišujeme také blízke kognitívne štruktúry, akými sú koncept a pojem, koncept a zmysel, pojem a kategória. Jednotlivé kapitoly sú tiež venované moderným smerom v súčasnej kognitívnej lingvistike: kognitívne základy sémantických postupov v jazyku, diskurzívno-kognitívne

aspekty jazykovej nominácie a kognitívno-synergetický smer v súčasnej lingvistickej postmoderne.

Osobitný dôraz sa kladie na kognitívne špecifická jazykového obrazu sveta (JOS), ktoré sa v tejto fáze výskumu konfrontujú na materiáli ruského a slovenského jazykového obrazu sveta. Na základe kontrastívneho výskumu rôznych štruktúrnych rovín jazyka – slovo tvorbou počnúc a sémantikou končiac – sa vyčleňujú kognitívne dominanty, ktoré určujú spôsob formovania národných obrazov sveta. Väčšina z nich je geograficky determinovaných, t. j. podmienených geomorfologickou štruktúrou historicky osídleného územia, na ktorom sa formoval príslušný jazyk. Kým Slováci, národ žijúci v horských oblastiach, inklinujú k vertikálnym modelom priestorovej štruktúry, Rusi, ako národ žijúci na rovinate území, inklinujú k horizontálnej štruktúre priestorových modelov, čo sa potvrdzuje v mnohých jazykových skutočnostiach.

Autori zdôrazňujú, že v JOS každého národa sú prítomné tak univerzálne schémy podmienené samotnou štruktúrou ľudského myslenia a vedomia, ako aj etnokultúrne špecifická odlišujúce daný národ od iných. Práve tieto sa stali objektom nášho podrobnejšieho výskumu.

Človek je mimoriadne zložitým a synergeticky celistvým systémom systémov, pričom ide o systém mnohoaspektový a dynamický (biologický, psychický, sociálny, kultúrny atď.). Preto je v stálej súčinnosti s každým z týchto podsystémov zvlášť aj so všetkými spolu [porovn.: Васильев 2004: 48-49]. V tomto kontexte je prípustná a logicky opodstatnená naša hypotéza, podľa ktorej prepojenie človeka a semiotického priestoru lingvokultúry je rovnako zložitým synergetickým a mnohoaspektovým systémovým javom.

Táto zložitosť, aj keď je vyjadrená implicitne, je podmienená skutočnosťou, že synergetický priestor lingvokultúry je konštituovaný obrovským množstvom pohyblivých komponentov a rozmanitých súvzťažností medzi nimi. Okrem toho prirodzená a mnohoaspektová povaha týchto súvzťažností je podmienená izomorfickou organizáciou analyzovaného systému a jeho podsystémov.

Sémantická sieť každého jazyka je spleť jednotlivých komponentov etnokultúrneho systému významov vlastných každému jazyku. Tento systémovo-synergetický princíp asociatívno-významovej organizácie sémantickej siete zabezpečuje jej dostupnosť pre každého nositeľa jazyka nezávisle od odlišností jazykových kompetencií a základných poznatkov. Takáto organizácia sémantickej siete určuje svojráznosť objektu kognitívno-diskurzívneho výskumu. Asociatívno-významová štruktúra sémantickej siete nielenže nie je v rozpore, ale aj bezprostredne aplikuje nevyhnutnosť druhej časti nášho prístupu, ktorou je semiologická analýza slova v diskurze. A naopak, účelom kognitívno-semiologickej teórie slova je uchopenie súvzťažností medzi systémovou a diskurzívnou sémantikou kultúrne motivovaných nominácií.

V rámci kognitívno-diskurzívneho prístupu sa základným objektom lingvistického výskumu nestávajú jednotlivé lexémy s ich systémovými významami, ale tie synergetické prúdy, ktoré formujú hierarchiu kultúrne motivovaných nominácií v celkovej sémantickej sieti príslušného diskurzu [Алефиренко 2007]. Faktormi vymedzujúcimi status kultúrne motivovaných jednotiek v hierarchii diskurzívnych jednotiek sú motívy a zámery subjektov rečovej komunikácie, ktorými sa hodnotia extralingvistické podmienky komunikácie (poznávanej skutočnosti, presupozícií, zaužívaných v určitej kultúre spôsobov mytologizácie jednotlivých objektov v rámci poznávacej činnosti atď.) [Sławiński 1974]. Vďaka takýmto synergetickým faktorom nadobúdajú objekty kódované v diskurze status invariantných kultúrne motivovaných nominácií.

Táto vedecká monografia je vydaná z prostriedkov grantového projektu VEGA č. 1/0293/09 *Kognitívny rozmer filologických vied v 21. storočí* riešeného na FF UKF v Nitre.

Prof. Nikolaj Alefirenko, DrSc.
Doc. PhDr. Natália Korina, CSc.

Problémy kognitívnej lingvistiky

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta

Jazyková redakcia: Mgr. Oľga Brandys, CSc.

Obálka: PhDr. Ľuboslav Horvát

Sadzba: PhDr. Ľuboslav Horvát

Vydanie: prvé

Náklad: 100 ks

Formát: A5

Rok vydania: 2011

Rozsah: 216 strán

Tlač:

© Н.Ф. Алефиренко, Н.Б. Корина 2011

ISBN 978-80-8094-987-7